

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Бояркин Михаил Викторович

**Археология в краеведческих музеях Центрального Черноземья России
(конец 1870-х – начало 1990-х гг.)**

07.00.06 – Археология

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Захарова Е. Ю.

Воронеж – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть 1. Археология в губернских музеях Центрального Черноземья Российской империи	18
Глава 1.	
Предпосылки организации губернских музеев. Место археологии в проектах создания губернских музеев Центрального Черноземья	18
Глава 2.	
Археологическая деятельность губернских музеев региона	37
Часть 2. Развитие археологии в краеведческих музеях Центрально-Черноземных областей советского периода	74
Глава 3.	
Динамика развития музейной археологии в регионе с 1917 г. до конца 1920-х гг.	74
Глава 4.	
Место археологии в советской модели краеведческого музея (1930-е – 1980-е гг.). Сотрудничество областных музеев с академическими и вузовскими экспедициями	107
Глава 5.	
Предпосылки создания и начало деятельности археологических музеев региона	154
Заключение	163
Список использованных источников и литературы	166
Список сокращений	199
Приложения	201

Введение

Актуальность исследования. Одной из составляющих деятельности краеведческих музеев Центрального Черноземья России с момента их образования является археологическая. Она занимает определенное место в их научной, фондовой, экспозиционной и выставочной работе. Сформированность археологии как научно-просветительского направления в рамках музейного краеведения предполагает завершенность в оформлении ее инфраструктуры (внутренней и внешней) и результативность функционирования каждого из компонентов. Внутренняя инфраструктура включает наличие специализированного сектора в административном управлении, организацию сбора, обработки, хранения и демонстрации материалов, публикационную деятельность. Важнейшим показателем функционирования внешней инфраструктуры выступает результативность механизмов взаимодействия с государственной властью, научными учреждениями и высшими учебными заведениями, гражданским обществом.

В Центральном Черноземье России с момента выработки проектов губернских музеев во второй половине XIX в. развитие музейного краеведения неразрывно связано с археологией. В дальнейшем на протяжении всего периода существования краеведческих музеев археология неизменно выступала одним из направлений их деятельности. При этом динамика ее развития определялась в каждом губернском/областном центре как социокультурными, так и обще- и конкретно-научными факторами.

Закономерным итогом этого процесса становится выделение в начале 1990-х гг. из структуры Воронежского областного краеведческого музея специализированных археологических музеев-заповедников «Костенки» и «Дивногорье», на базе Курского областного краеведческого музея создание первого в России Областного музея археологии, в то время

как в музейной археологии Тамбова, Липецка, Белгорода к этому времени со всей очевидностью проявляется стагнация.

Этот пройденный музейной археологией региона процесс становления и развития требует оценки с позиций современного научного знания, предусматривающего и анализ ее внутренней динамики, и результативности взаимодействия с внешними структурами. По отношению к указанным явлениям необходимо применение комплексного подхода, учитывающего также политические и идеологические изменения. Такое исследование будет способствовать адекватному осмыслению музейной археологии Центрального Черноземья России и дополнит представления о развитии музейной археологии как явления в целом.

К настоящему времени указанная выше проблема практически не разработана в отечественной истории археологии. Без такого обобщающего исследования в полной мере сложно представить особенности формирования археологических коллекций, создания экспозиций археологической направленности в региональных музеях Центрального Черноземья России. До настоящего времени указанная выше проблема еще не стала предметом специального научного исследования у музееведов и краеведов, хотя отдельные аспекты предлагаемой темы изложены в ряде публикаций, о чем речь пойдет далее.

Диссертация посвящена роли и месту археологии в процессе формирования и деятельности краеведческих музеев Центрального Черноземья России с конца 1870-х до начала 1990-х гг.

Степень разработанности проблемы, ее историография. Тема диссертации в указанных территориальных и хронологических рамках ранее объектом исследования не являлась. Однако отдельные её аспекты уже были проанализированы в научных публикациях. Всю историографию рассматриваемой нами проблематики можно условно разделить на несколько тематических блоков.

1. Исследования по истории отечественной археологии в целом и в частности по истории региональной археологии Центрального Черноземья России.

Для формирования научного представления об общероссийских условиях и особенностях развития музейной археологии в регионе на разных хронологических отрезках нами учтен опыт предшественников, посвятивших свои труды анализу следующих проблем:

периодизация отечественной археологии, характеристика отдельных этапов в ее развитии ¹;

история археологических учреждений и научных обществ в столичных центрах ²;

¹ Генинг В.Ф. Очерки истории советской археологии (У истоков формирования марксистских основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х гг.). Киев: Наукова думка, 1982. 226 с.; Генинг В.Ф., Левченко В.Н. Археология древностей – период зарождения науки (конец XVIII – 70-е гг. XIX в.). Киев, 1992. 65 с.; Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. Пг.: Наука и школа, 1923. 200 с.; Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993. 128 с.; Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.; Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 2. Археологи советской эпохи. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 640 с.; Монгайт А.Л. Археология в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 436 с.; Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700 – 1917 гг. СПб.: СПбГУ, 1992. 464 с.; Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.; Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг). Воронеж: ВГУ, 1986. 286 с.; Пряхин А.Д. История отечественной археологии. Ч. 1: Русская дореволюционная археология. Воронеж: ВГУ, 2005. 185 с.; Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России: Первые книги. М.: Наука, 1983. 128 с.; Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.; Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак, 2006. 344 с. Слишком большое число опубликованных статей по данной проблеме, позволяет привести сведения только о монографических исследованиях.

² Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919 – 2014 гг.). СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. 416 с.; Императорская Археологическая Комиссия (1859 - 1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. 1192 с.; Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.). Автореф. дисс...д.и.н. СПб., 2013. 54 с.

история объединений любителей старины и формирование профессиональных сообществ археологов в российской провинции, с детальной проработкой соответствующих публикаций и диссертационных исследований по Центральному Черноземью¹;

формы и результативность взаимодействия в области археологии между центральными структурами и провинциями²;

история археологии в вузах, оказавших существенное влияние на музейную археологию Центрального Черноземья³;

¹ Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. Два века воронежского краеведения: люди, труды, события: Краткий обзор. Воронеж, 2000. 59 с.; Акиншин А. Н. Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х годов) // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 173-178; Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX - нач. XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. Рязань: Трибунский, 2002. 380 с.; Алленова В.А. Мизис Ю.А. История тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). Тамбов: ТГУ, 2002. 438 с.; Первушкин В.И. Становление и развитие провинциального краеведения в России во второй трети XIX – начале XX века: Автореф. дисс...д.и.н. Пенза, 2008. 54 с.; Поташкина Н.А. Деятельность воронежских краеведов по исследованию исторических древностей края (конец XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс...к.и.н. Воронеж: ВГПУ, 2006. 23 с.; Скобелкин О.В. Воронежский церковный историко-археологический комитет и его издание «Воронежская старина» // Из истории города Воронежа. Воронеж, 1984. С. 115–124; Чесноков В.И. Воронежский статистический комитет и его краеведческая деятельность в дореформенное время // Воронежский краеведческий сборник: Из истории культуры края. Воронеж: ВГУ, 1985. С. 70–100; Чесноков В.И., Чесноков И.В. Воронежское краеведение на Всероссийских археологических съездах // Русская провинция. Вып. 2. Воронеж, 1995. С. 109–135; Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 2. «Золотой век» губернского краеведения: 1860-е – 1910-е гг. Курск: КГМУ, 1997. 140 с.; Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII – XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края). Автореф. дисс...д.и.н. Курск: КГМУ, 2002. 42 с.; Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930 – 1931 годов (Курский «филиал»). Курск: КГМУ, 2007. 272 с.

² Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. Казань: Отечество, 2014. 188 с.; Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: ИА РАН, 2011. 592 с.

³ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: СПбГУ, 2003. 332 с.; Пряхин А.Д. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Книга 1. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. 140 с.

роль отдельных ученых в развитии археологии Центрального Черноземья¹;

история исследований археологических объектов и памятников на территории Центрального Черноземья, в которых участвовали музеи (соответствующая информация в основном прослеживается по полевым отчетам держателей открытых листов, эпизодически встречается в публикациях информативного характера; существенное значение в этой связи имеет диссертационное исследование Г.Ю. Стародубцева²).

Безусловно, тематика нашей диссертации является составной частью изучения истории археологии Центрального Черноземья, которую впервые выделил в самостоятельный объект исследования А.Д. Пряхин³, обобщила накопленные данные, систематизировала имеющиеся сведения и

¹ Акиншин А. Н. Археолог Сергей Николаевич Замятнин (1899-1958). Воронежские страницы биографии // Исторические записки. Воронеж: ВГУ, 2002. Вып. 8. С. 207–214; Бессуднов А.Н., Пряхин А.Д. Всеволод Протасович Левенок: штрихи к портрету археолога // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 2006. С. 5–7; Бухтоярова И.М. Сергей Николаевич Замятнин и его вклад в изучение палеолита. Автореф. дис... к.и.н. СПб., 2013. 22 с.; Гуляев В.И. С.Н. Замятнин и П.Д. Либеров и их вклад в изучение памятников скифской эпохи на Среднем Дону // Археология Черноземного Центра России: история исследований, историография. Материалы регион. научн. конф. Воронеж: ВГУ, 1999. С. 63–65; Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2008. № 2. С. 62–70; Захарова Е.Ю. Роль А.А. Спицына в становлении археологии Воронежского края // Российская археология. 2009. № 3. С. 148–152; Захарова Е.Ю. Археологическая деятельность С.Е. Зверева // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2010. № 1. С. 13–22; Историки Курского края. Биографический словарь / Сост., отв. ред. С.П. Щавелев. Курск: изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2009. 468 с.; Пряхин А.Д. Археологи уходящего века. Воронеж: ВГУ, 1999. 168 с.; Пряхин А.Д., Сафонов И.Е. Проблемы эпохи бронзы доно-донецкого региона в научном наследии В.А. Городцова (первые десятилетия XX столетия) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 16. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 49–70.

² Стародубцев Г.Ю. Исследование археологических памятников Курского края в XIX – XX веках: Автореф. дисс... к.и.н. Брянск, 2006. 22 с.

³ Пряхин А.Д. Археологическое изучение черноземного центра Российской Федерации: этапы региональной археологии // России черноземный край. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. С. 98–114.

реконструировала процесс становления и развития региональной археологии в докторской диссертации Е.Ю. Захарова¹.

2. Работы, посвященные развитию музейного дела, как в масштабе всего государства, так и на региональном уровне.

В исследованиях по музейному делу, носящих обобщающий характер, для нас важны разработки теоретико-методологической направленности, в том числе историографические и источниковедческие сюжеты, аргументация различных точек зрения по проблеме музейных преобразований в нашем государстве². Особый интерес в этой связи представляют серия сборников НИИ музееведения под общим названием «Очерки истории музейного дела в СССР» (1957–1971)³, где опубликованы работы ведущих музееведов А.М. Разгона, Д.А. Равикович, А.Б. Закс и др., а также справочные издания, среди которых выделим «Российскую музейную энциклопедию» в 2-х томах, содержащую более 1500 статей⁴.

В Центральном Черноземье пока не сложилось историографической традиции, посвященной анализу деятельности краеведческих музеев и

¹ Захарова Е.Ю. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.). Автореф. дисс....д. и. н. Воронеж, 2015. 40 с.

² Беззубова О.В. Некоторые аспекты теоретического осмысления музея как феномена культуры // Триумф музея? СПб.: «Осипов», 2005. С.6-27; Музееведение. Музеи исторического профиля / под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. М.: Высшая школа, 1988. 431 с.; Музееведческая мысль в России XVIII - XX веков: сборник документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулеева. М.: Этерна, 2010. 930 с.; Музейная экспозиция. Теория и практика: сб. науч. тр. / отв. ред.- сост. М.Т. Майстровская. М., 1997. 365 с.; Музейное дело России / под ред. Каулен М.Е., Коссовой И.М., Сундиевой А.А. М.: «ВК», 2003. 614 с.; Сапанжа О.С. Теория музея и музейности: историографический обзор и историческая типология. СПб.: Экспресс, 2011. 97 с.; Турьинская Х.М. Музейное дело в России в 1907-1936 гг. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. 122 с.; Разгон А.М., Финягина Н.П. Изучение и научное описание памятников материальной культуры. М.: Советская Россия, 1972. 271 с.; Сеницын О.В., Сеницына К.Р. Исторические музеи России в дореволюционной историографии // Вестник ТГГПУ. 2008. № 3 (14). С. 4–10; Цуканова В.Н. Вопросы классификации музейных предметов // Проблемы теории, истории и методики музейной работы / Музейное дело: сборник научных трудов. Вып. 25. М., 2000. С. 222–244.

³ Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. I–VII. М.: НИИ музееведения, 1957 – 1971.

⁴ Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / Рос. институт культурологии МК РФ, РАН. М.: Прогресс, Рипол Классик, 2001. 847 с.

археологии в них, имеются лишь единичные работы. Появление первых работ, посвященных музеям в губерниях Центрального Черноземья, относится к последней трети XIX в. и связано с их открытием, а потому принадлежат перу членов местных статистических комитетов и ученых архивных комиссий. Для нашего исследования ценность представляют, как содержащиеся в них статистические данные, так и информация, отражающая целевые установки создателей местных музеев¹. Среди работ первого послереволюционного десятилетия выделим статьи С.Н. Шестовой, А.С. Молчина, в то время сотрудников соответствующих музеев². Затем специальные исследования по музеям Центрального Черноземья возобновляются в 1980-е гг.³, что отражает ведущую тенденцию и в развитии научного краеведения по стране⁴. Проявлениями этого процесса становятся региональные конференции, выпуск тематических сборников, где эпизодически вплоть до настоящего времени появляются и публикации по интересующей нас проблематике⁵.

¹ Покровский Н. А. Об образовательном значении музеев, по поводу открытия музея в городе Тамбове. Тамбов: Тип. губернского правления, 1880. 70 с.; Поликарпов Н. Историческая записка о Воронежском губернском музее // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 год. Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1896. С. 33–56.

² Шестова С. Н. Воронежский Государственный Историко-Культурный Музей (Краткий исторический очерк) // Сборник Воронежского Государственного Историко-Культурного Музея. Вып. I. Воронеж: Тип. Губсоюз, 1925. С. 3–32; Молчин А.С. Курский государственный музей // Известия Курского губернского общества краеведения. 1928. № 3 (9). С. 70–74.

³ Размустова Т.О. Музей и историческое краеведение (на материалах краеведческих музеев Центрально-Черноземного региона): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988. 23 с.; Размустова Т. О. Краеведческий музей как один из культурных центров русской провинции (на материалах Тамбовского и Липецкого музеев) / Т.О. Размустова // Наш край Тамбовский: материалы к обл. научно-практической конференции краеведов. Тамбов, 1989. С. 95–96.

⁴ Мартынов А.И. Краеведческий музей как научный центр региона // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX-XXI веков: сборник статей / Труды Государственного Исторического музея. Вып. 127. М.: ГИМ, 2001. С. 109–117.

⁵ Крупенков А.Н. Белгородский музей краеведения (1920–30-е годы) // Белгородский краеведческий вестник / Отв. ред. А.И. Папков. Вып. 4. Белгород: «Везелица», 2004. С. 5–13; Музеефикация памятников истории и культуры Курского края: прошлое, настоящее, будущее: материалы 1-х Гордеевских научно-практических чтений,

Музееведческое исследование, посвященное вопросам формирования и развития музеев Воронежского края, было проведено в начале 2000-х гг. И.В. Котляровой¹. Анализируя фондовую, научно-просветительскую работу в них, автор некоторое внимание уделила и археологическим изысканиям. Примерно в то же время в Тамбове обобщающую работу по истории местного музейного дела опубликовал С.Ф. Махрачев².

Для сопоставительного анализа процессов, происходивших в музейной археологии столичных учреждений и в других регионах, нами привлекались публикации, посвященные археологическим собраниям в музеях столиц³, а также краеведческим музеям соседних федеральных округов⁴.

посвященных 110-летию Курского областного краеведческого музея, г. Курск, 6 мая 2013 г. / Отв. ред. И.М. Плаксин. Курск: КОКМ, 2013. 106 с.; Природа и история Тамбовской области в памятниках материальной культуры. 1937-2007: сб. ст. Первых обл. музейных краевед. чтений, 12 сент. 2007 г. / отв. за вып. В.П. Кудинов. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2007. 116 с.; Туманова А.С., Туманова С.В. Общественная жизнь Тамбова в начале XX века // Очерки истории культуры Тамбовского края / Под ред. В.Н. Окатова. Тамбов, 1993. С. 105–119; Цупко Т. Липецкий краеведческий музей. М.: Белый город, 2005. 64 с.; Якименко Е.В. Исследования Воронежского областного краеведческого музея на Ольшанском археологическом комплексе салтово-маяцкой культуры в 1988–1992 гг. // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С.51–68.

¹ Котлярова И.В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Воронеж: ВГУ, 2008. 163 с.

² Махрачев С.Ф. История музейного дела в Тамбовской области: учебное пособие. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. 156 с.

³ Тихонов И.Л. Археология в Музее антропологии и этнографии Академии наук в XIX – начале XX вв. // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К, 2010. С. 665–677; Тихонов И.Л. Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г.Е. Кизерицкий // Мнемон. Вып. 11. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 419–438; Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.). С. 28–44; Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М.: ГИМ, 2014. 304 с.

⁴ Волков В.А. Саратовская ученая архивная комиссия и охрана памятников археологии в Нижнем Поволжье // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов, 2006. С. 111–121; Сташенков Д.А. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина: история и современность // Самарский областной историко-краеведческий музей им. Алабина: история и современность. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН (СНЦ РАН), 2011. С. 5–30; Труды Рязанского

Таким образом, тема нашего диссертационного исследования в том или ином аспекте затрагивалась в работах, посвященных характеристике процессов в области археологии и музееведения как общероссийского, так и регионального уровня; они и послужили для нас отправной точкой.

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования является процесс становления и развития музейной археологии в Центральном Черноземье России.

Предметом исследования являются формы, содержание и результаты деятельности краеведческих музеев ЦЧР в области археологии.

Цель и задачи исследования. Цель данного диссертационного исследования – изучить закономерности, особенности и результаты процесса становления и развития археологии в музеях Центрального Черноземья России с момента разработки проектов провинциальных музеев в регионе и возникновения первого губернского музея (Тамбов, 1879 г.) до появления в рассматриваемом регионе специализированных археологических музеев (музеев-заповедников) (Воронеж, 1991 г.; Курск, 1993 г.).

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- определение источниковой базы, в которой содержатся данные о деятельности государственных учреждений, общественных организаций, отдельных ученых, причастных к формированию археологических коллекций и экспозиций в музеях Центрального Черноземья России;

- анализ деятельности региональных музеев с акцентом на динамику развития в них археологического направления с момента их возникновения до начала 1990-х гг.;

- определение вклада академических и музейных столичных учреждений в формирование археологических коллекций и построение экспозиций в музеях Центрального Черноземья России;

- характеристика сотрудничества региональных музеев с археологическими учреждениями, вузами и отдельными учёными-археологами;

- установление и обоснование этапов процесса становления и развития археологии в музеях Центрального Черноземья России.

Хронологические рамки диссертационного исследования обусловлены его целью – исследовать процесс становления и развития региональной музейной археологии Центрального Черноземья России. Нижняя хронологическая граница работы – 1879 год, когда к 100-летию Тамбовского наместничества был создан первый в регионе Тамбовский губернский музей. Верхняя хронологическая граница работы – 1991–1993 годы, когда в Центрально-Черноземном регионе складываются специализированные музеи археологического профиля (музеи-заповедники «Костенки» и «Дивногорье» в Воронеже, выделившиеся из структуры Воронежского областного краеведческого музея; Областной музей археологии – из Курского областного краеведческого музея), а также происходят общие изменения в музейном деле, обусловленные политическими факторами.

Территориальные рамки. В диссертационном исследовании анализируется процесс становления и развития музейной археологии в одном из крупных регионов России – Центральном Черноземье. В настоящее время Центрально-Черноземный экономический район, включающий Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую области, является «территориально-хозяйственной единицей Российской Федерации, занимающей юго-западную часть Центрального

Федерального округа»¹. На протяжении XX в. Россия переживала череду административных реформ, в рамках которых менялись административно-территориальные единицы, но неизменной оставалась исторически обусловленная экономическая и культурная близость сначала губерний (Воронежской, Тамбовской, Курской), затем областей (Воронежской, Тамбовской, Курской, Белгородской, Липецкой) в рамках указанного региона. Юг (юго-запад) Центральной России устойчиво ассоциируется и в научных исследованиях, и на бытовом уровне с понятием «Центральное Черноземье», которое взято за основу и для обозначения территориальных рамок данной диссертации.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют такие принципы современной исторической науки как историзм, объективность и системность. В работе используются следующие исторические методы:

проблемно-хронологический метод для описания событий;

историко-генетический метод для выявления организационной структуры и динамики трансформации музейных учреждений, занимавшихся археологией в регионе;

историко-сравнительный метод для выявления общих тенденций и особенностей в процессе становления и развития музейной археологии в Центрально-Черноземном регионе России по сравнению с магистральной линией развития отечественного музейного дела и археологии;

историко-биографический метод для уточнения биографий отечественных археологов и краеведов, внесших значительный вклад в становление как самих музеев, так и региональной музейной археологии.

При анализе разных видов источников использовались комплексный источниковедческий подход. Его применение к проблемам взаимодействия

¹ Центрально-Черноземный экономический район // Большая энциклопедия: В 62 томах. Т. 57. М.: ТЕРРА, 2006. С. 220-221.

археологии как отрасли научного знания и регионального сообщества позволило проанализировать развитие организационной структуры региональной археологии в контексте более глобальных исторических событий и в результате сформировать целостное представление об объекте диссертационного исследования и провести его всестороннее осмысление.

Источники диссертационного исследования включают как архивные, так и опубликованные материалы. По теме работы привлечен массив документов из центральных, ведомственных и региональных архивов России, среди которых следующие: Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РО НА ИИМК РАН), Научно-отраслевой архив Института археологии РАН (НА ИА РАН), Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Государственный архив Воронежской области (ГАВО), Государственный архив Курской области (ГАКО), Государственный архив Липецкой области (ГАЛО), Государственный архив Тамбовской области (ГАТО), архив Воронежского государственного университета, Научный архив Воронежского областного краеведческого музея. В качестве опубликованных источников использованы законодательные акты, указы и распоряжения различных министерств, изданные самими региональными учреждениями и организациями протоколы заседаний, отчеты и обзоры своей деятельности, другие печатные информационные издания; периодические, серийные и отдельные издания научных сообществ региона, научная продукция отдельных исследователей по археологии Центрально-Черноземного региона, материалы общественной печати – статьи центральных и местных газет. К анализу привлекалось и эпистолярное наследие ученых и общественных деятелей региона, внесших вклад в археологию, позволяющее дополнить наши представления об их жизни и деятельности.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринята систематизация и обобщение данных, характеризующих уровень и специфику развития археологии в краеведческих музеях Центрального Черноземья России с момента их образования до начала 1990-х гг. Разработана авторская концепция и предложена авторская периодизация процесса развития музейной археологии ЦЧР. При изучении проектов создания губернских музеев в ЦЧР проанализирована роль Московского археологического общества и ее Председателя П.С. Уваровой в организации провинциальных музеев; впервые охарактеризована с позиций становления и развития музейной археологии деятельность губернских статистических комитетов и ученых архивных комиссий, краеведческих обществ советского времени, показан их вклад. Впервые с позиций сопоставительного анализа дана характеристика археологического направления в деятельности краеведческих музеев региона с момента их возникновения до начала 1990-х гг., выявлены принципы формирования ими археологических коллекций, формы сотрудничества с профессиональными археологами академических и музейных столичных учреждений и их вклад в формирование археологических коллекций и построение экспозиций в музеях Центрального Черноземья России, особенности археологических экспозиций в разные промежутки времени.

Значительная часть архивных материалов, использованных в работе, впервые вводится в научный оборот, что позволило всесторонне охарактеризовать проблему развития музейной археологии ЦЧР.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Археология является неотъемлемым компонентом в деятельности краеведческих музеев Центрального Черноземья России с момента их организации. Установлено, что изучение вещественных древностей «малой родины» как аспект работы фигурирует во всех проектах создания краеведческих музеев региона.

2. Показано, что в последней трети XIX в. – первых десятилетиях XX в. в регионе проявляет себя характерная для внутренних губерний России тенденция: ведущая роль в реализации идеи изучения и сохранения археологических древностей принадлежит объединениям краеведов (губернским статистическим комитетам и ученым архивным комиссиям), при которых функционируют музеи.

3. Установлено, что в губернских музеях научно-просветительской модели (конец XIX в. – 1920-е гг.) была развернута активная археологическая деятельность (экспедиционная, фондовая, экспозиционная и выставочная), пик которой приходится на первую половину – середину 1920-х гг.

4. Доказано, что при переходе к полит-просветительской модели краеведческого музея с 1930-х гг. археология теряет в нем самостоятельный статус.

5. Показано, что в 1950 – 1970-е гг. основной, часто единственной, формой развития археологии в краеведческих музеях Центрального Черноземья России становится сотрудничество со специалистами из академических учреждений и университетов, в рамках которого пополняются музейные фонды и обновляются экспозиции.

6. Появление в регионе профессионального археологического сообщества (в 1970-е – 1980-е гг.) создало возможность для реализации в начале 1990-х гг. замысла ведущих академических ученых (А.Н. Рогачева, С.А. Плетневой) и воронежских деятелей (А.П. Соловьева, А.З. Винникова, В.В. Попова, М.И. Лыловой) по организации первых профильных археологических музеев-заповедников в Воронежской области («Костенки» и «Дивногорье»), а в Курске усилиями Н.А. Тихомирова, В.В. Енукова и Г.Ю. Стародубцева был создан первый в России Областной музей археологии.

Практическая значимость Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения музейной археологии, как на местном уровне, так и при сопоставительном анализе с аналогичными процессами в других регионах страны. Материалы диссертации могут быть применены при написании учебных программ и образовательных курсов как для средних, так и для высших учебных заведений по дисциплинам «Археология», «Отечественная история», «История Воронежского края», «Музееведение». Сделанные автором выводы могут быть применены при составлении тематических энциклопедий, научно-справочных изданий и музейных выставочных экспозиций.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на кафедре археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета (2020 г.). Основные положения отражены в докладах на международных, межвузовских и региональных конференциях в г. Белгород (2017 г.), г. Липецк (2017, 2018 гг.), г. Самара (2018 г.), г. Москва (2019 г.), г. Воронеж (2019 г.).

По теме диссертационного исследования автором издано 9 публикаций общим объемом 2,7 п.л., в том числе три статьи общим объемом 1,3 п.л. в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованный ВАК.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух частей (первая включает две главы, вторая – три главы), заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений, 10 приложений.

Часть 1. Археология в губернских музеях Центрального Черноземья Российской империи

Глава 1.

Предпосылки организации губернских музеев. Место археологии в проектах создания губернских музеев Центрального Черноземья

Процесс организации и деятельности губернских музеев Центрального Черноземья является неотъемлемым звеном развития музейного дела России. Основные вехи этого процесса в рассматриваемом регионе на примере Воронежского губернского музея были изложены автором исследования в одной из публикаций¹, в данном же случае взглянем на это явление шире. Если в Европе музеи в нашем современном понимании, как место сбора, хранения и экспонирования предметов, представляющих культурно-историческую ценность, стали возникать, начиная с XV в., то в России возникновение протомузейных форм происходит значительно позже. После учреждения Кунсткамеры произошли существенные изменения в отношении к древностям, что стало отправной точкой для развития музейного дела в России². В это же время на новый уровень выходит частное коллекционирование, развитие которого было связано с проводившимися в Санкт-Петербурге дворцовыми ассамблеями. Гобелены, фарфор, необычные предметы становятся важной составляющей внутреннего убранства дворцов.

Постепенно поиск и хранение редкостей распространяется за пределы столицы. «В провинциях представители дворянства также

¹ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. 2018. № 3. Часть 2. С. 544-548.

² Грицкевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века. СПб: СПбГУКИ, 2004. С. 214.

начинают проявлять интерес к местным необычным предметам. Век XIX по праву можно считать золотым веком для музеев, как Европы, так и России. После успешного окончания Отечественной войны 1812 года в русском обществе возрос интерес к собственной истории и русским памятникам древности. Постепенно подобные увлечения стали неотъемлемой частью русской культуры, что в свою очередь способствовало также и возникновению частных музеев»¹.

Существенную роль в изучении и популяризации местной истории сыграла новая государственная политика. Российская империя постоянно расширяла свои границы, государство продолжало становиться более полиэтническим. Правящие элиты, стремившиеся укрепить положение центральной части России, как историко-культурного ядра русской государственности, стали проявлять интерес к истории «внутренних губерний»². В связи с этим были созданы губернские статистические комитеты, входившие в структуру Министерства внутренних дел. Им предписывалось регулярно составлять «подробные и точные описания губернии вообще или же отдельно некоторых частей управления, хозяйства, промышленности и торговли»³. Отметим, что членам комитетов разрешалось заниматься историко-археологическими исследованиями, однако только «исходя из своих личных интересов»⁴. Ситуация изменилась после выхода «Положения о губернских и областных статистических комитетах», согласно которому историко-археологическая деятельность членов комитетов стала обязательной»⁵.

¹ Музейное дело России. М., 2003. С. 38-39.

² Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX - начала XX века). С. 73.

³ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXV. Отд. 2. Ст. 36453. СПб., 1862. С. 506.

⁴ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 544.

⁵ Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX - начала XX века). С. 27.

Пореформенные годы, ознаменовавшиеся общим подъемом во всех областях культурной жизни, стали и временем активизации представителей различных социальных слоев, но, в первую очередь, прогрессивно настроенного дворянства в области популяризации разных областей знания, среди которых и история, в том числе местная. Одной из форм этой деятельности стало создание научных обществ. Известно, что в рамках этого процесса развернули свою работу Русское археологическое общество и в еще большей степени Московское археологическое общество.

По инициативе Московского археологического общества с 1869 года регулярно, каждые три года, стали созываться Всероссийские археологические съезды. Их главной целью было объединение научного сообщества для обнаружения, исследования и сохранения памятников истории и культуры. Участие в этих форумах принимали и местные любители старины, чаще всего уже активно зарекомендовавшие себя как члены губернских статистических комитетов.

Для нашего исследования принципиальное значение имеет тот факт, что регулярно в повестку дня очередного съезда вносились вопросы, связанные с развитием музейного дела в России. А на VII Археологическом съезде (1887 г., Ярославль) специально рассматривался вопрос об организации и статусе провинциальных музеев. Характеризуя положение областных музеев, Прасковья Сергеевна Уварова была обеспокоена судьбой многих небольших местных музеев, которые находились в нерабочем состоянии¹.

Участники собрания осознавали плачевность ситуации с организацией, а главное с деятельностью местных музеев. Выход из

¹ Уварова П. С. Областные музеи // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887. Т. 2. М., 1891. С 280-281.

сложившейся ситуации П.С. Уварова видела в необходимости поддержки их со стороны, как правительства, так и местного сообщества.

В связи с этим делегаты съезда пытались решить вопрос «как закрепить за обществом и страной те сокровища, которые добровольно приносят в дар отечеству устроители музеев, но закрепить так, чтобы, переводя эти коллекции из частного достояния в правительственное, придать им твердое основание и будущность правительственного учреждения, не отчуждая его от общества»¹. «Графиней П.С. Уваровой был предложен проект, согласно которому губернские и областные музеи приобретают статус государственного учреждения, а коллекции являются национальным достоянием»².

В указанном докладе П.С. Уваровой имеется информация о музее при Воронежском губернском статистическом комитете, предоставленная его секретарем Л.Б. Вейнбергом³. Коллекцию древностей, состоявшую из случайных находок и хранившуюся в служебном помещении, необработанную и недоступную посетителям, весьма условно можно именовать музеем.

К этому времени в Центральном Черноземье существовал только один музей – старейший из краеведческих – Тамбовский губернский музей, который вкратце охарактеризован в докладе П.С. Уваровой⁴. Мы же остановимся на истории его открытия подробнее.

Идея создания губернского музея в Тамбове впервые была высказана секретарем местного статистического комитета К.В. Коханским в 1873 году. Губернская земская управа была готова предоставить помещение для размещения музея, однако земское собрание отклонило ходатайство о его

¹ Уварова П.С. Областные музеи. С. 281.

² Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 544.

³ Уварова П.С. Областные музеи. С. 268.

⁴ Уварова П.С. Областные музеи. С. 279.

открытии¹. К этой инициативе вернулись спустя шесть лет накануне празднования 100-летия Тамбовского наместничества. Идею выдвинул преподаватель Екатерининского института, известный тамбовский краевед И.И. Дубасов. Его поддержали губернский предводитель дворянства Г.В. Кондоди, тамбовский городской голова С.С. Федоров, ректор духовной семинарии архимандрит Дмитрий и уездные предводители дворянства².

10 сентября 1879 г. губернатор А.А. Фредерикс провел с вышеперечисленными лицами совещание, в ходе которого было решено учредить специальную комиссию для выработки программы музея и получения дозволения от Министерства внутренних дел на создание музея. Именно с этого года и ведёт свою историю Тамбовский краеведческий музей. После выработки плана и положительного ответа из министерства начался сбор средств и экспонатов, с которых он должен был начать свою работу. Однако пожертвования денег и предметов для музея к началу 1880-х годов сократились, и открытие затянулось вплоть до учреждения Тамбовской учёной архивной комиссии (далее ТУАК) в 1884 году³.

Будущий музей, согласно намеченному плану, должен был состоять из трёх отделов. В первый объединялись археологические и палеонтологические находки, церковные древности, нумизматические коллекции, предметы бытового характера, рукописные акты, библиотека местных изданий. Во второй отдел должны были войти образцы сельскохозяйственного производства, орудия труда, фабричные, ремесленные и кустарные изделия. Третий отдел планировалось сделать

¹Бояркин М. В. Место археологии в проектах организации губернских музеев Центрального Черноземья России (вторая половина XIX – нач. XX вв.) // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов международной науч.-практ. конференции, посв. 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко (г. Белгород 14-16 декабря 2017 года) / отв. ред. В.А. Сарапулкин. Белгород: ИД «Белгород НИУ «БелГУ», 2018. С. 541.

² Алленова В.А., Мизис Ю.А. История тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). С. 273.

³ Алленова В.А., Мизис Ю.А. История тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). С. 274.

этнографическим. Оставался открытым вопрос о месте размещения музея¹. Решено было обратиться с просьбой о предоставлении помещения к комитету Тамбовской публичной библиотеки.

С 1887 г. Тамбовская ученая архивная комиссия и губернский музей разместились в одном помещении, специально построенном для архивной комиссии². Первым хранителем стал П.И. Пискарев, наблюдение за сохранностью предметов было поручено С.К. Платоновой. Но вплоть до 1892 г. музей оставался закрытым для публики.

В сведениях о наличии местных музеев, которыми располагала П.С. Уварова при подготовке к упомянутому выше VII Археологическому съезду, значился и Воронежский музей при статистическом комитете, о чем было сообщено его секретарем Л.Б. Вейнбергом. Краткий отзыв о воронежском музее, составленный на основании этого донесения, имеется в докладе Прасковьи Сергеевны: «Воронежский статистический комитет по инициативе секретаря Вейнберга стал собирать коллекции древностей, которые пока помещаются в помещении комитета и пополняются жертвователями. При нем решено открыть сельскохозяйственное, фабрично-заводское и кустарное отделения»³.

«Открытие Воронежского губернского музея состоялось в 1894 году и также соответствовало общей тенденции возникновения местных музеев, но в отличие от Тамбовского он имеет гораздо более длительную историю создания. Как известно, первым, кто обратил внимание на древности края, был Евфимий Алексеевич Болховитинов (1767-1837), он же «митрополит Киевский и Галицкий Евгений». В 1799 году в своём труде «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии,

¹ Бояркин М. В. Место археологии в проектах организации губернских музеев Центрального Черноземья России (вторая половина XIX – нач. XX вв.). С. 542.

² Алленова В.А., Мизис Ю.А. История тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). С. 275.

³ Уварова П. С. Областные музеи. С. 268.

собранные из историй, архивских записок и сказаний» Е.А. Болховитинов в качестве подтверждения данных письменной традиции использовал вещественные древности, тем самым вводя их в систему исторических источников¹. Он не только осматривал и характеризовал древности, но и стал одним из первых коллекционеров в Воронеже: у него была собрана коллекция русских монет, которую он впоследствии передал родному городу². По мнению известного воронежского краеведа Л.Б. Вейнберга, ему же принадлежала первая идея создания в Воронеже музея. Губернатор А.Б. Сонцов, который предпринимал множество усилий для просвещения вверенной ему губернии, поддержал замысел Е.А. Болховитинова. Музей должен был разместиться в цейхгаузе, а в его экспозицию должны были войти предметы древности и изделия петровского времени³. Однако идея не была реализована, так как воронежское общество не было готово к фиксации исторического наследия в виде музея⁴. К тому же со смертью губернатора А.Б. Сонцова идея Е.А. Болховитинова лишилась поддержки, и в 1812 году здание, где должен был разместиться музей, было продано в частные руки⁵.

В 1834 году вновь вернулись к проекту создать в Воронеже музей. «Губернатор Д.Н. Бегичев представил в Кабинет министров проект о сооружении в цейхгаузе мемориального комплекса императору Петру I. Проект был утвержден, однако дальше сбора средств на ремонт цейхгауза

¹ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 545.

² Шестова С.Н. Воронежский Государственный Историко-Культурный Музей (Краткий исторический очерк) // Сборник Воронежского Государственного Историко-Культурного Музея. Воронеж, 1925. С. 4.

³ Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891. С. 84.

⁴ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 545.

⁵ Котлярова И.В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX- первая треть XX вв.). Воронеж, 2008. С. 18.

и начала работ дело не пошло, а сам цейхгауз был продан в частные руки¹. Причин, из-за которых проект остался невыполненным, было несколько. Прежде всего, на его реализацию требовались значительные капиталовложения, которые не удалось получить с помощью частных пожертвований. Кроме этого, воронежское общество, которое поначалу воодушевилось проектом создания музея, быстро потеряло к нему интерес»².

В середине 50-х годов XIX века идея возродилась благодаря активной деятельности чиновника МВД Н.И. Второва³, приехавшего для службы в Воронеж из Петербурга.

Николай Иванович Второв (1818-1865) был родом из самарской дворянской семьи; после окончания гимназии в Казани, а затем там же словесного факультета университета работал редактором неофициального отдела «Казанских губернских ведомостей»⁴. По назначению советником губернского правления в марте 1849 г. Второв прибыл в Воронеж, где уже в гражданской палате служил его друг К.О. Александров-Дольник. Спустя несколько месяцев появляются их публикации в «Воронежских губернских ведомостях» (материалы архивов некоторых уездных городов; обнаруженные в губернском правлении документы XVII-XVIII вв., по имени исследователя названные позднее «второвские акты»). Большой объем значимых документов сделал возможным их публикацию тремя отдельными книгами с общим названием «Воронежские акты. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова» (1851-1853 гг.). За этот труд Н.И. Второв в

¹ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 545.

² Там же. С. 545.

³ Акиншин, А. Н. Николай Иванович Второв (1818-1865) / А. Н. Акиншин // Московский журнал. История государства Российского – исторический журнал. Москва, 2018. № 9 (333). С. 76-85 .

⁴ Акиншин, А. Н. Николай Иванович Второв (1818-1865). С. 76-77.

январе 1851 г. был избран действительным членом Императорского Русского Географического Общества, а в 1852 г. стал обладателем диплома Общества истории и древностей Российских при Московском университете.

За свою археографическую работу Н.И. Второв и К.О. Александров-Дольник в мае 1853 г. были также избраны действительными членами Воронежского губернского статистического комитета.

Исторические исследования Н.И. Второва ограничиваются только одной статьей, посвященной заселению воронежского края, опубликованной в первом варианте в объяснении к карте в 3-ей книге «Воронежских актов» (1853). Чтобы реконструировать древнейшие страницы истории края, Н.И. Второв вслед за Е.А. Болховитиновым использовал данные археологии. «Во времена более или менее стародавние», писал он, до основания города Воронежа на Поле существовали поселения. На это указывают «рассеянные по разным местам нынешней Воронежской губернии городища», в числе которых названы Хазарское, Коротяцкое, Старое Маяцкое на Малых Дивах, городище на Лысой горе у Острогжска, Орлово гнездо, Ольшанское и Усердское при устьях рек Ольшанки и Усерда, городище Розня по реке Воронеж ниже Кривого Бора¹.

Во время своих командировок по уездам губернии Н.И. Второв не ограничивал свою работу изучением местных архивов и проведением этнографических наблюдений. Николай Иванович собирал сведения о городищах, курганах и каменных бабах, о раскопках, сделанных в этих местах и найденных при этом памятниках древности².

¹ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова / Собр. Н. И. Второвым, К. О. Александровым-Дольником. Воронеж, 1853. Кн. 3. Отдел 4. С. II.

² Второв Н. И. О заселении Воронежской губернии // Воронежская беседа на 1861 год. СПб., 1861. С. 267.

Следует отметить и приобретения, сделанные Николаем Ивановичем: медная буддийская статуэтка с надписью на санскрите из села Гвазды Павловского уезда (найдена во время пахоты); серебряная монета из села Борисова Коротоякского уезда¹. Сам он в пояснении к этнографической карте сообщил, что по определению акад. А.А. Шифнера, буддийский «кумир» непальской работы 1306 г., монета, по определению проф. И.Н. Березина, отчеканена в Самарканде в 914-915 гг.². Эти вещи затем выставлялись на IX Археологическом съезде в г. Вильно (1893).

Николай Иванович высказывался и за учреждение местного музея. Идея он изложил в должностной записке к губернатору Н.П. Синельникову в июне 1857 года. В структуре музея предполагалось, в том числе, и создание археологического отдела, в котором должны были быть представлены обнаруженные на территории губернии древности: монеты, сосуды, оружие³. Кроме проработки четкой структуры музея, Н.И. Второв предусмотрел решение важных вопросов: место расположения, финансирование музея. Несмотря на утверждение проекта и предоставление музею помещения в Михайловском кадетском корпусе, предложение Н.И. Второва в полной мере не было реализовано, поскольку сам инициатор уехал из Воронежа в конце лета 1857 года⁴.

На протяжении длительного периода времени Губернский статистический комитет по отношению к музею ограничивался приемом и хранением случайно поступающих предметов. «Они находились в Городской думе, а затем были переданы публичной библиотеке, которая открылась в 1864 году. Собственно, библиотека и была тем местом, куда в

¹ Зверев С.Е. Материалы по археологии Дона (находки монет и предметов религиозного культа, относящихся к древнейшим временам по XII в. включительно) / С.Е. Зверев // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894. С.194, 197.

² Второв Н. И. О заселении Воронежской губернии. С. 267-268.

³ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 545.

⁴ Акинъшин А. Н. Николай Иванович Второв (1818-1865). С. 76-85.

качестве пожертвований начинают поступать древности: в 1865 г. М.Д. Неведомский передал кольчугу, которая была обнаружена в мае 1864 года в с. Конь-Колодезь Задонского уезда; в 1874 г. воронежский уездный исправник пожертвовал в статистический комитет «19 кусков окаменелых костей допотопного животного», найденных в имении штабс-капитана М.В. Паренаго»¹. Эти предметы должны были стать частью экспозиции музея, который комитет предполагал устроить «для хранения местных древностей и достопримечательностей»².

Главная заслуга Н.И. Второва была в том, он сумел объединить вокруг себя тех, кто хотел заниматься изучением родного края (учителя кадетского корпуса, гимназии, семинарии, священники, фотографы), а «Губернские ведомости» «сделались органом этих местных тружеников»³.

Через 30 лет воплощением музейной программы, которую предлагал Н.И. Второв, занялся новый секретарь губернского статистического комитета Леонид Борисович Вейнберг⁴.

Леонид Борисович Вейнберг (1849-1901) родом из города Вильно. Он имел образование провизора, с 1876 г. проживал в Воронеже и работал в аптеках. В 1881 г. Вейнберг поступил на службу в губернское правление, где вначале получил должность корректора губернских ведомостей, а потом смотрителя типографии. С 1882 г. он публиковался регулярно в губернских ведомостях. С сентября 1884 г. Л.Б. Вейнберг приступил к исполнению обязанностей секретаря губернского статистического комитета, сосредоточив внимание на геоботаническом и историко-

¹ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 545.

² Поликарпов Н. Историческая записка о Воронежском губернном музее. С. 36.

³ Воскресенский Н. В. Пятидесятилетие Воронежских губернских ведомостей. С. 76.

⁴ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 545.

археологическом направлениях в изучении губернии¹. Он продолжил публикацию второвских актов из-за плохой сохранности архива².

Л.Б. Вейнберг пытался расширить круг занимающихся археографической работой: в дни торжеств, посвященных трехсотлетию города Воронежа (май 1886 г.) планировалось открыть в Воронеже губернскую архивную комиссию³. Однако идея не получила отклика среди местного общества, где уже было немало увлекающихся родной стариной.

Ситуация развивалась таким образом, что на протяжении нескольких десятков лет в статистическом комитете были собраны самые различные вещи: «образцы минералов, экземпляры продукции сельскохозяйственной промышленности, ископаемые окаменелости. Однако, как и прежде, для пополнения коллекции и открытия музея средств не было, и вопрос о создании музея оставался открытым»⁴.

В 1884 году на заседании статистического комитета Л.Б. Вейнберг предложил учредить в Воронеже музей. «Инициатива Леонида Борисовича была одобрена, и в организуемый музей стали поступать различные пожертвования: образцы древнего оружия, доспехов (бердыши, сабли, кольчуги) в 1885-1886 гг. было пожертвовано более 600 предметов, состоящих главным образом из монет и медалей»⁵.

Главная проблема, которую необходимо было решить – это обретение помещения для музея. Поначалу он при участии Н.В. Воскресенского расположился в комнате советников губернского правления. Это обстоятельство ограничивало к нему доступ посетителей.

¹ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1897. Т. 5. С. 202-206.

² Поликарпов Н. И. Историческая записка о Воронежском губернском музее. С. 36-37.

³ Попытка создания ученой архивной комиссии в Воронеже в 1886 году: Письмо И. Е. Андреевского А. А. Марину // Исторические записки. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 240-242.

⁴ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 545.

⁵ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 546.

Леонид Борисович продолжал настойчиво решать вопрос о предоставлении музею отдельного помещения. Главную роль в этом сыграл губернатор Е.А. Куровский (1890-1894 гг.). При вступлении в должность он инициировал вопрос об отводе городом помещения для губернского музея и в дальнейшем внимательно следил за ходом этого дела. Помещение было выделено в 1892 году, когда Л.Б. Вейнберг уже переехал из Воронежа в Петербург¹.

Кроме пожертвований, фонды музея пополнялись в результате проведения археологических экскурсий и раскопок, которые осуществлял Л.Б. Вейнберг в различных уездах губернии². Первую поездку по поручению губернатора он совершил уже в июне 1885 г. Целью поездки было проведение исследования северных уездов в статистическом отношении. Но он воспользовался ею, «главным образом, для собирания памятников древности»³: привез для музея несколько древних монет, оружие и кости ископаемых животных.

С 1888 по 1890 гг. Л.Б. Вейнберг регулярно совершал археологические экскурсии по губернии, пополняя тем самым фонды формирующегося музея. В заседаниях ВГСК Л.Б. Вейнберг прочел несколько рефератов, в которых отражены результаты этих поездок: «Прошлое и настоящее Воронежской губернии», «Где был Червленый Яр?», «Урочище Донская Беседа» и другие.

По результатам трех лет собственных археологических исследований Л.Б. Вейнберг подготовил отчет для ИАК под названием «Придонские исторические памятники Воронежской губернии». Свой отчет Леонид Борисович дополнил схематической картой исторических и

¹ Е. А. Куровский как устроитель музея // Воронежские губернские ведомости. 1910. № 21.

² Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 546.

³ Поликарпов Н. И. Историческая записка о Воронежском губернском музее. С. 11-12.

археологических памятников Дона и найденными вещами, которые были возвращены в музей при ВГСК.

В 1891 г., уже после отъезда Л.Б. Вейнберга в Санкт-Петербург, вышел упомянутый «Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии» с рисунками также известного воронежского краеведа Е.Л. Маркова. В «Очерке» Л.Б. Вейнберг описал не только древности отдаленных эпох, но и петровские памятники¹.

К концу службы Л.Б. Вейнберга в музее хранилось около 1100 различных предметов: археологическая коллекция была наиболее многочисленной, которая насчитывала 1040 предметов, из них 923 монеты»².

С отъездом Л. Б. Вейнберга из Воронежа активное обследование губернии в археологическом направлении продолжил Стефан Егорович Зверев, ставший вскоре секретарем статистического комитета³. Биографические сведения о Стефане Егоровиче достаточно подробно изложены в двух публикациях, одна из которых написана его сыном М.С. Зверевым⁴.

Благодаря его трудам была упорядочена библиотека комитета и составлен для нее каталог; продолжен разбор второвских коробов, содержащих древние документы, одним из результатов которого стало составление новой описи, отражающей реальное состояние дел. Занялся С.Е. Зверев и редактированием «Памятных книжек» (под его редакцией

¹ Вейнберг Л. Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. С. 73-98.

² Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 546.

³ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 546.

⁴ Зверев М.С. С.Е. Зверев, его семья и культурная жизнь Воронежа конца XIX века – первых лет Советской власти // Воронежский краеведческий сборник: Из истории культуры края. Воронеж, 1985. С. 124-144; Клировая ведомость о службе С.Е. Зверева (Предисловие, публикация и комментарии А.Н. Акиншина) // Церковь и ее деятели в истории России. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 2. Воронеж, 2001. С. 151-158.

книжки на 1893 и 1894 гг.), стремясь придать им формат ежегодного издания. В это же время не прекращается и его собственная исследовательская работа, результатом которой стали публикации в различных изданиях, выступления на различных форумах, в том числе Всероссийских археологических съездах. Стремление пополнить фонды музея, а также интерес к средневековой истории края стимулировали и его археологические занятия.

К примеру, уже в первый год его работы в должности секретаря были сделаны приобретения для музея. В отчете воронежского статистического комитета за 1891 г. содержится следующая информация: «Через посредство члена-секретаря С.Е. Зверева поступила в музей древняя железная кольчуга, найденная в городе Воронеже, на Большой Девической улице в доме Старченкова, при расчистке завалившегося подвала, на глубине 3-х арш.»¹.

Выезжал он и в различные уезды губернии на места обнаружения древностей. В том же 1891 г., получив рапорты от землянского и острогожского исправников, в которых сообщалось об археологических находках, он выехал на место. В Землянском уезде он обследовал место обнаружения клада бронзового оружия и орудий труда (два топора, долото, тонкая пластинка с расширенным концом). Из рапорта следовало, что они были найдены на огороде в дер. Скакун². В Острогожском уезде осмотрел разрытый курган, из которого происходил кремневый молоток³. Необходимо отметить, что при этом не только были соблюдены правила того времени об организации археологических исследований, а именно: рапорты, сами предметы и прошение на выдачу открытого листа направлены в ИАК, но и местные власти в лице губернатора проявляли

¹ Протокол заседания Воронежского губернского статистического комитета 20 января 1892 года Воронеж, 1892. С. 4.

² Отчет ИАК за 1891 год. СПб., 1893. С. 124.

³ Отчет ИАК за 1891 год. СПб., 1893. С. 124.

заботу о сохранении памятников старины. К примеру, губернатор Е.А. Куровский инициировал принятие следующего постановления 20 января 1892 г.: «ассигновать из сверхштатных сумм 300 руб. члену-секретарю С.Е. Звереву на поездки с научной целью по губернии в текущем 1892 году»¹.

Императорская археологическая комиссия дала С.Е.Звереву открытый лист на раскопки в окрестностях дер. Скакун Касторенской волости Землянского уезда. Когда С.Е. Зверев приехал, то оказалось, что крестьяне поблизости от места предыдущей находки обнаружили еще несколько предметов: бронзовый топор, секиру и долото. Все они были куплены и отправлены в ИАК, а оттуда в Исторический музей. Вернуть находки в Воронеж не удалось, хотя статкомитет и предпринимал такие попытки.

6 сентября 1894 года под руководством Зверева начала работу Комиссия по устройству музея. Она была создана статистическим комитетом «в видах лучшего устройства и дальнейшего развития музея»², поскольку с конца 1893 г. музей уже располагал собственными помещениями в здании Старой Думы на Большой Московской улице вблизи Митрофанова монастыря и необходимо было привести их в надлежащий вид для скорейшего открытия музея.

Кроме того, для открытия музея недостаточно было экспонатов, а потому требовались усилия авторитетных членов местного сообщества для пополнения коллекций. Указанная комиссия провела соответствующую акцию: обратилась как к отдельным, наиболее известным коллекционерам губернии, так и к учреждениям с призывом пожертвовать имеющиеся раритеты будущему губернскому музею. Таким образом, в короткое время

¹ Протокол заседания Воронежского губернского статистического комитета 20 января 1892 года. С. 8.

² Протокол заседания ВГСК 7 февраля 1894 года // Воронежские губернские ведомости. 1894. № 88.

были собраны для музея книги, в том числе рукописные, портреты, иконы, предметы утвари и оружие. К примеру, известный воронежский нумизмат К.И. Бухонов преподнес в дар музею древнегреческие, римские и старинные русские монеты.

К 1894 году музейные коллекции состояли из 2400 предметов. «В нумизматическом отделе было около 1500 ед. хранения, остальные предметы распределялись по другим отделам (археологический, естественный, этнографический, историко-географический, библиотека)»¹. К числу наиболее впечатляющих экспонатов, по мнению современников, относились колоссальные кости и клыки мамонта, каменная баба из Задонского уезда, массивные весы XVIII века.

9(21) сентября 1894 г. «в присутствии почетного члена Воронежского Губернского Статистического Комитета, Ее Императорского Высочества, Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, почетных и действительных членов Комитета и лиц особо приглашенных, после торжественного молебствия и по произнесении речей Ее Императорским Высочеством и Председателем комиссии по организации музея при Воронежском Губернском Статистическом Комитете о. Стефаном Зверевым последовало открытие музея»².

Завершающим этапом создания губернского музея в Воронеже стало обсуждение устава учреждения в 1897 году³. «Главной целью становилось изучение Воронежского края. Заметим, что в уставе было уделено внимание и археологии: музей «собирает и хранит имеющие археологическое и научное значение предметы, исторические акты,

¹ Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке. С. 546.

² Поликарпов Н. И. Историческая записка о Воронежском губернном музее.

³ Бояркин М.В. Археология в деятельности Воронежского краеведческого музея (1894 - 1918 гг.) / М.В. Бояркин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2019. №3. С. 33.

рукописи... (Рукопись проекта – Инв. № ВОРМ 13630)»¹. Проект устава был рассмотрен на общем собрании ВГСК и направлен Министру внутренних дел для утверждения (см. приложение № 1)². Однако этого так и не произошло, так как более уместным посчитали создание музея при уже начавшей к тому времени работу Воронежской ученой архивной комиссии. Реальный же переход музея в ведение архивной комиссии состоялся только в 1913 г., о чем речь пойдет в следующей главе.

Образование губернского музея в Курске связано также с деятельностью губернского статистического комитета (далее КГСК). Именно КГСК начал сбор информации и предметов, связанных с прошлым края. В 1899 году комитет открыл хранилище предметов древности, найденных в губернии³. Спустя два года КГСК учредил историко-археологическую комиссию для историко-археологического и этнографического исследования губернии⁴. Всё это стало предпосылками возникновения музея в Курске. Однако его открытие является заслугой губернатора Николая Николаевича Гордеева. Он заинтересовался предметами древности и различными диковинными вещами, которые хранились в кабинете исторических редкостей КГСК, и выступил с инициативой создания местного музея, получив аудиенцию у императора. Государь поддержал это начинание и выделил 10 тысяч рублей на учреждение музея⁵.

23 апреля 1903 г. состоялось действительное открытие Курской ученой архивной комиссии. «Пост правителя дел получил Н.И. Златоверховников. Заместителем председателя, а затем председателем стал

¹ Бояркин М.В. Археология в деятельности Воронежского краеведческого музея (1894 - 1918 гг.). С. 33.

² Архивные учреждения // Воронежский телеграф. 1902. № 8.

³ Хабибуллина А.Р., Юрченко С.С. Деятельность земств по развитию статистики в Курской губернии // Проблемы современной экономики. 2015. № 1. С. 327.

⁴ Хабибуллина А.Р., Юрченко С.С. Указ. раб. С. 327.

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://kursk-museum.ru/iz-muzeynoy-istorii-kurskiy-muzey-i-tsa>.

Александр Николаевич Кобылин – товарищ председателя окружного суда, археолог-любитель и коллекционер-нумизмат»¹. По замыслу Центральных властей, археологическая деятельность архивных комиссий могла быть по их собственному желанию лишь сопутствующей при выполнении ими прямой обязанности. Тем не менее, уже во вступительной речи по поводу открытия Курской УАК Губернатор Н.Н. Гордеев отметил, что «веря в плодотворное воспитательное значение отечественной истории и этнографии...» необходимо «организовать, направить и объединить все местные работы по изучению губернии в археологическом и этнографическом отношениях... и создать то хранилище, без которого не представляется возможности спасти уцелевшие здесь предметы старины и представить наглядно в хронологическом порядке образцы труда русского народа с древнейших времен»². 18 января 1905 г. после длительного организационного периода, наконец, открылся для посещения всеми желающими историко-археологический и кустарный музей Курского края.

Таким образом, в последние десятилетия XIX – начале XX вв. во всех губернских городах Центрального Черноземья начали свою деятельность краеведческие музеи. Их открытие явилось результатом личной заинтересованности местных любителей старины, объединившихся к тому времени в рамках статистических комитетов и архивных комиссий. Во всех музеях археологическая деятельность заняла весомое место.

¹ Щавелёв С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII – XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края). С. 28.

² Труды Курской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911. С. 6.

Глава 2.

Археологическая деятельность губернских музеев региона

В первые десятилетия XX века краеведческие музеи уже развернули свою работу во всех губернских городах Центрального Черноземья. В их деятельности можно выделить несколько схожих черт, которые, к тому же, являются общими для местных музеев большинства внутренних губерний России. Среди них отметим следующие: работа музеев, включая исследовательские направления, находилась в прямой зависимости от личной инициативы членов губернского статкомитета и ученой архивной комиссии; существование музея обеспечивалось за счет частных пожертвований при эпизодическом государственном финансировании. Рассмотрим основные события этого периода деятельности губернских музеев.

В первые годы существования Воронежского музея члены ВГСК, входившие в специально созданную комиссию по его организации, кропотливо занимались составлением описания музея с дальнейшим изданием в губернских ведомостях. «Сам С.Е. Зверев распределял по таблицам с соответствующими надписями добытые из курганов предметы отдела доисторических древностей. Нумизматический отдел описывали М.Ф. Мартынов (русские монеты), А. М. Дядьков (иностранные монеты) и С.Е. Зверев (бумажные деньги). Для разборки и описания древнего оружия С.Е. Зверев пригласил штабс-капитана В.Д. Языкова, своего нового сослуживца по Михайловскому кадетскому корпусу»¹.

Активно велась работа по пополнению музейных фондов. Это происходило в результате пожертвований музею частными лицами новых предметов. Таким способом в большей степени расширялась база

¹ Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1899 году. Воронеж, 1900. С. 3-4; Захарова Е.Ю. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.). С. 18-20.

рукописного архива, нумизматического, этнографического отделов, в меньшей, отдела доисторических древностей: так воронежский нумизмат К.И. Бухонов неоднократно жертвовал различные (в основном, восточные) монеты¹. Кроме того, несколько кладов были обнаружены случайно и переданы в музей: Семилукский, Рудкинский клад (1200 серебряных монет XVII в.) и др. Из других древностей укажем на две кольчуги, пожертвованные в музей в 1900 г. полковником С.П. Тулевичем.

Количество археологических предметов в основном пополнялось за счёт проводимых сначала членами Воронежского губернского статистического комитета, а затем Воронежской учёной архивной комиссии, археологических экскурсий и раскопок. Эта тенденция была заложена еще Л.Б. Вейнбергом. Её продолжил первый руководитель губернского музея С.Е. Зверев. В 1899 г. С.Е. Зверевым и М.Ф. Мартыновым была совершена археологическая экскурсия в Новохоперский уезд и проведены раскопки на Маяцком городище². Сохранилась информация лишь о раскопке ими уже разрушенного крестьянами кургана в селе Мазурки Песковской волости³.

Информацию о том, что в указанном селе крестьяне Рощупкины при рытье погребка в кургане обнаружили медные и каменные изделия (ножи, копье, навершие булавы), а также фрагменты глиняных сосудов, члены ВГСК получили весной 1899 г. ИАК заинтересовалась пересланными в ее адрес древностями и поручила членам ВГСК доисследовать разрушенный курган. Как, по окончании работ, сообщил С.Е. Зверева, под курганом удалось дополнительно обнаружить остов лошади, череп собаки и человеческий костяк, а также бронзовый котел с зубчатым орнаментом,

¹ Бояркин М.В. Археология в деятельности Воронежского краеведческого музея (1894 - 1918 гг.). С. 34.

² Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1899 году. С. 6.

³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1899 г. Д. 66; Отчет ИАК за 1899 год. СПб., 1902. С. 101-102.

фрагмент сосуда и костяную бляху с отверстием. С.Е. Зверевым были отмечены такие особенности комплекса как совместное нахождение изделий из бронзы, кости и камня ¹.

Отправляя обнаруженные артефакты в ИАК, воронежцы настоятельно просили вернуть их в губернский музей, но хотя ИАК и ответила на эту просьбу согласием, по ошибке отправила все вещи в Исторический музей. Переписка с Историческим музеем к желаемому результату не привела, вещи остались в столице. Известно, что другие древности, которые были приобретены во время посещения Новохоперского уезда, поступили в фонды губернского музея, но, к сожалению, неизвестно какие именно.

Летом 1900 г. С.Е. Зверев «для пополнения фондов музея» побывал в нескольких уездах Курской и Орловской губерний на границе с Землянским и Задонским уездами (некогда эти земли входили в состав Воронежской епархии). В результате удалось собрать 12 предметов старины, которые были внесены в инвентарную опись музея, однако иных сведений о них не сохранилось².

Таким образом, первая музейная экспозиция была построена на основе накопленных в XIX веке предметов: каменная баба, большая пушка времен Петра Великого, колоссальные кости и клыки мамонта³. Отметим, что с момента своего открытия губернский музей регулярно проводил тематические выставки. С 1896 по 1916 год было устроено 16 выставок, приуроченных к различным памятным датам. Особый интерес для музея представляли выставки частных коллекций, так как после демонтажа выставки предметы переходили на хранение в музей⁴.

¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1899 г. Д. 66. Л. 33.

² Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1900 году. С. 7.

³ Поликарпов Н.И. Историческая записка о Воронежском губернном музее С. 22-23.

⁴ Котлярова И. В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). С. 39-40.

В 1900 г. была создана Воронежская учёная архивная комиссия. На её заседании 11 декабря 1900 года С.Е. Зверев заявил о начале нового этапа в археологическом изучении губернии: «С открытием в Воронеже двух археологических обществ – архивной комиссии и церковного археологического комитета, начинается новая эра в деле изучения нашего края в археологическом отношении. Будущее покажет плоды ученых трудов вновь организованных обществ, выделит местных ученых-археологов, определит их значение в разъяснении разного рода местных археологических вопросов»¹.

Основной целью работы ВЦИАК было изучение церковно-религиозной истории, а исследования светских древностей лишь эпизодически попадало в сферу его интересов.

При ВЦИАК функционировал собственный музей (помимо архива и библиотеки). В состав его коллекций входили «каменные ножи и наконечники стрел, черепа из могильника, древние глиняные сосуды (в целом виде и в черепках с разнообразными орнаментами), костяные предметы (с изображением оленя), женские украшения (части ожерелий, серьги), бронзовые и железные наконечники стрел, принадлежности конской сбруи, обломки сабель, часть кольчуги, пушечные ядра из затонувшего когда-то на Дону судна, татарские монеты и пр.»².

С.Е. Зверев «в целях лучшего будущего для местных музеев» настаивал на установлении на постоянной основе «обмена поступлений по специальностям» между ними¹.

Сам он инициировал передачу в 1906 г. светских древностей из музея ВЦИАК, именно «фрагменты посуды, каменные орудия, наконечники

¹ Журнал заседаний Воронежской ученой архивной комиссии // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1902. Вып. I. Отдел III. С. XI.

² Рождественский Т. Музей церковного историко-археологического комитета // Воронежский телеграф. 1903. № 36; Захарова Е.Ю. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.). С. 21.

стрел, бронзовые предметы – браслеты, бусы, фибулы, металлическое зеркальце и проч., монеты, этнографические предметы...по взаимному соглашению в губернский музей в обмен на памятники церковной старины»².

Воронежская учёная архивная комиссия, в отличие от ВЦИАК, сосредоточило своё внимание на археологическом (в современном значении термина) изучении древностей: составлением археологической карты губернии, обследованием мест случайных находок, осмотром и описанием памятников, их раскопками.

В ее работе по изучению древностей края можно выделить два этапа: «первый – до 1904 г., когда ВУАК не производила самостоятельных исследований как организация в ожидании приезда столичных специалистов для обучения необходимым в этом деле навыкам и умениям, раскопки производились некоторыми членами Комиссии по личной инициативе; второй – с 1904 г. по 1917 г. – когда Комиссия регулярно осуществляла археологические раскопки и разведочные работы почти во всех уездах губернии с целью составления археологической карты, пополнения музейных фондов, изучения наиболее значимых вопросов истории родного края»³.

1 декабря 1900 г. состоялось первое заседание ВУАК, на котором Л.М. Савелов провозгласил в качестве главной цели комиссии воссоздание истории воронежского края. Для её реализации требовалось уделить существенное внимание изучению материальных древностей, несмотря на появление письменных документов. По его мнению, «только совместная

¹ Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1901 - 1903 гг. Воронеж, 1905. С. 3-4.

² Журналы заседаний и отчеты Воронежской ученой архивной комиссии. 1904 – 1907 гг. // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908. Вып. IV. Отдел III. С. LXXXIII.

³ Захарова Е.Ю. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.). С. 19-20.

работа археологов, археографов и этнографов позволит в полной мере решить эту задачу». С этой же целью комиссия должна озаботиться составлением музея с историко-археологическим отделом. По поводу музея в этом же заседании было решено обратиться к общему собранию Воронежского Губернского Статистического Комитета с просьбой: «не изменяя настоящего характера существующего музея, и, сохраняя настоящую его администрацию, соединить музей, при нем библиотеку и архив с возникшей архивной комиссией»¹. Но постановление ВГСК о передаче музея ВУАК было принято только в 1913 г. Полагали, что музею лучше оставаться при официальном учреждении.

До лета 1902 г. вся деятельность ВУАК была направлена на подготовку к XII Археологическому съезду в Харькове. Один из аспектов этой работы – подготовка музейных коллекций для предстоящей на съезде выставки.

Самое непосредственное участие в этой работе приняли Александр Львович Дольский, бывший в то время хранителем музея (с 1889 г.), который активно занимался пополнением музейной коллекции, получая сведения о продаже предметов от знакомых антикваров и совершая археологические экскурсии по Воронежской и соседним губерниям. В последующем, в 1903 г., когда выделенная ему при музее комната стала использоваться для экспонатов, сложил с себя звание хранителя; в заседании ВГСК 22 апреля 1903 г. был избран в действительные члены комитета, а в заседании 27 мая 1904 г. – в члены комиссии по устройству музея; действительным членом ВУАК стал 7 декабря 1911 г.

Материалы о древностях Новохоперского уезда поступили в ВУАК от учителя городского училища Василия Васильевича Литвинова, ставшего в дальнейшем активным членом Архивной комиссии, известным

¹ Журналы заседаний... С. I – II.

воронежским библиографом, главным хранителем губернского музея (с 1910 года)¹.

Накануне съезда одной из самых актуальных задач являлось составление археологической карты Воронежской губернии. Этим занялся товарищ председателя ВУАК Леонид Михайлович Савёлов. Им была предложена программа (11 декабря 1900 г.), согласно которой сведения могли быть собраны и при помощи опросных листов, рассылаемых по уездам, и на основе уже имеющихся материалов в столичных (ИАК, Московское и Русское археологические общества) и местных организациях, при активном участии отдельных любителей древностей края². Воронежский губернатор П.А. Слепцов, удовлетворив просьбу ВУАК, поручил специальным циркуляром сбор сведений о древностях земским начальникам (циркуляр от 20 декабря 1900 г.). К сожалению, только третья часть земских начальников в исполнение этого документа предоставила необходимые сведения. Систематизировать накопленную в ВУАК информацию помогал В.Д. Языков. В итоге Л.М. Савелову удалось обобщить информацию по его родному Коротоякскому уезду и подготовить доклад «Расположение курганов и городищ в Коротоякском уезде», который он озвучил на заседании ВУАК (14 декабря 1901 г.), впоследствии опубликовав его во втором выпуске «Трудов» ВУАК³. Доклад был предварительным вариантом выступления на XII Археологическом съезде в Харькове и являлся своеобразным пояснением к археологической карте Коротоякского уезда.

¹ Журналы заседаний... С. V.

² Журналы заседаний Воронежской ученой архивной комиссии // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1902. Вып. I. Отдел III. С. X.

³ Журналы заседаний Воронежской ученой архивной комиссии // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1904. Вып. II. Отдел III. С. II – III; Савелов Л. М. Расположение курганов и городищ в Коротоякском уезде // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1902. Вып. I. Отдел I. С. 115-121.

ВУАК при подготовке к XII Археологическому съезду «специальных археологических исследований» не проводила, но отдельные ее члены «по собственной инициативе» провели раскопки. Вместе с тем комиссия внимательно отслеживала обстоятельства случайных обнаружений древностей. Так, С.Е. Зверев на заседании 27 сентября 1901 г. уведомил о находках в окрестностях Воронежа на даче Кузнецова. За несколько лет до этого (в 1899 г.) у вала Хазарского городища, копая землю, рабочие обнаружили костяк с положенными рядом наконечником копья, наконечниками стрел, несколькими глиняными пряслицами и сосудом (все находки Кузнецов подарил губернскому музею)¹.

«По собственной инициативе» раскопки были проведены членами ВУАК В.Н. Тевяшовым, М.П. Труновым, Л.М. Савеловым².

Владимир Николаевич Тевяшов (1840–1919) – известный воронежский краевед, на склоне лет заинтересовавшийся и археологией. Его биография уже была предметом исследования специалистов³, поэтому лишь вкратце остановимся на ней. В.Н. Тевяшов является представителем старинного дворянского рода, он получил военное образование, но был далек от военной службы и всю свою жизнь исполнял различные административные должности в Воронежской губернии. С 1900 года, после выхода в отставку, начинает активно заниматься краеведением, эпизодически проводя и археологические исследования.

Раскопки 1900 и 1901 года проводились В.Н. Тевяшовым близ слободы Владимировка Острогожского уезда (в имении г. Полякова). Для

¹ Мартинович А. И. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908. Вып. IV. Отдел I. С. 63; Мартинович А.И. Хазарское городище в Воронежской губернии // Труды XIV археологического съезда в Чернигове. 1908. М., 1911. Т. 3. С. 113-114.

² Журналы заседаний Воронежской ученой архивной комиссии // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1902. Вып. I. Отдел III. С. LI.

³ Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Воронеж, 2009. С. 201-220.

изучения был выбран курганный могильник, в котором из 13 курганов раскопали семь насыпей¹.

Наибольшее число находок содержал курган №1: 14 сосудов и отдельные черепки керамики. Из найденных сосудов три были опубликованы В.Н. Тевяшовым в своих отчётах². В дальнейшем эта серия привлекла внимание исследователей, и в итоге изображения пяти сосудов сейчас доступны исследователям³.

Вслед за курганом №1 были раскопаны курганы №№ 5, 12 и 2 (нумерация В.Н. Тевяшова). В кургане №5 были обнаружены наконечники копий и кинжал⁴. К настоящему времени они вошли в сводные таблицы по раннему железному веку лесостепного Дона⁵. В ходе раскопок кургана № 12 было выявлено 3 захоронения, два из которых сопровождалось сосудами, а в третьем при костяке человека находились две бронзовые спиральки, кремневый скребок, два маленьких горшка⁶. Инвентарь последнего погребения частично сохранился в фондах ВОКМ: кремневый отщеп, подвеска в полтора оборота⁷. Указанные вещи имеют достаточно широкий хронологический и культурный диапазон распространения, контекст же данного памятника позволяет их отнести к эпохе средней бронзы без конкретной культурной атрибуции.

¹ Тевяшов В.Н. Отчёт о раскопках в Острогожском уезде в 1900-1901 годах // Труды ВУАК. Вып. I. Воронеж, 1902. С. 93-114.

² Тевяшов В.Н. Отчёт о раскопках в Острогожском уезде в 1900-1901 годах. С. 93-114.

³ Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края. Каменный и бронзовый век в Воронежской губ. Воронеж, 1922. С.16; Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 46. М., 1955.

⁴ Тевяшов В.Н. Отчёт о раскопках в Острогожском уезде в 1900-1901 годах. С. 93-114.

⁵ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999. С. 6, 116, 120.

⁶ Тевяшов В.Н. Отчёт о раскопках в Острогожском уезде в 1900-1901 годах. С. 93-114.

⁷ Бояркин М. В. Коллекция древностей В. Н. Тевяшова в фондах Воронежского областного краеведческого музея / М.В. Бояркин // I Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1-4 февраля 2018 г., Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. Самара, 2018. С. 113.

Завершились раскопки 1900 года исследованием кургана № 2, в котором были обнаружены 4 черепка жёлтой глины и бронзовое навершие в форме грифона¹. Навершие также сохранилось в фондах музея².

В 1901 году В.Н. Тевяшов продолжил раскопки этого памятника и вскрыл курганы №№ 8, 7, 9. В кургане №8 было выявлено два захоронения: первое включало в себя разбросанные кости человека и два сосуда; во втором был обнаружен костяк взрослого человека и разбитый сосуд³. Под курганом №7 был найден лишь складной нож XIX в. При раскопках насыпи №9 В.Н. Тевяшов обнаружил фрагмент человеческого черепа, горшок, схожий с сосудом из кургана №8 и миниатюрную чашку⁴.

В целом, происходящая с данного памятника керамическая серия на тот момент времени была самой представительной и наиболее яркой коллекцией срубной посуды с территории Воронежской губернии, что было отмечено В.А. Городцовым уже при выделении им соответствующей археологической культуры⁵, и остается только сожалеть о ее утрате в последующие годы, что делает невозможным более детальный анализ. В данной связи мы солидарны с культурной атрибуцией отдельных сосудов, предложенной Е.Ю. Захаровой⁶.

В 1911 г. В.Н. Тевяшовым вновь были проведены археологические исследования двух курганных могильников в Острогожском уезде близ слободы Марки. Материалы этих работ не опубликованы. Информация о них содержится в отчете, сохранившемся в фонде Г.В. Подгаецкого

¹ Тевяшов В.Н. Отчёт о раскопках в Острогожском уезде в 1900-1901 годах. С. 93-114.

² Бояркин М. В. Коллекция древностей В. Н. Тевяшова в фондах Воронежского областного краеведческого музея. С. 113.

³ Тевяшов В.Н. Отчёт о раскопках в Острогожском уезде в 1900-1901 годах. С. 93-114.

⁴ Там же. С. 93-114.

⁵ Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. 1. М., 1905. С. 202-203, 205.

⁶ Захарова Е.Ю. Археологические занятия Владимира Николаевича Тевяшова // Восточноевропейские древности: сборник науч. трудов. Воронеж, 2012. С. 8-9.

Рукописного архива ИИМК РАН¹. Согласно этому документу, в первой группе из семи курганов раскопано было пять; во второй из 13 – шесть. В каждом кургане были обнаружены захоронения эпохи бронзы. Больше всего погребений (9) удалось выявить в кургане №1 первой группы. Найденный в них инвентарь представлен острорёберными и баночными сосудами. При раскопках остальных курганов первой группы могильника были также обнаружены человеческие кости и аналогичная керамика. В кургане №1 второй группы было обнаружено три погребения: в погребении №1 находился глиняный сосуд; в погребении №3 черепки от двух сосудов, а погребение №2 было безинвентарным. В кургане №2 погребения не было обнаружено, однако был найден сосуд баночного типа. При раскопках курганов №№ 3, 5, 6 были обнаружены фрагментарные остатки скелетов, но никакого инвентаря найдено не было. Под курганом №4 было единственное погребение со стремящем, кресалом, железной пряжкой и кольцом. В интерпретации данного погребения мы согласны с Е.Ю. Захаровой, которая относит его к кругу кочевнических погребений². К сожалению, в фондах ВОКМ отсутствуют какие-либо вещи из этих курганных групп.

Таким образом, в коллекции археологии ВОКМ обнаружено три предмета, которые относятся к раскопкам близ слободы Владимировка. Также связывается с работами В.Н. Тевяшова металлический бубенчик³, но в имеющихся у нас авторских отчетах он не фигурирует. Его происхождение неизвестно. Что касается керамической коллекции из раскопок В.Н. Тевяшова, то в настоящее время мы должны признать ее утрату в годы Великой Отечественной войны. В данной связи перспективным представляется публикация фото и прорисовок керамики,

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 145. Л. 179 – 190.

² Захарова Е.Ю. Археологические занятия Владимира Николаевича Тевяшова. С. 12.

³ Бояркин М. В. Коллекция древностей В. Н. Тевяшова в фондах Воронежского областного краеведческого музея. 113.

сделанных в 1920-е годы сотрудниками музея для В.А. Городцова и ныне хранящихся в его фонде Отдела письменных источников ГИМ¹.

Раскопки проводил и другой член ВУАК – Михаил Павлович Трунов (1867 – 1942) – известный воронежский и липецкий краевед и археолог. Михаил Павлович родился в Воронеже, в семье мещанина. Окончив губернскую классическую гимназию, он поступил на медицинский факультет Московского университета. «С 1891 по 1903 гг. занимал врачебные должности в Воронежской губернии – сначала в Задонском уезде, потом на железнодорожных станциях Анна, Елец и Лиски; был действительным членом ВУАК (с 4 марта 1901 г.) и ВЦИАК. В 1903 году М.П. Трунов получил назначение в Боровский уезд Калужской губернии, и уехал из Воронежа»².

В августе 1901 г. при подготовке к XII Археологическому съезду Михаил Павлович провел свои первые раскопки. В Бобровском уезде он вскрыл два кургана у села Новый Буравль (или Сафоновка) в Мечетской волости и «осмотрел в археологическом отношении» местность «в восьми верстах от с. Новый Буравль» на земле крестьян с. Мечетка. В «Трудах» ВУАК имеется краткое сообщение о проведенных работах, а в архиве ИИИМК РАН хранится более развернутый отчет³. В курганах у с. Новый Буравль М.П. Трунов обнаружил «два разнородных погребения: древнее, скелет в сидячем положении, и более позднее, в гробу, с предметами византийской эпохи», среди которых «золотая серьга из тонкой проволоки в форме двух колец, железная пряжка и небольшой кусочек тонкой

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 201, 288

² Бессуднов А.Н. Провинциальный археолог М.П. Трунов: до и после Октябрьской революции // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции. М.: Институт археологии РАН. 2017. С. 9.

³ Трунов М. П. Раскопки в Бобровском уезде // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1902. Вып. I. Отдел III. С. XL – XLII; Бессуднов А.Н. Провинциальный археолог М.П. Трунов: до и после Октябрьской революции. С. 9.

плоской проволоки, согнутой по плоскости (в форме гофрировки), кусок парчи, чашка из какого-то белого металла с примесью меди»¹.

Находки было решено отправить в ИАК, чтобы аргументировать просьбу о разрешении возобновить работы в 1902 году. До конца так и неизвестно как развивались события на самом деле. Сейчас в экспозиции краеведческого музея находится описанная выше серебряная чаша, хотя и указан 1902 г.

В 1902 г. М.П. Трунов не только продолжил раскопки в Бобровском уезде, но и обследовал уже неоднократно упоминавшееся Маяцкое городище.

В мае 1902 г. Л.М. Савелов по личной инициативе провел раскопки на городище в неглубокой впадине в северо-западном углу (его отчета нет, но об обнаруженных находках сообщает М.П. Трунов)².

М.П. Трунов изучил также находившиеся в Москве архивные документы художника Д.М. Струкова, проводившего исследования в Дивногорье в 1897 г.³. Сам М.П. Трунов трижды за лето 1902 года побывал на Маяцком городище и произвел различные обследования: замерил параметры вала и рва, подробно описал прилегающую местность, раскопал небольшие участки памятника. В отчете говорится: «Внутри городища весной при отсутствии травяного покрова был виден ещё один вал в форме растянутой буквы «П», примыкающий к южной стороне наружного вала». Трунов произвел поперечную раскопку длинной стороны этого внутреннего вала и обнаружил, что это, по-видимому, «развалины стены из тёсаного мела». Исследуя впадину, поначалу раскопанную Л.М.

¹ Городцова Ю.Н. Коллекция средневековых древностей из раскопок М.П. Трунова в фондах Воронежского областного краеведческого музея / Ю.Н. городцова // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1-4 февраля 2018 г., Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. Самара: Самарский университет, 2018. С. 295.

² Журналы заседаний Воронежской ученой архивной комиссии // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1904. Вып. II. Отдел III. С. VIII.

³ Журналы заседаний Воронежской ученой архивной комиссии. С. VIII.

Савеловым, он сделал вывод, что это не могила, а землянка, которых «должно быть найдено в городище ещё немало, на что указывает существование внутри него многочисленных впадин, принимавшихся до сих пор за опустившиеся могилы»¹. По завершении работ М.П. Трунов выслал вместе с отчетом в ИАК и обнаруженные на всех памятниках артефакты.

На XII съезде в Харькове М.П. Трунов впервые высказал предположение о возможности сопоставить материалы из Верхнего Салтово (раскопки А.М. Покровского) и Дивногорья с материальной культурой хазар².

В это же время по собственной инициативе раскопки были проведены и другими членами ВУАК: Л.М. Савеловым, А.А. Орловым, А.И. Милютиным³.

Третий из указанных выше членов ВУАК, совершивший археологическую экскурсию, Александр Иванович Милютин (1869-1907). Он родился в Воронеже. После окончания губернской гимназии переехал в Москву для продолжения образования в университете. Закончил юридический факультет, проявляя при этом интерес к иностранным языкам и этнографии. Лишь серьезная болезнь вынудила его возвратиться в Воронеж и отказаться от планов посвятить себя науке. В родном городе он занимал различные должности в соответствии с полученной специальностью (работал сначала в окружном суде, потом в казенной палате). С 1901 г. вошел в Комиссию по устройству губернского музея,

¹ Захарова Е.Ю., Кондратьева С.К. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения). С. 121-128.

² Труды XII Археологического съезда в Харькове. Т. III. С. 332.

³ Журналы заседаний Воронежской ученой архивной комиссии. С. XVIII, XXXV – XXXVI; Савелов Л.М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении С. 166; Орлов А.А. Стоянка каменного века на р. Оскол // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1904. Вып. II. Отдел I. С. 143.

одновременно начав разбирать «второвские» акты. С 1902 года являлся членом ВУАК.

Археологическая экскурсия А.И. Милютинина состоялась летом 1902 г. Поводом к ее проведению стало случайное обнаружение фрагментов керамики у села Подклетное вблизи Воронежа¹. По народному преданию, в этих местах жили либо татары, либо иное «нехристианское и нерусское племя», поскольку там время от времени попадались и кости, и черепки, и старые металлические вещи. Обследовав заинтересовавшую его местность, А.И. Милютин сообщил следующее: «Курганы почти все правильной полусферической формы... непрерывной цепью идут от с. Подклетного к с. Подгорному, близ которого они называются «Стрелицами» или «Частыми курганами». С противоположной стороны городища, тянулись, проходя чрез с. Подклетное до самого Дона, продолговатые возвышенности... в несколько рядов, переплетаясь между собой»². Основной категорией находок стала керамика, среди которой А.И. Милютин выделил два типа: лепную и гончарную. Кроме того, им были собраны различные вещи из глины (грузила, пряслица, части поделок) и кремня. Отдельную категорию находок составили камни (известняк, песчаник, гранит). А.И. Милютин решил вскрыть полу самого низкого кургана, но наткнувшись на «кости какого-то животного и черепки очень большого из черной глины необожженного горшка», прекратил раскопки³.

Сообщая своим коллегам о результатах своей экскурсии, А.И. Милютин посчитал возможным выделить как наиболее ранние свидетельства заселения этой местности, так и наиболее поздние. «Все эти предметы, находимые на пространстве нескольких верст, указывают на то,

¹ Милютин А. И. Следы древнего поселения близ с. Подклетного Воронежского уезда // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1904. Вып. II. Отдел III. С. XIX-XXII.

² Там же. С. XX.

³ Там же. С. XXI.

что описываемая местность была населена и до появления колонистов из Московской Руси... Имея в виду, что неподалеку от той же местности близ р. Девыцы найдены были недавно два каменных топора, несомненно, относящиеся к неолитической эпохе, можно предположить, что в этой местности уже в каменном веке были поселения. ...Фрагменты обожженной посуды, вероятно, относятся к близко совпадающему с эпохой появления русских времени, а быть может, являются остатками жизни тех же русских, но до татарской эпохи, когда славяно-русские племена из Рязанской и Чернигово-Северской земли, вероятно, в расселении своем доходили и до области Дона с его притоками. Возможно также, что окрестности Воронежа населяли инородческие ведущие оседлую жизнь племена, сохранившие места своего поселения и при татарах; во всяком случае, несомненно, что по р. Дону и его притокам в отдаленную уже эпоху была жизнь, и племена, одни других сменяя, занимали одни и те же излюбленные места»¹.

Активно начатые обследования местностей в различных уездах воронежской губернии закономерно привели членов ВУАК к обсуждению вопроса об организации «специальной комиссии по раскопкам» из тех членов ВУАК, которые уже занялись раскопками каждый индивидуально. Хотя каких-либо определенных сведений о том, была ли организована такая комиссия, не сохранилось, но на деле исследования проводились постоянным коллективом из членов ВУАК: С.Е. Зверев, М.П. Трунов, В.Д. Языков, А.И. Милютин, М.П. и М.К. Паренаго, А.Л. Дольский, позже еще и А.И. Мартинович.

Проводили свои археологические исследования и двоюродные братья Михаил Павлович и Михаил Клавдиевич Паренаго,

¹ Милютин А. И. Следы древнего поселения близ с. Подклетного Воронежского уезда. С. XXII.

принадлежавшие к известному дворянскому роду Воронежской губернии¹. Михаил Павлович Паренаго (1852 – после 1925 г.) родился в селе Гремячье. Будучи выпускником Воронежского кадетского корпуса, поступил в Чугуевское юнкерское училище. По окончании служил в пехотном Можайском полку (1873 – 1891 гг.), в том числе и участвовал в боевых действиях русско-турецкой войны (1877 – 1878 гг.). Уволившись в запас, получил должность земского начальника в Воронежском уезде. Он обладал талантом художника, хорошо фотографировал, поэтому преподавал рисование в Воронежском кадетском корпусе. С первого заседания ВУАК являлся членом этой комиссии. В Воронеже был также известен как коллекционер (имел коллекции картин, гравюр; богатую библиотеку), участвуя своими раритетами во всех выставках музея.

Михаил Клавдиевич Паренаго (1876 – после 1931) родился в Витебской губернии. После окончания Воронежского кадетского корпуса и Александровского военного училища служил в Скопинском резервном батальоне. В 1905 г. М.К. Паренаго закончил Центральное училище технического рисования барона Штиглица. Был офицером-воспитателем, а затем учителем рисования Михайловского кадетского корпуса. С 1901 г. входил в Комиссию по устройству губернского музея, в 1902 году был избран в члены ВУАК, в 1906 г. – членом ВГСК. Его коллекция включала холодное оружие (впоследствии передал в губернский музей), редкие книги и художественные альбомы, которые также экспонировал на музейных выставках.

В Харьков на XII Археологический съезд в августе 1902 г. отправилась очень представительная делегация воронежцев: С.Е. Зверев, В.А. Перелешин, А.М. Правдин, В.С. Преображенский, Т.С. Рождественский, Л.М. Савелов, М.Д. Свербеев, В.Н. Тевяшов, М.П.

¹ Акинъшин А. Н., Ласунский О. Г. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. С. 96-101.

Трунов, Д.Г. Тюменев¹. Это была самая многочисленная провинциальная делегация после харьковчан.

После завершения работы форума, вернувшись домой, воронежцы еще неоднократно обсуждали эту животрепещущую для них тему².

После съезда Л.М. Савелов подарил карту ВУАК для размещения в экспозиции губернского музея, хотя еще не оставлял желания усовершенствовать ее в соответствии с замечаниями делегатов съезда. Например, известно, что значительные изменения были им внесены уже к декабрю 1902 г., когда он выступил на заседании ВУАК. Весь материал теперь был скомпонован по бассейнам рек, а также дополнен сведениями, поступившими после летнего сезона³. К сожалению, эта версия карты не увидела свет в «Трудах» ВУАК, как это предполагалось по ее решению.

Вторая археологическая карта, автором которой выступил В.А. Перелешин, охватывала территорию всей губернии. Владимир Александрович Перелешин (1870-1950) происходил из дворянской семьи. Служил в канцелярии дворянского собрания. Увлечшись краеведением, составлял указатели к описанным архивным документам в Комиссии по устройству музея. С 4 марта 1901 г. был членом ВУАК.

В дореволюционный период археологическая карта губернии не была составлена. Известно, что в ВУАК составляли карту памятников по реке Воронеж. К сожалению, она не сохранилась.

Два десятка лет спустя к решению проблемы составления археологической карты Воронежской губернии вернулся С.Н. Замятнин.

¹ Бояркин М.В. Археология в деятельности Воронежского краеведческого музея (1894 - 1918 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2019. № 3. С. 35.

² Воронеж на археологическом съезде // Воронежский телеграф. 1902. № 117; Журналы заседаний Воронежской ученой архивной комиссии // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1904. Вып. II. Отдел III. С. XV; Зверев С. Е. Воронеж на XII археологическом съезде. С. 147-157.

³ Журналы заседаний Воронежской ученой архивной комиссии // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1904. Вып. II. Отдел III. С. XVIII, XXVI.

Обобщая опыт предшественников, он указал на еще один недостаток предложенных карт – в них не отражена информация, содержащаяся в публикациях о древностях губернии, а также сопровождавшая музейные коллекции¹.

Резюмируя итоги, организаторы харьковского съезда сделали вывод об отрывочности археологических данных о Воронежской губернии. «В связи с чем, было предложено регулярно изучать территорию губернии в археологическом отношении. Работа самих любителей старины из Воронежа была оценена высоко. Воронежская губерния была включена в область изучения следующего, XIII археологического съезда, который планировалось провести в Екатеринославле в 1905 году»². Намечалось к нему при ВУАК создать отделение Предварительного комитета, перед которым ставились две задачи: накопление сведений для археологической карты; составление указателей научных публикаций по истории, археологии и этнографии края. ВУАК уведомила о готовности в полном составе оказать содействие целям будущего съезда и неоднократно обращалась в ИМАО с просьбой о командировке в пределы губернии кого-либо из членов Общества для производства раскопок. Член ИАК А.А. Спицын на областном съезде в Твери (август 1903 г.) сообщил, что ИАК планирует начать в Воронежской губернии систематические раскопки.

В силу уже изложенных выше причин ВУАК в 1903 г. также воздерживалась от раскопок, но как и прежде «все поступающие время от времени сообщения о случайных находках и отдельные известия, касающиеся находящихся в губернии памятников, заносила в журнал заседаний и по возможности проверяла на месте»³.

¹ Замятин С. Н. По поводу археологической карты Воронежской губернии. С. 44.

² Бояркин М.В. Археология в деятельности Воронежского краеведческого музея (1894 - 1918 гг.). С. 35.

³ Журналы заседаний и отчеты Воронежской ученой архивной комиссии. 1902-1903 гг. // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908. Вып. IV. Отдел III. С. XLV.

В том же 1903 г. ВУАК лишилась двух своих активных соратников. Скончался первый председатель комиссии Е.Л. Марков. Его памяти посвятили заседание ВУАК (28 марта 1903 г.) и второй выпуск «Трудов». В опубликованных некрологах говорилось, что его деятельность (литературная, педагогическая, земская, общественная) «являлась весьма разнообразной, но всегда плодотворной и ценной»¹.

М.П. Трунов уехал из Воронежа, получив назначение в Боровский уезд Калужской губернии. В 1906 г. за участие в организации Всероссийского Крестьянского союза и бойкот выборов в I Государственную Думу он был приговорен к ссылке, замененной административной высылкой в Липецк Тамбовской губернии². М.П. Трунов продолжал работать врачом и при этом не оставлял свои краеведческие занятия: по его инициативе было организовано Липецкое Петровское общество для распространения научных и практических знаний, имевшее свой музей и библиотеку.

Новый этап в деятельности архивной комиссии по исследованию древностей воронежского края, следовательно, и в работе губернского музея, наступил в 1904 году. С этого времени архивная комиссия под руководством центральных археологических организаций страны наладила регулярное исследование исторических памятников губернии: древности осматривали, описывали, зарисовывали, наносили на археологическую карту, проводили раскопки, опрашивали местное население, при наличии средств покупали древности для музея.

Начало нового этапа зафиксировано в документах самой архивной комиссии. В ее отчете за 1904 – 1907 гг. указано, что в предыдущие годы, главным образом, сообщения о случайных находках обуславливали

¹ Фаддеев А.Д. Евгений Львович Марков // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1904. Вып. II. Отдел I. С. III.

² Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в к. XIX - нач. XX вв. Рязань, 2002. С. 40.

археологические исследования. К 1904 году сформировались «иные мотивы для подобных трудов», которые сегодня мы можем сформулировать как оформление к археологическим источникам отношения как к источнику историческому, признание возможности опоры на археологические данные при разрешении какого-либо исторического вопроса. Применительно к конкретной ситуации 1904 года таких вопросов было сформулировано два. Во-первых, после археологических наблюдений А.И. Милютина в окрестностях Воронежа необходимо было время заселения края, поскольку он однозначно пришел к выводу, что «по Дону и его притокам в отдаленную уже эпоху была жизнь». Во-вторых, в краеведческой среде с новой силой разгорелась дискуссия о локализации и собственно статуса Воронежа (название реки, города, местности), упоминавшегося в летописях, и С.Е. Зверевым была сделана ставка на археологические данные «в целях такого или иного решения вопроса о древнем Воронеже»¹. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что уже приближался XIII Археологический съезд, а «систематических раскопок», планировавшихся Московским археологическим обществом, так и не началось. ВУАК принимает решение действовать самостоятельно.

Осенью 1904 г. А.И. Милютин, С.Е. Зверев и некоторые другие члены ВУАК с открытым листом от ИАК совершили археологические экскурсии на 30-40 вёрст во все стороны вокруг г. Воронежа. Они осмотрели могильник близ Хазарского городища на Лысой горе, в котором обнаружили 350 курганов. А.И. Милютин при этом заметил, что «по теории заселения излюбленных одних и тех же мест племенами, издревле обитавшими в нашем крае... между курганами хазарскими, быть может, мы найдем и славянские насыпи, следы древнерусской культуры в

¹ Журналы заседаний и отчеты Воронежской ученой архивной комиссии. 1904-1907 гг. // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908. Вып. IV. Отдел III. С. XXXVI.

Воронежском крае»¹. Еще одним объектом обследования стало Шилово городище; там же приобрели у крестьянина П.А. Саблина монету – денарий императора Траяна 103 г. н.э. Затем осмотрели городище у с. Подклетное, где уже сами нашли несколько золотоордынских монет, которые по весу предположительно датировали XV веком. Осмотрели краеведы и названную ими «палеоэтнологической» стоянку в с. Костёнки, попутно собрав кости мамонта и др.² Подробно о своих обследованиях участники доложили в реферате «Археологические экскурсии в окрестностях г. Воронежа», озвученный А.И. Милютиным 22 октября 1904 г. Тогда же обсуждался вопрос о возможностях собрать сведения о древностях к XIII съезду. Учитывая, что не по всем участкам были собраны полные сведения к предыдущему съезду, было решено обратиться к тем земским начальникам, которые ранее оказались не слишком активными³.

В 1905 году ВУАК решила доследовать места обнаружения двух богатых комплексов в Валуйском и Коротоякском уездах. В Валуйском уезде на хуторе Гаевка дети раскопали яму, где обнаружили большое количество древних вещей золотую византийскую монету XI в., медные с позолотой кольца, серебряные части поясного набора с чернью и позолотой, серебряные бляхи разных форм, часть металлического ножа, стремя, наконечники стрел. А взрослые, к которым попали находки, расширив яму, обнаружили кости человека и лошади. На заседании ВУАК были доложены обстоятельства находки и продемонстрированы вещи⁴. Вещи с сопровождающей их информацией, как требовали правила,

¹ Журналы заседаний и отчеты Воронежской ученой архивной комиссии. 1904-1907 гг. // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908. Вып. IV. Отдел III. С. XXVII, XXXVII.

² Там же. С. XXXVII.

³ Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904-1907 гг. С. XXVI; XXXIX.

⁴ Там же. С. XXV, XXX, XXXVII.

послали в ИАК. Они затем поступили в Эрмитаж, а в губернском музее остались их снимки¹.

В Коротоякском уезде крестьяне, занявшись раскопками курганов вблизи с. Мастюгино, под одной из насыпей обнаружили около сотни предметов: перстень с изображением двух львов, обломки браслетов, разных форм серебряные пластинки и одна золотая, а также бронзовый предмет с изображением головы животного. Один из находчиков решил продать вещицы на известной ярмарке антиквариата в Коротояке, но вместо этого давал объяснения уездному исправнику, конфисковавшему артефакты. Эту коллекцию также после рассмотрения вопроса в ВУАК отправили в ИАК, откуда она попала в Эрмитаж². Отдельного внимания удостоился набор серебряных пластин, из которого М.К. Паренаго удалось реконструировать небольшой сосуд. На заседании ВУАК (25 ноября 1905 г.) он сделал доклад об этом предмете, предположив, что он относится «к тем греческим сосудам, которые предназначались для пепла...», «...вазы такого художественного пошиба господствовали на рынке вплоть до VII столетия»³.

Столь выдающиеся находки обусловили заведение в ВУАК особого журнала, куда вносились находки древностей «в видах нанесения этих сведений на археологическую карту». Для упорядочения предполагаемой работы члены ВУАК обратились к губернатору с просьбой сообщать в комиссию все поступающие от уездных исправников сведения о случайных находках перед направлением их в ИАК⁴.

Посылая находки в Санкт-Петербург, ВУАК просила выдать открытый лист, дающий право провести раскопки и в окрестностях Гаевки,

¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1905 г. Д. 47; Отчет ИАК за 1905 год. СПб., 1908. С. 94-97.

² Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904-1907 гг. С. XLV – XLVI; Манцевич А. П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1973. Вып. 15. С. 12-46.

³ Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904-1907 гг. С. LV-LVI, LXIII-LXIV.

⁴ Там же. С. LV-LVI, LXIII-LXIV.

и в с. Мастюгино. ИАК сообщила, что в губернию запланирован приезд члена Археологической комиссии А.А. Спицына, кроме того, ИАК обратилась с просьбой к губернатору дать распоряжение о запрете самовольных раскопок мастюгинских курганов.

Действительно, в 1905 – 1906 гг. в Воронежской губернии провели раскопки профессионалы А.А. Спицын и его ученик Н.Е. Макаренко. А.А. Спицын провел исследования в Коротоякском и Воронежском уездах губернии¹. Поскольку все находки, полученные в процессе работ под его руководством, поступили в Эрмитаж, не будем останавливаться на них подробнее, отметим лишь, что эти работы стали своего рода мастер-классом для местных исследователей, с которыми у А.А. Спицына установились доброжелательные отношения.

Гораздо более важным для нашего исследования представляется тот факт, что А.А. Спицын посетил воронежский губернский музей, где охарактеризовал все первобытные древности и распределил их по эпохам. На основе его определений А.И. Милютиным был создан в музее отдел первобытных древностей. Он же составил о них записку, озвученную на заседании ВУАК уже без автора². Это были последние труды А.И. Милютина. В феврале 1907 г. в возрасте 37 лет он умер. Перу Александра Ивановича не принадлежат крупные научные труды. Многие, задуманные им научные проекты, он не успел реализовать, хотя после него в губернском музее остались многочисленные материалы по краеведческой проблематике. Даже не взирая на тяжелую болезнь, он до последнего дня не оставлял археографическую работу. По словам С.Е. Зверева, «с наслаждением» А.И. Милютин участвовал в археологических изысканиях. «В его портфеле берегутся фотографические снимки отдельных предметов, обративших на себя его внимание во время экскурсий: татарские монеты

¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 90, 169, 191; Отчет ИАК за 1905 год. СПб., 1908. С. 82-84; Отчет ИАК за 1906 год. СПб., 1909. С. 109-111.

² Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904-1907 гг. С. ХСШ.

XIV в. с Подклетненского городища, мужик из с. Костенок в праздничном наряде, священническая риза, подаренная Петром Великим в церковь бывшего города Таврова и др.»¹. В качестве благодарности за заслуги Александра Ивановича Милютина в научной и просветительской работе его памяти ВУАК посвятила четвертый выпуск своих «Трудов».

Фонды губернского музея продолжали расти благодаря результативным археологическим экскурсиям членов ВУАК, которые они организовали и в 1905 г. Объектами их изучения в этом году стали памятники вблизи Воронежа². «Близ кадетских лагерей на Лысой горе» у Хазарского городища А.И. Милютин, В.Д. Языков, С.Е. Зверев, М.К. Паренаго раскопали один курган. «Раскопанный курган не дал никаких предметов, кроме черепков и костей животных. Остатки золы в кургане, по-видимому, указывают на трупосожжение»³. В.Д. Языковым был выполнен план всего могильника, а также данного кургана⁴. По итогам экскурсий С.Е. Зверев выступил с докладом «Археологические раскопки в Воронежской губернии в 1905 году» на заседании ВУАК 25 ноября 1905 г. После демонстрации все находки были переданы в воронежский музей⁵.

После передачи древностей светского характера из музея ВЦИАК в губернский музей в конце 1906 г. еще больше обострилась проблема отсутствия у музея собственного здания. Имевшееся помещение в здании Старой Думы давно уже было забито до отказа, так что в часы работы музея экспонаты выставлялись даже в комнате хранителя. В 1907 г. комиссия возобновила свои действия, направленные на приобретение собственного здания музею.

¹ Речь С.Е. Зверева в заседании Архивной Комиссии // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908. Вып. IV. Отдел I. С. 6-7.

² Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904-1907 гг. С. LXV.

³ Там же. С. LXV.

⁴ Мартинович А.И. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908. Вып. IV. Отдел I. С. 63-66.

⁵ Зверев С.Е. Воронежский губернский музей в 1905 году. Воронеж, 1908. С. 4-5.

24 мая 1907 г. вопрос о новом помещении для музея рассматривался на заседании статистического комитета, в чьем ведении он по-прежнему находился. К сожалению, обстоятельства не позволили в тот момент решить вопрос кардинально. Было принято предложение С.Е. Зверева, основать «фонд для постройки специального здания губернского музея и открыть среди местного общества, а также между уроженцами Воронежского края подписку для этой цели»¹. Спустя два года члены статистического комитета, осознав, что работа не продвинулась в нужном направлении, приняли решение «в целях более интенсивного и успешного развития этого дела передать его в ведение ученой архивной комиссии»².

Спустя уже месяц представился случай существенно пополнить фонд пожертвований. В июне 1909 г. к 200-летию Полтавской битвы ВУАК подготовила Петровскую выставку. Во время торжественного заседания, предваряющего ее открытие, члены ВУАК обратились к общественности с призывом поучаствовать пожертвованиями в постройке «Петровского музея». Было собрано около 600 рублей³.

Осенью того же 1909 года ВУАК впервые предприняли исследование одного из наиболее известных воронежских памятников – «Частых курганов». С.Е. Зверев и А.И. Мартинович «собственноручно с помощью двух рабочих и двух добровольцев, учащихся средней школы» начали вскрывать одну насыпь, но прервали работы из-за необходимости использовать эту землю под озимые посевы⁴.

Весной 1910 года ВУАК направила в ИАК отношение с просьбой о выдаче открытого листа на продолжение раскопок в окрестностях

¹ Шестова С. Н. Воронежский Государственный историко-культурный музей. С. 17.

² Цит. по: Алленова В. А. С. Е. Зверев – создатель Воронежского губернского музея. С. 127-128.

³ Комитет по постройке Воронежского Губернского Музея // Воронежский телеграф. 1911. № 2; Комитет по постройке Воронежского Губернского Музея // Вестник постройки Воронежского Губернского Музея. 1910. № 1.

⁴ Захарова Е.Ю. Археологическая деятельность С.Е. Зверева // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2010. № 1. С. 13-22.

Маяцкого городища и в урочище «Частые курганы», а также для совершения археологической поездки по р. Дон для обследования городищ по берегам этой реки в пределах Воронежской губернии¹.

На могильнике «Частые курганы» работы в 1910 г. продолжили С.Е. Зверев и его старший сын Михаил, А.И. Мартинович, В.Д. Языков, М.К. Паренаго, а также граф Петр Николаевич Апраксин, воронежский вице-губернатор и председатель ВУАК (с октября 1907 г.). Их стараниями были раскопаны две насыпи в южной части могильника. Устройство могил, как сообщается в отчете, было аналогичным: в грунтовой яме находился деревянный сруб, где были совершены богатые воинские погребения, сопровождающиеся золотыми, бронзовыми и железными вещами, среди которых бляхи в зверином стиле, конская упряжь, оружие и др. А.И. Матриновичем был составлен отчет за два года работ и представлен в ИАК². Сообщения об исследованиях были опубликованы во многих периодических изданиях. Доклад «О раскопках скифо-сарматских могил в урочище «Частые курганы» под г. Воронежем в 1910 году» сделал А.И. Мартинович на открытом заседании ВУАК 1 апреля 1911 г. во время Костомаровских дней в зале Дворянского собрания³. Всем участникам собрания были продемонстрированы найденные древности, которые, как и весь могильник, в целом, были датированы «I или II вв. до Р.Х., когда на юге России и в пределах нынешней Воронежской губернии обитали народы скифо-сарматского племени»⁴. Уже для более подготовленной публики сообщение было подготовлено А.И. Мартиновичем на XV археологический съезд в Новгороде (1911 г.). Туда же были привезены вещи, обнаруженные в двух курганах⁵.

¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1907 г. Д. 56. Л. 23; 1909 г. Д. 38. Л. 33, 37, 39, 40.

² РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1909 г. Д. 38. Л. 82 -112.

³ Доклад о раскопках // Воронежский телеграф. 1911. № 76.

⁴ Там же.

⁵ Зверев С. Е. Отчёт Воронежской ученой архивной комиссии. 1910. 1 дек. 1911. Воронеж, 1912. С. 23.

В 1910 г. ИАК выдала открытый лист В.Д. Языкову. По нему он имел право проводить полевые работы в Бирюченском и Бобровском уездах¹. Со своей стороны, Комиссия по устройству губернского музея выделила из средств музея «на проведение археологических раскопок в Воронежской губернии с тем, чтобы все находки поступили в Воронежский музей 200 руб.»².

В 1910 г., наконец, начались реальные шаги к приобретению музейного здания. Сам музей, как писал «Исторический вестник», относился к числу «богатейших провинциальных музеев»³. В феврале 1910 года, когда проходила организованная архивной комиссией Кольцовская выставка, архиепископ Воронежский и Задонский Анастасий благословил создание фонда пожертвований. Это сразу же увеличило его фонд до 10 тыс. руб. Сама же архивная комиссия инициировала создание особого Комитета по сбору пожертвований на постройку музея, которую возглавил П.Н. Апраксин. На заседании ВУАК (9 сентября 1910 г.) был утвержден состав указанного выше Комитета: С.Е. Зверев, А.И. Мартинович, М.К. и М.П. Паренаго, В.Д. Языков и др. Примерно спустя три месяца состоялось заседание этого Комитета, где было решено, имея в своем распоряжении определенную сумму средств, обратиться к городским властям с просьбой отвести земельный участок под строительство здания музея⁴.

Продолжая работу в избранном направлении, 3 июня 1911 г. члены ВУАК заслушали отчет В.Д. Языкова, на которого были возложены обязанности секретаря данного Комитета. Он, в частности, доложил, что фонд пожертвований насчитывает 28000 руб., к тому же с декабря 1910 г.

¹ Отчет ИАК за 1909 и 1910 годы. СПб., 1913. С. 235.

² В комиссии по устройству Воронежского губернского музея // Воронежский телеграф. 1910. № 120.

³ Юбилей священника С. Е. Зверева // Исторический вестник. СПб., 1910. Апрель. Т. СХХ. С. 385.

⁴ Комитет по постройке Воронежского Губернского Музея // Вестник постройки Воронежского Губернского Музея. 1910. № 1.

начато издание «Вестника постройки Воронежского губернского музея» для «ознакомления жертвователей и вообще широких слоев публики с ходом дела по постройке»¹. Граф П.Н. Апраксин объявил о долгожданном решении, с Высочайшего соизволения, передать для музея строение на Большой Дворянской улице, до сих пор принадлежавшее интендантскому ведомству. В настоящее время в этом здании находится художественный музей им. И.Н. Крамского.

Вопрос о возможности организации музея в этом здании обсуждался членами ВУАК еще в октябре 1902 г. Осознавая, это здание представляет историческую ценность, предполагалось «войти в сношение с губернским предводителем дворянства, в канцелярии которого ведется это дело, о желательном сохранении древнего вида этого здания при его переделке»². Графиня П.С. Уварова, в одном из своих писем С.Е. Звереву (1910 г.), просила сделать фото разрушающегося архитектурного памятника, предположительно выстроенного по проекту Гваренги и отыскать в архиве подтверждения о передаче его в ведение интендантства³. В апреле 1911 г. в Петербурге, в Обществе защиты и сохранения в России памятников искусства и старины граф П.Н. Апраксин выступил с докладом об этом здании, преследуя цель добиться его передачи музею⁴.

Здание, о котором идет речь, было построено И.А. Потаповым, бывшим воронежским губернатором, во второй половине 1770-х гг. Спустя несколько лет было решено купить его в казну для генерал-губернатора. В.А. Чертков действительно в это время заказал проект перестройки здания Джакомо Кваренги, но сделка по каким-то причинам не состоялась. Впоследствии дом неоднократно переходил из рук в руки, пока не оказался во владении Интендантского управления Военного министерства. В 1803 –

¹ Заседание архивной комиссии // Воронежский телеграф. 1911. № 125.

² Зверев С. Е. Отчет Воронежской ученой архивной комиссии 1910. С. 12.

³ В архивной комиссии // Воронежский телеграф. 1910. № 113.

⁴ В Комитете по постройке музея // Воронежский телеграф. 1912. № 88.

1810 г. здание было перестроено по проекту воронежского архитектора В.Б. Белокопытова. В декабре 1901 г. его передали благотворительному ведомству для обустройства там Ольгинского института, но оно не состоялось. Спустя четыре года здание перешло к городу, что позволило городской управе разместить там кавалерийские части с конюшнями¹. К 1910-м годам дом требовал капитального ремонта.

3 июня 1911 г. граф П.Н. Апраксин уведомил членов ВУАК о своем назначении губернатором Таврической губернии, что, естественно требовало сложения полномочий председателя ВУАК². После его отъезда комиссия переживала кризис, поскольку графа по праву считали «душой живой» сообщества. Возглавив архивную комиссию, П.Н. Апраксин сплотил вокруг себя лучшие силы; заседания Комиссии, не имевшей своего помещения, стали проходить в его квартире; он сам был постоянным жертвователем и помогал получать субсидии от разных организаций и частных лиц; принимал участие в раскопках, выставках; поддерживал издательскую деятельность ВУАК. По настоятельной просьбе членов Комиссии П.Н. Апраксин остался на своем посту, в его отсутствие обязанности председателя согласился исполнять товарищ председателя Г.И. Недетовский.

В 1911 г. ВУАК получила открытый лист от ИАК, планируя продолжение раскопок в урочище «Частые курганы»³. Уже сложившимся исследовательским коллективом (С.Е. Зверев, А.Л. Дольский, В.Д. Языков) руководил А.И. Мартинович. Во-первых, был доследован курган в южной части могильника, раскопки которого были начаты еще в предыдущем году. Именно он содержал то богатое погребение, где помимо золотых блях, меча с окованной золотом рукоятью и наконечниками стрел

¹ Акиншин А. Н. «Воронежский дворец» // Подъем. 1984. № 1. С. 117-120.

² Заседание архивной комиссии // Воронежский телеграф. 1911. № 125.

³ Отчет ИАК за 1911 год. Петроград, 1914. С. 91.

находилась серебряная ваза с рельефной сценой из легендарной жизни скифов, подобная куль-обской и чертомлыкской.

Сообщив о результатах раскопок графу П.Н. Апраксину, члены ВУАК высказали пожелание преподнести найденную вазу в дар императору Николаю II. 17 октября П.Н. Апраксин доложил императору об основных достижениях Воронежской ученой архивной комиссии, а 20 ноября 1911 г. В.Д. Языков, С.Е. Зверев и А.И. Мартинович выехали из Воронежа в Ливадию, взяв с собой пять ящиков различных находок из «Частых курганов»¹. Программу 15-минутной аудиенции составил П.Н. Апраксин: выставка, доклад А.И. Мартиновича и ответы на вопросы Государя. Программа не исполнилась – успели только поднести находки и поблагодарить императора². Вещи, поднесенные императору, некоторое время хранились в Ливадийском дворце, а затем были переданы в Эрмитаж. 7 декабря 1911 г. на заседании ВУАК В.Д. Языков выступил с докладом «Поездка членов Комиссии в Ливадию для поднесения государю императору скифской вазы».

В начале 1912 г. в ВУАК начался кризис, связанный с выборами нового председателя Комиссии. Новый руководящий состав ВУАК удалось выбрать после многочисленных отказов.

Но эти кризисные явления не помешали в этом же году начать ремонт здания музея. Архитектор В.И. Гайн, будучи членом воронежской ученой архивной комиссии, безвозмездно принял на себя составление проекта реставрации и взял руководство работами в свои руки. Под его руководством была создана в феврале особая комиссия в составе ВУАК, куда вошли А.И. Мартинович, В.Д. Языков. Имеющиеся средства – 30 тыс. руб. – позволили начать ремонт³. Но не все члены ВУАК поддержали идею

¹ Бояркин М.В. Археология в деятельности Воронежского краеведческого музея (1894 - 1918 гг.). С. 36.

² Редкие археологические находки // Воронежский телеграф. 1911. № 261.

³ Заседание Архивной Комиссии // Воронежский телеграф. 1912. № 47.

реконструкции исторически значимого здания под нужды музея. Например, А.Л. Дольский в знак протеста против перестройки внутренней части дворца отказался от звания члена ВУАК и от участия в музейной работе¹.

Летом 1914 г. началась Первая мировая война, которая и лишила музей желанного здания – оно было отведено под лазарет для воинов. Все витрины музея были размещены в двух комнатах второго этажа².

В 1914 году произошли изменения в составе «комиссии по раскопкам» ВУАК. 4 марта на заседании ученой архивной комиссии состоялось чествование А.И. Мартиновича в связи с его отъездом в г. Ломжу. Он выступил с докладом «Сказание иностранцев о России в XVII в.» и передал составленный им каталог библиотеки музея. В благодарность за его труды он был избран почетным членом ВУАК. С отъездом А.И. Мартиновича ВУАК «лишилась одного из деятельных своих членов, знатока и руководителя археологических раскопок»³.

Незадолго до Первой мировой войны на строевую службу вернулся В.Д. Языков. В начале войны в звании полковника он принял командование 58-м запасным пехотным полком, переформированным потом в 5-й пулеметный полк. 30 октября 1917 г. полк, находившийся под влиянием большевиков, совершил в Воронеже военный переворот; В.Д. Языков попытался остановить продвижение полка из Чижовских казарм к центру города; в вооруженной стычке он был убит и похоронен в военном квартале Чугуновского кладбища⁴.

В 1915 г. С.Е. Зверев и А.Л. Дольский по открытому листу, выданному на воронежскую архивную комиссию, вскрыли еще четыре

¹ Заседание Архивной комиссии // Воронежский телеграф. 1911. № 279.

² Шестова С. Н. Воронежский Государственный Историко-Культурный Музей (Краткий исторический очерк). С. 32.

³ Проводы А. И. Мартиновича // Воронежский телеграф. 1914. № 57.

⁴ Акиншин А. Н. Археолога убила революция // Воронежский курьер. 1997. 27 декабря.

кургана из могильника «Частые курганы». В раскопках впервые участвовал С.Н. Замятнин, в будущем известный советский археолог, специалист в области палеолита и мезолита. Сергей Николаевич Замятнин (1899-1958) происходил из дворянского рода, родился в Павловске Воронежской губернии; в 1915 г. окончил воронежскую мужскую гимназию; будучи гимназистом, начал работать в губернском музее¹. Отчет об этих раскопках не был подготовлен, все находки поступили в губернский музей. Информацию впервые опубликовал С.Н. Замятнин². По его мнению, раскопки 1915 г. гораздо лучше были документированы, нежели предшествующих лет: по исследованным курганам имелись полевые дневники и планы, а также ряд фотографий.

В этом же 1915 году раскопки в с. Костенки провел польский исследователь Стефан Круковский³. Он собрал коллекцию палеолитических артефактов, среди которых особенное значение имела находка нижней части небольшой женской статуэтки из мергеля – она стала первой подобного рода находкой в России. Находки были задержаны на таможне, благодаря чему вернулись в Воронеж, в губернский музей.

В 1916 году, 24 октября, наконец, осуществилась передача музейных предметов по инвентарным книгам от ВГСК в ведение ВУАК. Решение об этом, как мы уже писали, было принято на заседании ВГСК 30 августа 1913 году.

В 1916-1917 гг. С.Н. Замятнин провел несколько археологических экскурсий в окрестностях села Подгорного Воронежского уезда и близ города Павловска. Об их результатах он доложил на одном из заседаний ВУАК. В окрестностях Подгорного были обследованы овраги высокого

¹ Акиншин А. Н. Археолог Сергей Николаевич Замятнин (1899-1958). Воронежские страницы биографии // Исторические записки. Воронеж, 2002. Вып. 8. С. 207-214.

² Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // Советская археология. 1946. VIII. С. 36-48.

³ Замятнин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края. С. 6-7.

левого берега местных озер, где встретились артефакты различных эпох (фрагменты керамики, культовые христианские предметы, костяные и металлические изделия), а также остеологический материал. В местечке «Перебой» у Павловска попались единичные находки эпохи неолита, заинтересовавшие молодого исследователя и обусловившие проведение им в 1925 году здесь более детальной разведки¹. Эти работы стали последними археологическими исследованиями воронежской ученой архивной комиссии, находки, полученные в ходе их проведения, пополнили фонды губернского музея.

Таким образом, к 1917 году в Воронежской губернии было 2 музея – Воронежский губернский музей; Картинная галерея имени Крамского, открывшаяся в Острогожске 22 июня 1908 г. (инициатором выступил краевед Г.Н. Яковлев). В губернном музее было достигнуто главное: собраны замечательные коллекции местной старины, пробужден интерес местной общественности к изучению родной истории. Это задел помог заинтересованным сотрудникам музея пережить лихолетье гражданской войны и возродить начатое их старшими предшественниками дело уже в советское время.

Тамбовский губернский музей с 1893 года и вплоть до революции 1917 г. располагался в достаточно просторных помещениях Нарышкинской читальни (Эммануил Дмитриевич Нарышкин – известный тамбовский меценат, председатель комитета музея и почетный член ТУАК), хотя Общество по устройству народных чтений и не особенно было заинтересовано в таком соседстве и дальнейшем развитии музея. К примеру, с 1904 года музей открывался для посетителей не чаще одного раза в месяц.

¹ Замятнин С. Н. Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне – июле 1925 г. // Известия Воронежского краеведческого общества. Воронеж, 1925. Вып. 2. С. 20.

В этот период своей деятельности структура музея включала семь отделов: «археологический, нумизматический, палеонтологический, церковный, рукописный, иллюстративный, бытовых предметов»¹. В 1889 году в музее насчитывалось «654 экспоната, из которых 80 находилось в археологическом отделе: 37 предметов из Лядинского могильника, 10 – с Ширингушского городища. К 1916 году в музее насчитывалось 1270 экспонатов, в археологическом отделе хранилось 248 предметов»².

Большое значение ТУАК придавала систематизации и описанию хранящихся предметов. За время существования музея ТУАК было создано три каталога, подготовленных П.А. Дьяконовым и А.И. Самоцветовым в 1889, 1895, 1916 гг.³.

Для дальнейшего развития археологии важным было и другое направление в работе ТУАК. В данном случае речь идёт об обобщении сведений об уже открытых археологических памятниках края. Предпринимались попытки составления археологической карты Тамбовского края⁴.

¹ Алленова В.А., Мизис Ю.А. История тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). С. 276.

² Самоцветов А.И. Каталог предметов, хранящихся в музее, состоящем под высочайшие его императорские величества государя императора покровительством Тамбовской ученой архивной комиссии /А. И. Самоцветов. Тамбов, 2016. С. 4; Бояркин М. В. Место археологии в проектах организации губернских музеев Центрального Черноземья России (вторая половина XIX – нач. XX вв.). С. 542.

³ Дьяконов П.А. Опись предметам, хранящимся в Тамбовском историческом музее. Тамбов, 1889; Он же. Каталог историко-этнографического музея. Тамбов, 1895; Самоцветов А.И. Каталог предметов, хранящихся в музее, состоящем под высочайшие его императорские величества государя императора покровительством Тамбовской ученой архивной комиссии.

⁴ ГАТО. Ф. 178. Оп.1. Д.8; Сведения о курганах // ТГВ. 1873. №41-43; Николаевский М.Ф. Историко-археологические наброски о Шацком уезде // ИТУАК. Вып. 56. Ч.1. С.72-74; Он же. Археологические находки и исторические достопримечательности в Шацком уезде // ИТУАК. Вып. 56. Ч.1. С. 75-76; Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии // ИТУАК. Вып. 50. С.59-100; Ларин Н.Н. Краткий историко-археологический обзор Борисоглебского уезда // ИТУАК. Вып. 56. Ч.1. С. 263-268; Он же. Археологические находки в окрестностях с. Ростоши Борисоглебского уезда // ИТУАК. Вып. 58. С. 269-271; Розанов М.Г., Проскурников

В целом, деятельность Тамбовской ученой архивной комиссии по археологическому обследованию края значительно уступала размаху ее работ в области архивного дела. Данное обстоятельство объясняется как недостаточной подготовленностью ее сотрудников для проведения самостоятельных археологических исследований, так и отсутствием желания повысить свой профессиональный уровень в этом направлении.

В 1905 г. в Курске открылся историко-археологический и кустарный музей, который разместился в здании присутственных мест. К моменту открытия в его фондах находилось примерно 2500 экспонатов, а в структуре было три отдела. «Первый – археологический. В нем самые эффектные вещи были выделены в экспозицию и группировались по хронологическому принципу; массовый же материал хранился в чулане, нашитый на картоны. Второй отдел объединял образчики культуры и быта XVII – XIX вв., третий – этнографические материалы. Заведование взял на себя Н.И. Златоверховников, члены КУАК А.Н. Кобылин и К.П. Сосновский составили каталог»¹.

Археологическая деятельность Курского музея, как и Тамбовского, не отличалась последовательностью. В его коллективе в эти годы не сформировалось коллектива любителей-археологов. Пополнение фондов происходило эпизодически при участии местных краеведов в полевых работах на территории губернии опытных археологов².

После отъезда из губернии К.П. Сосновского археологическое изучение края легло на плечи начинающего исследователя – выпускника

В.А. Археологическая карта Тамбовской губернии и объяснительная записка к ней // ИТУАК. Вып. 26. С. 34-35.

¹ Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей. Вып. 2: «Золотой век» губернского краеведения: 1860 – 1910-е гг. Курск, 1997. С. 104–105.

² Данилевич В.Е. Отчет о раскопках Курской ученой архивной комиссии в Курском уезде в мае и июне 1907 г. // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. I, ч. 1. Курск, 1911. С. 127-130; Он же. Материалы для археологической карты Курского уезда // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. I, ч. 1. Курск, 1911. С. 131-133.

Московского археологического института, учителя истории Курского реального училища Павла Сергеевича Рыкова (1884–1942)¹. По рекомендации К.П. Сосновского П.С. Рыков получил открытый лист от ИАК и вместе с тогда еще гимназистом Львом Николаевичем Соловьевым (1884 – 1967) в июне – июле 1912 года провел новые раскопки гочевских курганов². В течение 5 недель по совету Сосновского молодые энтузиасты с помощью уже опытных в полевой археологии местных крестьян раскопали на снос 109 курганов. Было обнаружено 111 погребений, находки в которых подтвердили их славянскую атрибуцию. Более того, удалось уверенно проследить переход от полного, затем частично трупосожжения к трупоположению в земляных ямах и затем уже в гробах. Результаты своих работ П.С. Рыков опубликовал гораздо позднее³.

Спустя год П.С. Рыков покинул Курск и поселился в Вильно, Л.Н. Соловьев после окончания гимназии продолжал учебу в Московском, затем Харьковском университете. Но в 1920-е годы его археологическая деятельность в Курской губернии возобновилась, и мы к этому сюжету еще вернемся.

¹ Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII – XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края). С. 28.

² Курский край: История изучения курских древностей. В 20 томах. Т. 5. / А.В. Зорин, Г.Ю. Стародубцев, А.Г. Шпилев. Курск, 2000. С. 39.

³ Рыков П.С. Северо-восточные границы радимичей (Раскопки курганного могильника близ с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии) // Ученые записки Саратовского университета. Т. 1. Вып. 3. Саратов, 1923.

Часть 2. Развитие археологии в краеведческих музеях Центрально-Черноземных областей советского периода

Глава 3.

Динамика развития музейной археологии в регионе с 1917 г. до конца 1920-х гг.

Итоги дореволюционного пути, пройденного Российским государством в деле обустройства музеев, были весьма противоречивыми. К организации губернских музеев – музеев местного края, как мы стремились показать в предшествующей части работы, привело просветительное движение 1860-х – 1880-х гг. на фоне возрастающей экономической потребности в изучении в целом страны и отдельных ее территорий. Они, как правило, возникали как результат подвижнической деятельности интеллигенции, меценатов – любителей истории, старины и т.п.. В специальной литературе нет точных сведений о количестве музеев в стране накануне 1917 г.¹ Согласно информации, приведенной Д.А. Равикович, к октябрю 1917 г. функционировало около 230 музеев на местах, из которых «75 – комплексного профиля» (предшественники краеведческих музеев), причем до 1861 г. открылись 12, с 1861 г. до 1906 г. – 45, остальные за десятилетие между революциями². 30 из учтенных в данной сводке действовало при местных статистических комитетах и городском самоуправлении.

К 1917 г. в России отсутствовало унифицированное законодательство в области музейного дела, а также, что важно в рамках

¹ Подборку цифр, встречающихся в публикациях, см.: Сеницын О.В., Сеницына К.Р. Исторические музеи России в дореволюционной историографии // Вестник ТГГПУ. 2008. № 3 (14). С. 4.

² Равикович Д.А. Музеи местного края во II половине XIX – начале XX вв. (1861–1917) // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М.: «Советская Россия», 1960. С. 168–170.

нашего исследования, об охране памятников искусства и старины. Работа в этом направлении осуществлялась на основании действия отдельных циркуляров и указов, ситуативно обусловленных.

Революционные события 1917 г. в России ознаменовали собой начало нового периода во всех областях жизни, в том числе и в музейном деле. События февраля 1917 г. привели к национализации зданий и всего имущества царских дворцов и музеев; созданию художественно-исторических комиссий для их приёма и охраны; учреждения совещательного органа при Временном правительстве («Особое совещание»). В структуре «Особого совещания» была организована музейная комиссия, занимавшаяся сохранением культурного наследия. Её работа была прервана Октябрьской революцией 1917 г.¹, в ходе которой пострадали многие культурные и художественные ценности. Новая власть быстро отреагировала на подобные инциденты.

30 октября (12 ноября) 1917 г. народный комиссар просвещения А.В. Луначарский подписал распоряжение об объявлении Зимнего дворца государственным музеем, дальнейшая забота о его сохранности легла на художественно-историческую комиссию². Также был отдан приказ о сохранении других дворцов Петрограда, Гатчины, Царского Села и Петергофа. 30 ноября 1917 года на общем заседании художественно-исторических комиссий Петрограда, Гатчины, Царского Села были сформулированы основные принципы музейного дела новой России: «отношение к музейным ценностям, как национальному достоянию; демократизация музейного дела, как необходимое условие его развития; неприкосновенность коллекций музеев»³. Коллекции и ценности

¹ Златоустова В. И., Каспаринская С. А., Кузина Г. А. Музейное дело в России. С. 402.

² Распоряжение народного комиссара просвещения А.В. Луначарского об объявлении Зимнего дворца государственным музеем и об охране его художественных сокровищ. 30 октября 1917 г. / Петроградский военно-революционный комитет: Док. и материалы в 3 т. Т.1. М., 1966. С. 419.

³ Турьинская Х. М. Музейное дело в России в 1907–1936 гг. М., 2001. С. 31.

объявлялись собственностью РСФСР и передавались в распоряжение Государственной комиссии по народному просвещению (учреждена декретом ВЦИК И СНК РСФСР от 9(22) ноября 1917 г.)¹.

Следует заметить, что работа художественно-исторических комиссий затрагивала лишь вопросы по охране столичных памятников и музеев. В губерниях и уездах подобные учреждения отсутствовали. Всё имущество, инвентарь и финансовая документация местных музеев, находившихся в распоряжении учреждений, прекративших своё существование после 1917 г., переходили в ведение Государственной комиссии по народному просвещению (18 июня 1918 г. был сформирован Народный комиссариат просвещения (далее Наркомпрос), Комиссия преобразовывалась в выборно-представительный орган).

21 марта 1918 г. состоялся переезд советского правительства из Петрограда в Москву. После этого при Государственной комиссии по народному просвещению РСФСР начала свою работу Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины (позже отдел). В состав Коллегии, которую возглавляла Н.И. Троцкая, вошли известные деятели науки и культуры – И.Э. Грабарь, А.М. Бенуа, В.А. Городцов, Г.С. Ятманов, М.М. Покровский и другие. Коллегии предписывалось заниматься охраной памятников, осуществлять руководство музеями и организовать превращение дворцов в музеи, а также разработать основы музейной работы. Особое место в докладе о задачах Коллегии отводилось региональным музеям². Предполагалось открытие художественных и историко-археологических музеев в каждом провинциальном городе. Однако прежде чем начать учреждать музеи, требовалось создать в центре и регионах структуры, которые бы занимались этими вопросами.

¹ Известия. 1917, 12 ноября. № 223.

² Годунова Л. Н. Органы управления музейным делом в СССР. 1917 – 1941 гг. // Музейное дело в СССР. М., 1989. Вып. 19. С. 13-42.

28 мая 1918 года в структуре Государственной комиссии по народному просвещению был создан Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Его деятельность должна была заключаться в «национализации, реквизиции и конфискации; собирании «безхоза»; выдаче охранных грамот; учете и регистрации; контроле над вывозом за границу; поддержании памятников искусства и старины (ремонте и реставрации); фактической охране музейных хранилищ, памятников зодчества, парков, ансамблей, городищ, курганов, природы...»¹.

Кроме создания специального отдела по делам музеев, в 1918 г. был опубликован ряд декретов СНК, направленных на сохранение и учёт памятников культуры и предметов древности: «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особо художественного и исторического значения» (от 19 сентября 1918 г.), «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (от 10 октября 1918 г.)».

Но самым главным декретом для музеев стал Декрет СНК «Об охране научных ценностей» от 5 декабря 1918 года. В нем поручалось Народному комиссариату просвещения «принять все необходимые меры к учету и охране всех научных ценностей, находящихся на территории Российской республики, как-то: научных музеев, коллекций, кабинетов, лабораторий и сооружений, научных установок, приборов, пособий и пр., и принять их в свое непосредственное ведение или передать их в ведение соответствующих научных или научно-учебных учреждений»².

Издание декрета завершило систему государственных мероприятий, направленных на организацию охраны памятников культуры, предметов старины и искусства.

¹ Гарданов В. К. Музейное строительство в РСФСР (1917-1920 гг.) // Вопросы истории. 1955. № 4. С. 117-123.

² Собрание Указаний. 1918. № 90. Ст. 916.

Помимо формирования музейного законодательства, советской властью были сформулированы задачи, стоявшие перед музеями. На III съезде Советов (23–31 января 1918 г.) принято постановление о развитии музейного дела в стране. В соответствии с ленинской концепцией культурной революции в постановлении подчёркивались значение сохранения культурного наследия, необходимость превратить культурные ценности «в музеи для общенародного пользования и сделать их источником воспитания»¹. Также в программе VIII съезда РКП (б), состоявшегося 18–23 марта 1919 г., записано: «Открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров»².

Как следует из процитированных выше документов, работа музеев в новом административно-правовом поле разворачивалась в рамках научно-просветительской модели, начавшей инициативно формироваться еще в предшествующее время. Этот этап продолжался до середины 1920-х гг.

Затем начинается реструктуризация музейной системы в масштабах всего государства с целью принципиального изменения ее функции в обществе. От музейных деятелей требовалось научную работу перестроить, исходя из методологических основ марксизма-ленинизма, а в просветительской – перейти от культурничества к политическому просвещению народных масс. Музей, таким образом, должен был превратиться в политпросветкомбинат³.

¹ Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов / Рос. социал.-демократ. рабочая партия. Пг, 1918. 99 с.

² VIII съезд РКП (б), 18–23 марта 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 215.

³ Резолюция съезда «Принципы и формы массовой политпросветработы в музее» // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М., 2010. С. 666.

Эти тенденции развития советской музейной системы в полной мере нашли своё отражение в истории краеведческих музеев Центрально-Черноземного региона.

Работа по охране памятников искусства и старины в Воронежской губернии стала одним из направлений деятельности учрежденного в июле 1918 г. Губернского отдела народного образования (ГУБОНО). После издания осенних декретов и получения соответствующих инструкций от Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, коллегия ГУБОНО начинает брать на учёт все комиссионные магазины, где могли находиться предметы старины, и запрещает их вывоз за рубеж¹. 10 февраля 1919 г. при Воронежском ГУБОНО был образован специальный подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (во исполнение постановления Наркомпроса от 7 декабря 1918 г.)². Созданный подотдел должен был «заведовать музеями, реорганизовать старые и создать новые музеи...»³. В Воронежском крае на основании этого распоряжения стали открываться уездные/районные музеи: в 1918 г. возник уездный Усманский народный музей, в 1919 г. – Задонский историко-археологический музей, в 1922 г. – Богучарский государственный музей, в 1923 г. – Алексеевский районный краеведческий музей при школе второй ступени, в 1924 г. – Павловский музей местного края⁴.

Что касается Воронежского губернского музея, то еще с осени 1918 г., после издания указанных декретов советской власти, он был реорганизован «из музея при Воронежской губернской архивной комиссии с неопределенным числом совершенно бесплатных сотрудников (членов

¹ Котлярова И. В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). С. 81.

² Там же. С.81.

³ ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

⁴ Котлярова И. В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). С.131.

архивной комиссии)» в «учреждение с определенным штатом платных сотрудников, подведомственное Губернскому отделу народного образования»¹. С.Е. Зверев сохранил свой духовный сан, поэтому ему пришлось оставить заведование музеем, он стал завхозом. Новым руководителем был назначен бывший офицер-воспитатель Кадетского корпуса, дворянин Михаил Клавдиевич Паренаго (1876 – после 1930). После проведенных изменений музеем не только «не отказывали в содействии», но и «всегда отстаивали его интересы»². Прежде всего, помощь оказывали местные представители революционной власти в лице зав. ГУБОНО П.Д. Смирнова и зав. музейным подотделом А.Ф. Боевой.

В это же время в Воронеже начал свою деятельность Воронежский университет. Сотрудникам музея практически сразу удалось наладить контакты с преподавателями нового учебного заведения. 22 августа 1918 г. в Губернском музее состоялось особое, посвященное чествованию нового университета, заседание ВУАК «в целях установления живой связи с деятелями науки», на которое были приглашены профессора историко-филологического и юридического факультетов³. Как и следовало ожидать, ученые-гуманитарии не замедлили включиться в работу краеведов, войдя в состав коллегии музея и возглавив соответствующие отделы: историко-археологический – проф. Иван Иванович Лаппо (выступил с проектом организации научного института для изучения воронежского края в его прошлом и настоящем); литературный – проф. Евгений Вячеславович Петухов (вошёл в состав инициативной группы, хлопотавшей за учреждение в Воронеже филиала Московского археологического института); художественный – проф. Эрнст Рейнович Фельсберг.

¹ ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² Шестова С.Н. Воронежский Государственный Историко-Культурный Музей (Краткий исторический очерк). С. 26.

³ Там же. С. 26.

В конце 1918 г. Воронеж оказался в зоне активных боевых действий Гражданской войны. Перебои в работе учреждений стали закономерным следствием беспрестанных передвижений в городе войск. В главном здании университета (бывшем Кадетском корпусе) разместились военные лазареты и иные красноармейские подразделения, так что зимой 1918–1919 гг. он почти не работал. К тому же, согласно решению советского правительства, была проведена реорганизация гуманитарных факультетов: 23 декабря 1918 года закрылся юридический факультет, от историко-филологического в начале 1919 г. осталась только филологическая часть (упразднена в 1921 г.). Вместо них был создан факультет общественных наук (ФОН), просуществовавший в Воронежском университете до 1923 г.¹

Несмотря на все тяготы Гражданской войны, Губернский музей отпраздновал свой 25-летний юбилей, и, как верно подметила С.Н. Шестова – «это был последний большой сбор сплоченной старой музейной семьи, – после него вскоре семья эта сильно поредела»²: в конце 1919 г. умер В.Н. Тевяшов, а весной 1920 г. скончались от тифа С. Е. Зверев и его сын Михаил.

Во время оккупации Воронежа белыми войсками (1–24 октября 1919 г.) была предпринята попытка возродить историко-филологический факультет. Местная газета «Воронежский телеграф» сообщала, что профессора Я. Ф. Озе, Н. И. Коробка, Д. Н. Кудрявский, С. Н. Введенский вновь приступили к чтению своих курсов³. Но после восстановления советской власти продолжаться эта акция, конечно, не могла. Более того, с белыми (или в этот период) покинула Воронеж часть профессоров

¹ Карпачев М. Д. Воронежский университет: вехи истории. 1918–2013. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж, 2013. С.105, 127.

² Шестова С.Н. Воронежский Государственный Историко-Культурный Музей (Краткий исторический очерк). С. 27-28.

³ Карпачев М. Д. Воронежский университет: вехи истории. С. 108.

университета, в том числе и упомянутые выше И. И. Лаппо и Е. В. Петухов.

Очередная реорганизация гуманитарного образования произошла в 1921 г. В университетах, в том числе и в Воронежском, были созданы многопрофильные педагогические факультеты. В рамках его общественно-экономического отделения определенное место занимала подготовка учителей истории и обществоведения, поэтому незначительные кадры историков воронежский университет сохранял. Их усилиями поддерживалось очень скромное и почти бессистемное преподавание истории¹. В такой ситуации говорить об археологической составляющей в университетском образовании и вовсе не приходится. Можно лишь предполагать, что какие-то отдельные сведения из области археологии проф. Г.А. Замятин включал в свои курсы по истории Западной Европы, проф. М.Н. Крашенинников – по истории древнего мира, а доц. С.Н. Введенский – по русской истории и по истории края. Привлекались к преподаванию в университете известные в Воронеже краеведы В.В. Литвинов и Т.М. Олейников, последний из которых непосредственно участвовал в археологических экспедициях воронежского музея.

Но даже ограниченные возможности получения гуманитарного образования использовали молодые воронежцы, интересовавшиеся археологией. В 1920 г. поступила на историческое отделение факультета общественных наук выпускница женской гимназии Мария Евгеньевна Фосс (1899–1955), но уже через год вынуждена была продолжать обучение на общественно-педагогическом². Спустя еще год, как следует из опубликованной выдержки черновика автобиографии, «перевелась в I Московский университет на археологическое отделение факультета

¹ Акиншин А. Н., Карпачев М. Д. Исторический факультет: вехи истории // Исторический факультет Воронежского государственного университета. Воронеж, 2003. С. 11–12.

² ГАВО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 971. Л. 1–2.

общественных наук»¹. Одна из учениц В. А. Городцова, она стала признанным специалистом в изучении эпохи неолита, ведущим сотрудником Государственного исторического музея².

Последовательно учился на физико-математическом и педагогическом факультетах с 1921 г. сотрудник музея Дмитрий Дмитриевич Леонов (1903–1983). Из-за работы в экспедициях он не всегда успевал вовремя сдавать экзамены, и в итоге был отчислен со второго курса социально-исторического отделения педагогического факультета в 1924 г. Присоединимся к мнению, что, вероятно, он уже и «не видел в университетском образовании дальнейших возможностей для пополнения знаний»³.

Все археологи из первого поколения студенчества Воронежского университета (С.Н. Замятин, М.Е. Фосс, Д.Д. Леонов) для получения профильного образования параллельно поступили на археологическое отделение местного филиала Московского археологического института (ВО МАИ). В 1920 г., наконец, положительно был решен вопрос о его открытии в составе трех факультетов: археологического, археографического и истории искусств.

Задачей открытого филиала в «Положении о Воронежском отделении МАИ» объявлялась следующая: «подготовка кадров квалифицированных работников в деле охраны памятников искусства и старины для местного края»⁴. Для ее реализации предусматривалось

¹ Якушкина М. М. Личный архив М. Е. Фосс в Отделе письменных источников Государственного исторического музея // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М, 2010. С. 771.

² Акинъшин А.Н., Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. Центральное Черноземье в биографии и исследованиях Марии Евгеньевы Фосс // Самарский научный вестник: научный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 94.

³ Акинъшин А. Н. Первое студенчество Воронежского университета. Архивная мозаика // Университетская площадь. 2013. № 6. С. 13–14.

⁴ Эпизоды из культурной и общественной жизни Воронежского края по документальным источникам (1919–1926 гг.). Публ., предисл. и коммент. О. Г.

чение студентам-археологам дисциплин, общих для всех факультетов (среди них отметим русскую историю, русскую историческую географию, чтение древних рукописей, греческую эпиграфику и палеографию и др.), и специальных, таких как первобытная археология, христианская археология, история учреждений, музееведение, бытовая археология, история археологических открытий, нумизматика и др.¹. К реализации столь обширной программы приступили ученые из Москвы, профессора закрытых гуманитарных факультетов Воронежского университета и опытные краеведы. К сожалению, ВО МАИ просуществовало недолго. В июне 1922 г. оно было закрыто вместе с головным учреждением и другими провинциальными филиалами². Ликвидация института, без сомнения, была predetermined, поскольку он наглядно демонстрировал не только возможность, но и плодотворность преемственности с традициями «буржуазного» гуманитарного образования.

В сложившейся ситуации воронежцы по примеру москвичей открыли историко-археологические курсы при местном обществе с аналогичным названием, которое стало приемником существовавшего параллельно с ВО МАИ «Общества по исследованию памятников древности»³. Курсы имели почти ту же программу и состав преподавателей, что и ликвидированное отделение; была лишь несколько реорганизована их структура⁴. К примеру, археологическое отделение было преобразовано в археолого-этнографическое.

Ласунского; примеч. А. Н. Акиншина // Из истории Воронежского края: Сб. статей. Вып. 11. Воронеж, 2003. С. 201-202.

¹ Акиншин А.Н., Алленова В.А., Сафонов И.Е. Воронежское отделение Московского археологического института (1920-1923 гг.) // Исторические записки. Вып. 10. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 132-134.

² Там же. С. 137.

³ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 822. Л. 62, 63.

⁴ Акиншин А.Н. и др. Воронежское отделение Московского археологического института (1920-1923 гг.). С. 138-139.

Но в первый же месяц занятий (октябрь 1922 г.) в канцелярии и учебных аудиториях курсов представителями ГПУ и губполитпросвета был произведен обыск, часть комнат была опечатана. Проверка документов курсов велась и в январе 1923 г. Точная дата закрытия курсов пока не установлена, но летом 1923 г. набор уже не проводился.

За три неполных года существования ВО МАИ (включая курсы) из 128 слушателей всех отделений на археологическом учились 60 человек (данные неполные; основаны на сохранившихся в архиве и опубликованных личных делах¹. Отметим, что помимо указанных выше (С.Н. Замятнин, Д.Д. Леонов) курсы посещали и другие сотрудники Губернского музея – В.К. Быстржинский, В.И. Сухорукова. Но едва намечившаяся возможность получения в Воронеже археологического образования была пресечена.

Таким образом, после пяти лет советской власти, когда на короткий срок неоднократно складывались, но вскоре разрушались благоприятные условия для формирования профессиональной археологической среды на базе высших учебных заведений, единственным учреждением Воронежа, в деятельности которого по-прежнему сохранялось археологическое направление, остался Губернский музей (в 1922 г. Воронежский губернский историко-археологический, с 1923 г. – Воронежский государственный историко-культурный)².

Основное внимание сотрудников музея в первые годы после революции было направлено на сбор и накопление культурных и исторических ценностей, затем на протяжении следующих пяти лет

¹ Акиншин А.Н. и др. Воронежское отделение Московского археологического института (1920-1923 гг.). С. 143-159.

² Захарова Е.Ю. «Работа велась так интенсивно и была так тяжела...»: о музейной археологии в Воронежской губернии 1920-х годов .../ Е.Ю. Захарова, М.В. Бояркин // Истоки советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы Международной научной конференции. М.: ИА РАН, 2019. С. 23–24.

сотрудники занимались уже разбором собранных материалов. И лишь после этого, как пишет Софья Николаевна Шестова, сотрудница музея в те годы, перешли к развертыванию отделов... «Развертывание отделов шло постепенно, в связи с освобождением помещений, занятых посторонними учреждениями...Из них первым развернулся подотдел первобытных древностей. При этом сотрудникам – археологам пришлось в буквальном смысле слова завоевать себе помещение, бывшее под угрозой захвата посторонним учреждением. Собственное помещение в собственном здании музея было отвоевано и собственноручно отремонтировано археологами, превратившимися в маляров, и отдел был развернут»¹. Отметим, что существенную помощь в организации археологической экспозиции Воронежскому губернскому музею оказал Василий Алексеевич Городцов, консультации с которым помогли построить её по образу и подобию имеющейся в ГИМе.

«Отдел первобытных древностей включал в себя 3 подотдела: каменный век; бронза; железо². Хорошо представлен палеолит с его стоянками в Костенках и неолит близ села Шелаева. Достаточно выявлена салтовская культура предметами с Маяцкого городища с фигурами и надписями на камнях, предметами домашнего обихода и двумя деформированными черепами. Скифо-Сарматская культура представлена раскопками из урочища «Частые курганы» близ г. Воронежа... Культура кочевников – одна витрина: с оружием, украшениями, сосудами и каменная баба. Всего 102 планшета и 139 отдельных предметов, из которых 99 сосудов» (см. приложение № 2)³.

¹Шестова С.Н. Воронежский Государственный Историко-Культурный Музей (Краткий исторический очерк). С. 28-29.

² Отчет об организации и работе музея за 1922 – 1923 гг. // ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об., 4.

³ Отчет об организации и работе музея за 1922 – 1923 гг. // ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об., 4.

Достигнуть таких результатов удалось благодаря работе сотрудников музея, действующих на поприще археологии: Д.Д. Леонов (пришел в музей в 1921 году, будучи студентом - первокурсником археологического факультета ВО МАИ, проработал в музее более сорока лет), В.К. Быстржинский (с 1923 г.?), Н.В. Валукинский (с 1923 г. сотрудник, с 1925 г. заведующий музеем, заместитель заведующего). Хотелось бы выделить колоссальный вклад Сергея Николаевича Замятина в работу отдела первобытных древностей.

В 1915 году, окончив губернскую мужскую гимназию, Сергей Николаевич начал сотрудничать с Воронежским Губернским музеем. «Согласно Отчёту по Воронежскому Губернскому Историко-Археологическому музею за время с сентября 1921 по сентябрь 1922 гг.», с этого года он числился «младшим научным сотрудником музея»¹. До конца 1921 г. С. Н. Замятин занимал также должность инструктора Губмузея. В связи с этим, он стал координатором работы по учету и сохранению археологических памятников и находок на территории губернии², занимался составлением археологической карты Воронежской губернии»³. В ходе проводимой работы в 1921 г. Сергеем Николаевичем была опубликована первая статья «По поводу археологической карты Воронежской губернии»⁴. В своей работе он проанализировал и выступил с критикой, проделанной его предшественниками работы, и предложил свою программу по учету памятников археологии на

¹ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 955. Л. 25

² ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 592. Л. 8-8 об

³ Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятина в Воронежском губернском музее // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2014. № 2. С. 50.

⁴ Замятин С.Н. По поводу археологической карты Воронежской губернии // Воронежский историко-археологический вестник. 1921. Вып. 1. С. 43-47.

территории края¹. С 1921 до 1925 гг. С.Н. Замятнин являлся хранителем археологического отдела музея².

С 1921 г. вплоть до начала Великой Отечественной войны становятся ежегодными полевые археологические исследования сотрудников музея, которые в условиях эпизодического финансирования их экспедиционной работы проводились, как правило, в составе академических экспедиций, реже за счет собственных средств.

В 1921 г. Сергей Николаевич проводил археологические изыскания: «неолитических поселений у сел Шелаево и Ново-Изрожное на р. Оскол; Ольшанского городища VIII – IX вв. на р. Тихой Сосне. Также в начале 20-х гг. С.Н. Замятнин обнаружил местонахождение четвертичной фауны и оббитых кварцитов у с. Шубное Острогожского района Воронежской области»³.

В 1922 г. исследовательский интерес С.Н. Замятнина был связан с изучением памятников костенковско-борщевского микрорайона: проводились раскопки стоянки Борщево I, а также велись разведочные работы в с. Костёнки, где были обнаружены стоянки Костёнки II (позже названная в честь С.Н. Замятнина), Борщево II (обнаружена П.А. Никитиным). Параллельно с этими исследованиями продолжалось проведение разведок у с. Шелаево. Согласно музейным отчётам, «зимой 1922-1923 гг. основная работа отдела была направлена на обработку полученных материалов: в декабре «промывались и очищались предметы из раскопок в с. Костенки»⁴; в январе и феврале проводилась дальнейшая

¹ Замятнин С.Н. По поводу археологической карты Воронежской губернии. С. 43- 47.

² ГАВО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 12624. Л. 8

³ Замятнин С.Н. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах (Извлечение из дневников) // Воронежский историко-археологический вестник. 1921. Вып. 2. С. 35-39; Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятнина в Воронежском губернском музее. С. 49.

⁴ Ежемесячный отчет по Воронежскому Губернскому Историко-Археологическому музею за декабрь 1922 г. // ГАВО. Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 15 об; Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятнина в Воронежском губернском музее. С. 51.

работа по разбору Костёнковской коллекции, а также велась «реставрация керамического производства первобытного человека бронзового века».¹

Следует отметить командировку С.Н. Замятина в Москву в первой половине 1923 года. Музейный отчёт² сообщает, что целью поездки была «обработка коллекций эпохи каменного века». Однако, как предположила Е.Ю. Захарова, «во время этой командировки и была им достигнута договоренность с П.П. Ефименко об организации совместных раскопок, под руководством последнего, в Костёнках и Борщеве»³. Академическая экспедиция стала научно-образовательным центром для воронежских археологов-краеведов: «Д. Д. Леонов был постоянным участником ленинградской экспедиции; Н. В. Валукинский, проведя свой первый полевой сезон в 1923 г. В «Протоколе заседаний коллектива служащих Воронежского Губернского Музея от 1 августа 1923 г.» указано, что совместная экспедиция Воронежского и Русского музеев проводится на средства последнего, а руководит ей П.П. Ефименко»⁴. Проводимые экспедицией раскопки продолжались полтора месяца, начиная с 18 июля. Воронежский музей направил для участия в раскопках своих сотрудников – С.Н. Замятина, В.К. Быстржинского и Д.Д. Леонова⁵. В ходе проводимых экспедицией работ были раскопаны площади стоянок Костенки I, Борщеве I и Борщеве II, обнаружены стоянки Костенки III и Борщеве III. Согласно «Отчету об организации и работе музея за 1922 – 1923 гг.» сотрудники отдела Первобытных древностей, из-за отсутствия денежных средств на проведение раскопок, ограничились разведочными

¹ Ежемесячный отчет по Воронежскому Губернскому Историко-Археологическому музею за январь 1923 г. // ГАВО. Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 18 об; Ежемесячный отчет по Воронежскому Губернскому Историко-Археологическому музею за февраль 1923 г. // ГАВО. Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 32 об.

² Отчет об организации и работе музея за 1922-1923 гг. // ГАВО. Ф. Р 904. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

³ Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятина в Воронежском губернском музее. С. 51.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ ГАВО. Ф. Р 904. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

работами. Что касается результатов раскопок, проводимых С.Н. Замятниным с П.П. Ефименко на месте стоянки каменного века близ с. Костенок, то они были отправлены в Петроград¹. Отчёт также содержит информацию о ходатайстве сотрудников музея перед Центром «о выдаче открытого листа, если не на предмет раскопок, то широких археологических разведок²».

На своё прошение сотрудники музея получили положительный ответ, и открытый лист был выдан на имя Д.Д. Леонова. Это позволило ему провести разведки в Валуйском и Острогожском уездах. В результате исследований неолитических стоянок у с. Шелаева музейные коллекция отдела первобытных древностей пополнилась кремневыми орудиями и остатками глиняной посуды, а из Валуйского уезда в музей на хранение доставили три каменные бабы хорошей сохранности.

Отметим, что в этом же году свой археологический путь начала Мария Евгеньевна Фосс, которая, как мы писали ранее, перевелась в Московский университет. В 1924 г. она вместе с Д. Д. Леоновым производила археологические изыскания в Воронежской губернии. Исследователями был проведен сбор подъёмного материала на палеолитических стоянках Костёнки I и Борщёво II³. Кроме этого, М.Е. Фосс и Д.Д. Леонов провели раскопки одного из курганов могильника скифо-сарматского времени «Частые курганы». Ими было выявлено одно погребение, которое оказалось разграбленным и «дало лишь фрагменты греческого глиняного сосуда, обломки дерева и костей лошади»⁴.

¹ Отчет об организации и работе музея за 1922 – 1923 гг. // ГАВО. Ф. Р 904. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

² Там же. Л. 10 об.

³ Акиньшин А.Н., Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. Центральное Черноземье в биографии и исследованиях Марии Евгеньевы Фосс // Самарский научный вестник: научный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 95.

⁴ Краеведческая хроника. 1. Археологические разведки в Воронежской губ. // Воронежский краеведческий сборник / О-во для изучения Воронеж. края. Вып. 2. Воронеж, 1925. С. 46-47.

Подробное описание проведенных раскопок отражено в «Дневнике раскопок на урочище «Частые курганы» близ Подгорного Воронежской губернии», который сохранился в архиве М. Е. Фосс в ОПИ ГИМ¹. Благодаря документу удалось выяснить, что работы проводились 17 августа 1924 г. на кургане № 14, подвергшемся ранее распашке, а перед этим было произведено обследование территории могильника, в результате которого составлен глазомерный план-схема².

Таким образом, к 1925 году музейным археологам удалось упорядочить фондовую работу, развернуть экспозиционную и продолжить полевые исследования. Об их результатах можно судить на основании отчетной документации музея³ и сохранившейся серии фотографий; отражены они и в научных публикациях⁴. В наиболее сжатом виде характеристика содержится в «Акте обследования музея № 184 от 24 января 1923 г. по предписанию Вор. Губ. РКИ»: «По отделу первобытных древностей имеется совершенно полный инвентарный каталог, выделенный из общего; все предметы проведены по их логической классификации и нашиты на таблицы, которые пронумерованы, как по общему инвентарю цифровому, так и буквенно на самом картоне. Вся работа по этому отделу выполнена на 75%»⁵.

С 1925 годом связана первая «мягкая» чистка руководящего состава воронежского музея, и тогда же музей претерпел реорганизацию «по инициативе правления» для выполнения «ударной задачи по увязке работы с хозяйством данного района» и «боевой задачи по открытию общественно-экономического отдела»⁶. При этом планировать заменить

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 102. Л. 45, 45об., 45а.

² ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 102. Л. 63.

³ ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об., 4.

⁴ Шестова С.Н. Воронежский Государственный Историко-Культурный Музей (Краткий исторический очерк). С. 28-29.

⁵ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 955. Л. 29 об.

⁶ ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 11. Л. 45об.- 46

название учреждения на «Воронежский Государственный Музей Областного краеведения»¹, что и было сделано через несколько лет, а в том же году принципиально изменилась его структура, в которой отдел «первобытных древностей» навсегда утратил и свое название, и самостоятельность, став одним из многочисленных подотделов (археологии и истории) с одним сотрудником².

В январе 1925 года С.Н. Замятнин прекращает работать в музее и переезжает в Ленинград, однако не забывает своих воронежских коллег и оказывает им посильную помощь. Особенно поддержка была необходима в 1925 г., когда Наркомпрос, впервые в послереволюционное время, выделил музею средства на проведение археологической экспедиции 100 р., а на этнографическую 300 р. Требовалось в кратчайшие сроки предоставить сведения о составе намечающихся экспедиций, руководителях, планах и научных задачах. Для подготовки запрашиваемых сведений, 17 января 1925 г. на заседании коллегии музея была создана специальная комиссия. В результате руководителем археологической экспедиции был назначен С.Н. Замятнин (к этому времени С.Н. Замятнин не являлся сотрудником музея), а его помощником выбран Д.Д. Леонов; районом экспедиции названа местность около села Борщева. Место было выбрано не случайно, так как в 1922 и 1923 гг. С.Н. Замятнин и П.П. Ефименко уже проводили работы на палеолитических стоянках. Планируемая экспедиция могла бы завершить исследование I палеолитической стоянки. Кроме того, Д.Д. Леонов планировал ходатайствовать о предоставлении ему открытого листа на раскопки близ Воронежа в районе Белой и Лысой горы. План был принят и утвержден, однако реально археологическая экспедиция проводила изыскания в другом районе.

¹ ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 17. Л. 64

² ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 11. Л. 16, 30

С 28 мая по 11 июля 1925 года экспедицией, которую возглавлял С.Н. Замятнин, «была обследована территория по течению р. Дон в пределах Острогожского и Россошанского уездов на протяжении 200 верст, произведены раскопки четырех курганов у г. Россоши»¹. В это же время «археологическая экспедиция музея под руководством заведующего историческим отделом Т.М. Олейникова, при участии других сотрудников (Н.В. Валукинского и Д.Д. Леонова) завершили исследования двух разрушающихся погребения у с. Семилуки (Воронежского уезда). В результате, были обнаружены бронзовый наконечник стрелы, один миниатюрный сосудик и фрагменты от четырех больших сосудов»².

В ноябре 1925 г. в структуре музея произошли изменения. В нём были организованы новые отделы: естественно-исторический отдел, который включал в себя подотделы климата, флоры, фауны, почвы и справочную библиотеку; общественно-экономический с подотделами революционным и промышленности, и транспорта. В историческом отделе остались подотделы археологии, этнографии, истории...³

В 1926 году Воронежский музей профинансировал проведение полевых археологических изысканий могильника салтово-маяцкой культуры близ деревни Подгоровка Валуйского уезда Воронежской губернии. Руководителем экспедиции вновь был назначен С. Н. Замятнин. Фрагмент отчёта об этих археологических раскопках сохранился в отделе «Фонды» Воронежского областного краеведческого музея (см. приложение № 3)⁴.

¹ ГАВО. Ф. Р 904. Оп. 1. Д. 17. Л. 38; Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919–1956 гг. С. 33; Захарова Е.Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятнина в Воронежском губернском музее. С. 52.

² ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2276. Л. 37 об.

³ Котлярова И. В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). С. 105.

⁴ Отчёт о раскопках Подгоровского могильника Валуйского уезда Воронежской губернии 1926г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп. 1. № 1.

Благодаря этому документу мы узнаём, что местный учитель-краевед И. М. Кочетов сообщил Воронежскому музею в 1925 году об обнаружении и расхищении крестьянами древних погребений в указанной слободе. Музей отреагировал на эту информацию и отправил научного сотрудника Д. Д. Леонова в слободу Саловка¹. В результате командировки он собрал на месте «2-х или 3-х разрушенных погребений» характерную керамику, украшения и бытовые предметы салтовской культуры².

Спустя год, летом 1926 года, И. М. Кочетов вторично обратился в музей, сообщив, что в результате дождей были выявлены новые погребения, которые расхищаются местными пастухами. Это и побудило выделить средства на проведение археологических изысканий. Раскопки проводились С. Н. Замятниным в течение 8 дней, с 16 по 23 августа, при участии хранителя Воронежского музея Т. М. Олейникова³. Полевые работы были начаты на краю одного из оврагов. Всего было заложено шесть траншей⁴. В итоге, удалось раскрыть и исследовать семь катакомб.

Подробная информация о проведенных С. Н. Замятниным археологических исследованиях на Подгоровском могильнике была опубликована уже в послевоенное время. Сначала И. И. Ляпушкин в своей работе⁵ дает краткую характеристику данного памятника, при этом он на

¹ Бояркин М. В. Из истории исследования памятников салтово-маяцкой культуры у с. Подгоровка Валуйского уезда Воронежской губернии: документы и коллекция ВОКМ / М.В. Бояркин // Верхнедонской археологический сборник: материалы межрегиональной научно-практической конференции «Археология в исследованиях молодых», посвященной 100-летию А.Н. Москаленко, 14 ноября 2018 года / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. Выпуск 10. С. 155.

² Отчёт о раскопках Подгоровского могильника Валуйского уезда Воронежской губернии 1926 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп. 1. №1

³ Отчёт о раскопках Подгоровского могильника Валуйского уезда Воронежской губернии 1926г.

⁴ Отчёт о раскопках Подгоровского могильника Валуйского уезда Воронежской губернии 1926г. Л. 1 об.

⁵ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА СССР. № 104. М.-Л., 1961. С. 204

неопубликованность материалов раскопок «до сего времени»¹. Учёный также пишет, что в Воронежском краеведческом музее сохранилась часть вещей.

Спустя год выходит публикация С. А. Плетнёвой², в которой она, опираясь на полевой отчёт С. Н. Замятина³, подробно проанализировала проведенные раскопки Подгоровского могильника. Светлана Александровна детально останавливается на описании каждой камеры, проводит анализ погребального обряда, а также дает изображения ряда предметов, обнаруженных в ходе раскопок. Сегодня в основной экспозиции ВОКМ экспонируется ряд предметов из раскопок Подгоровского могильника 1926 г.

В 1927 г. состоялся долгожданный приезд в Воронеж В.А. Городцова. Его ждали еще в мае 1925 г., когда Главнаука Наркомпроса оповестила местные власти о приезде. Однако он не состоялся – Василий Алексеевич отправился на раскопки в среднее течение р. Волга в пределах Самарской и Ульяновской губерний⁴.

В 1927 г. в состав экспедиции РАНИОН, приехавшей в Воронеж, помимо Василия Алексеевича входили его сын М.В. Городцов и студент В.Г. Карцев. В этот год, экспедиция, выполняя поручение Государственного исторического музея, проводила раскопки известного памятника скифо-сарматского времени «Частые курганы». В ходе работы экспедиции было раскопано шесть курганов: четыре содержали в основном захоронения скифского времени; один неопределённого назначения и ещё

¹ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. С. 205.

² Плетнёва С. А. Подгоровский могильник // Советская археология. 1962. № 3. С. 241-251.

³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 238.

⁴ Городцов В.А. Волжская археологическая экспедиция // Хочу все знать. № 6. М., 1926. С. 244-245.

один более поздней эпохи¹. Материалы, полученные в ходе раскопок 1927 г., были переданы на хранение в ГИМ².

В.А. Городцов планировал вновь вернуться в Воронеж в 1929 г. и продолжить исследования «Частых курганов». Спустя два года, Василий Алексеевич вместе со студентом Полубейко прибыл в Воронеж. Сведения о деятельности экспедиции в этом году нашли своё отражение в «Кратком отчете об экспедиционной работе в летний период 1929 года»³. Однако раскопки так и не были проведены. Сам Василий Алексеевич пишет, что «на месте работ нам не удалось нанять рабочих»⁴, что было обусловлено недостатком средств, выделенных экспедиции.

Несмотря на то, что раскопки «Частых курганов» не были продолжены в 1929 г., Воронежский музей от этого приезда выиграл. Василий Алексеевич все время пребывания в Воронеже посвятил изучению археологической коллекции музея. Работа с музейными фондами помогла В.А. Городцову получить полное представление о материалах различных археологических культур, а главное, всю эту информацию довести до сведения сотрудников музея.

В его альбоме, содержащем зарисовки и описание вещей из воронежского музея, сделанные в 1927 и 1929 годах, имеется также запись под названием «Культуры Воронежского Областного музея», подводящая итог его работе с коллекциями. Все увиденные им материалы систематизированы следующим образом: «I. Палеолит: 1) ранняя пора (Костенки I, II, III), 2) неопределенной поры (Борщево I, II). II. Неолит (нет или если есть, то сомнительный) III. Металлический период: 1) Палеометаллическая эпоха, ранняя пора; поздняя пора: 1) катакомбная

¹Городцов В.А. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. // Советская археология. IX. М.-Л., 1947. С.13-27.

² Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (раскопки ВУАК 1910-1915 гг.). С. 12.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 78. Л. 136.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 78. Л. 136.

культура, 2) срубная культура, 3) культуры до-скифские, 4) скифская культура очень богатая, 5) сарматская культура и культура времени переселения народов не выделяются – Каменные бабы и возможно другие предметы, 6) хазаро-аланская культура представлена хорошо, 7) славянская (рязанская культура) представлена вещами до татарского нашествия, 8) татарская культура и др. поздних кочевников, 9) Российская культура – имеется»¹. В той или иной степени, материалы перечисленных культур были использованы В.А. Городцовым в своих научных трудах.

В это же время (1928-1929 гг.) продолжала свою деятельность Костёнковская экспедиция. Воронежский музей активно участвовал в её работе, отправляя своих сотрудников на раскопки: Н.В. Валукинский принял участие в разведочных работах на Левобережном Костёнковском поселении на левом берегу р. Дона, проводимые П.П. Ефименко; Д.Д. Леонов, В.К. Быстржинский и Н.В. Валукинский участвовали в раскопках на Кузнецовском городище, городище у Михайловского кордона, Лысогорском могильнике². Отметим, что именно сотрудники Воронежского музея (И.Д. Смирнов, Н.В. Валукинский) в 1930-е годы будут проводить археологические раскопки Кузнецовского городища, однако руководил ими по-прежнему П.П. Ефименко.

Говоря о развитии музейной археологии 1920-х годов, нельзя не учитывать динамики функционирования местного краеведческого движения, одним из направлений которого она де-факто стала еще в предыдущие десятилетия³. Тенденции в развитии советского краеведения этого периода, прослеженные специалистами и на уровне его

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 292. Л. 8-10.

² Ефименко П.П. Древнерусские поселения на Дону // МИА СССР. 1948. № 8. С. 8-9.

³ Захарова Е.Ю. «Работа велась так интенсивно и была так тяжела...»: о музейной археологии в Воронежской губернии 1920-х годов... С. 23-24.

руководящего органа – Центрального бюро краеведения (ЦБК)¹, и на губернском², аналогичны.

В первые годы своего развития оно было направлено на решение в основном научных и просветительских задач при координирующей роли ЦБК, созданного в 1922 г. под эгидой Российской академии наук. Объединившись к началу 1924 г. в «Общество изучения Воронежского края», ядром которого стали «члены бывших Архивной Комиссии и [Церковного] Историко-Археологического Комитета», воронежские краеведы планировали по образцу ЦБК организовать работу трех «разрядов»: экономического, естественно-исторического и культурно-исторического³. В рамках последнего определенное место заняли и археологические исследования научного характера. Об их результатах Д. Д. Леонов регулярно сообщал на заседаниях «Общества»: «Курган 14 в урочище «Частые курганы» (29.04.1924), «Археологические разведки в Валуйском и Острогожском уездах» (26.09.1924)⁴. Информация о проведенных разведках и раскопках публиковалась на страницах местных краеведческих изданий⁵. Программным в этой связи можно считать доклад

¹ Соболев В. С. Академия наук и краеведческое движение / В.С. Соболев // Вестник РАН, 2000. Т. 70. № 6. С. 535-541; Козлов В. Ф. Центральное бюро краеведения (ЦБК) как руководящий орган краеведческого движения в 1920-е гг. / В.Ф. Козлов // Шестые всероссийские краеведческие чтения / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М.: Издательский центр «Краеведение», 2012. С. 16-30.

² Акиншин А. Н. Воронежское губернское краеведческое общество 1920-х гг./ А.Н. Акиншин // Шестые всероссийские краеведческие чтения / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М.: Издательский центр «Краеведение», 2012. С. 31-38; Хаберкорн Т. Центральное бюро краеведения и Воронежский государственный историко-культурный музей в 1920-е гг./ Т. Хайберкорн // Из истории воронежского края: Сборник статей. Вып. 25 / Отв. ред. А. Н. Акиншин. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2018. С. 118-127.

³ Воронеж // Известия ЦБК. № 1. С. 18.

⁴ ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 3. Л. 14об.

⁵ Краеведческая хроника. 1. Археологические разведки в Воронежской губ. // Воронежский краеведческий сборник / О-во для изучения Воронеж. края. Вып. 2. Воронеж: Тип. губсоюза. С. 46–47; Замятнин С. Н. Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне и июле 1925 г. // Известия Воронежского Краеведческого Общества: краеведческий ежемесячник. № 2. Воронеж: Тип. губсоюза. С. 19–21.

С. Н. Замятнина «Доисторические культуры Центрально-Черноземной Области и задачи краеведческих обществ в их изучении» на прошедшей в 1924 году в Воронеже первой областной конференции по изучению производительных сил Черноземного края¹. В дополнение к нему, исполняя резолюцию², докладчик опубликовал «Инструкцию для изучения первобытных древностей», в которой изложены методы сбора сведений об археологических памятниках, возможные меры по их охране, а также регламент проведения раскопок. Показательно, что такого рода деятельность именуется им «насущнейшей задачей ближайшего времени»³.

Первые мероприятия, направленные на охрану памятников искусства и старины в Тамбовской губернии, были предприняты в феврале 1918 г, когда согласно инструкции Центральной Коллегии Отдела по делам музеев при Тамбовском ГУБОНО была учреждена комиссия по охране памятников искусства и старины.

23 февраля 1919 г. коллегия ГУБОНО постановила организовать Комиссию по делам музеев и охране культурных ценностей, уже 1 марта она была переименована в Музейную секцию. Основные задачи, которые стояли перед новыми органами, были «организация музейного дела и упорядочение работы по охране памятников на местах, для чего намечались следующие задачи: связь с центральными и местными музеями; изучение местного края; организация музеев и инструктирование

¹ Первая областная конференция по изучению производительных сил Центрально-Черноземной области: г. Воронеж, 10–13 июля 1924 г.: краткий отчет / Под ред.: Б. А. Петерс, С. Н. Введенского. Воронеж: Изд-во союза обществ и организаций по изучению производительных сил ЦЧО. С. 18.

² Первая областная конференция по изучению производительных сил Центрально-Черноземной области: г. Воронеж, 10–13 июля 1924 г.: краткий отчет. С. 20.

³ Замятнин С. Н. Инструкция для изучения первобытных древностей // Воронежский краеведческий сборник / О-во для изучения Воронеж. края. Вып. 2. Воронеж: Тип. Губсоюза, 1925. С. 41-44.

музейных работников; постановка экскурсионного дела; организация выставочного дела; организация социальных отделов при народных музеях; научная разработка музейных материалов; организация межведомственной комиссии по охране природы; снабжение музеев наглядными и экскурсионными пособиями; снабжение музеев спиртом; расширение помещений народных музеев»¹.

Тамбовская учёная архивная комиссия в послереволюционные годы (до 1922 г.) продолжала свою работу. Согласно исследованию, проведенному В.А. Алленовой и Ю.А. Мизисом, деятельность ТУАК в эти годы заключалась в обычных для нее формах и направлениях, но велась «менее интенсивно и с явной тенденцией к затуханию»². В феврале 1922 г. умер А.Н. Норцов, чьи исследования по изучению края были высоко оценены на заседании губархивбюро³. Что касается музея комиссии, то его судьба была определена на основании того же декрета от 5 октября 1918 года «о регистрации и приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Музейные фонды, входившие в то время в этнографический, археологический, церковно-исторический и палеонтологический отделы, перешли в распоряжение Тамбовского народного музея (в 1922 г. переименован в научный, с 1937 г. и по настоящее время – краеведческий). Также как это было и в Воронеже, на его базе сотрудники музея реализовали идею об организации краеведческого общества.

В 1920 г. администрация музея во главе с И.М. Катаевым и П.Н. Черменским выступила с предложением организовать «Общество по изучению истории, археологии и этнографии Тамбовского края» в

¹ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 360. Л. 25.

² Алленова В.А., Мизис Ю.А. История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). С. 302.

³ Алленова В.А., Мизис Ю.А. История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). С. 309.

Губисполкоме. Изначально оно существовало при местном университете, а после его закрытия в 1923 г. стало самостоятельной организацией. На следующий год в обществе произошли изменения – «все краеведческие силы губернии объединялись в одну организацию с тремя секциями по основным направлениям работы в русле ведущей тенденции того времени»¹.

1920-е годы стали временем нового расцвета тамбовского краеведения. Опыт и знания деятелей старины, получившие подготовку в дореволюционные годы, успешно сочетались с энергией молодых ученых, недавно ставших на этот путь. Археологические исследования тамбовского края в эти годы были организованы П.Н. Черменским. В начале 1920-х гг. он провёл две археологические экскурсии в окрестности с. Волотово для обнаружения и обследования знаменитого кургана «Волотова могила» (была собрана коллекция керамики)²; руководил раскопками Периксинской стоянки близ Тамбова, в ходе которых были найдены керамика, кремневые и костяные орудия, зольники; раскопал часть русского поселения XVII века в урочище «Мордвиже» у с. Татаново Тамбовского района³; посещал Красивскую волость, где были выявлены остатки мамонта⁴.

Ряд неолитических стоянок были выявлены краеведом Н.Н. Деминым в 1927 г.: Подзоровская (левый берег р. Воронеж), Глинице

¹ Алленова В.А., Мизис Ю.А. История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). С. 314-357.

² Кривошеин Н.В., Рыжков Ю.А. Петр Николаевич Черменский: жизнь и деятельность выдающегося краеведа. М.: «Древлехранилище», 2011. С. 88.

³ Черменский П.Н. Краеведческая работа в Тамбовской губ. // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. № 1. Тамбов, 1925. С. 8-9; Моисеев Н.Б. Археологические исследования в Тамбовском крае. Тамбов: ТГУ, 1999. С. 11.

⁴ Черменский П.Н. Новая находка костей мамонта // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. № 1. Тамбов, 1925. С. 24.

(правый берег р. Воронеж) – к изучению которых в послевоенные годы неоднократно возвращались профессиональные археологи ¹.

Отдельно необходимо сказать об открытии в 1918 г. и плодотворной деятельности в рассматриваемый период Моршанского историко-археологического музея. Его первый директор Петр Петрович Иванов приложил много усилий для учреждения музея. Он же занимался сбором древностей и организацией археологических раскопок в уезде: в 1920-е годы продолжил исследование окрестностей Моршанска, обнаружив несколько десятков памятников разных эпох. На протяжении следующих лет на некоторых из них П.П. Иванов проводил раскопки для пополнения фондов музея и развертывания экспозиции: 1924-1925 гг. – стоянки Сокольники, расположенной на правом берегу р. Цны (выявлена неолитическая керамика и кремнёвые орудия); в 1927-1928 гг. – Елизавет-Михайловского могильника (правый берег р. Моршевки); 1928 г. – Пановского могильника ².

В Курске губернский музей, наряду с Воронежским и Тамбовским, также явился организующим центром в области краеведения. В 1919 г. в Курске при ГУБОНО был учреждён Губмузей, как «комитет по охране памятников, старины и природы»³. К этому времени в Курске было два музея – историко-археологический и музей искусств, открытый в мае 1919 года (в его фонды входили предметы, полученные из частных коллекций

¹ Моисеев Н.Б. Археологические исследования в Тамбовском крае. С. 29, 30.

² Смирнов А.П. Вступление // Материалы по истории мордвы VIII – XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. Моршанск: Издание Моршанского краеведческого музея, 1952. С. 7 - 8.

³ Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX – XX веках: история исследований. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. Saarbrücken. Deutschland, 2012. С. 47

имений Шварцев, Волковых, Барятинских и от Реквизиционной комиссии в 1920 г.¹). Постепенно оба музея перешли в подчинение Губмузею.

В 1922 г. была открыта секция краеведения при педагогическом обществе, а в 1923 г. состоялось учредительное собрание курского городского общества краеведения (с октября общество переименовано в губернское), делившееся на секции: естественнонаучная, экономическая, педагогическая, культурно-историческая. В 1924 г. между обществом и Губмузеем установились хорошие отношения, в результате музейные работники официально вошли в состав общества и начали активно принимать участие в его работе.

Археологические исследования проводились в рамках культурно-исторической секции общества. Необходимо указать на широкую сеть его филиалов. Они открылись в Белгороде, Рыльске, Дмитриеве, Короче, Ст. Осколе, Щиграх. В целом же, работа краеведов в области археологии заключалась в проведении незначительных разведочных изысканий, связанных с пресечением грабительских раскопок или распашкой курганов местными жителями: были проведены разведочные работы «Кургана» около д. Курская Ольховатка Нижне-Теребужской волости Щигровского уезда; в 1924 г. сотрудники музея провели разведки археологических памятников в Курском, Щигровском (здесь к тому же была прекращена грабительская деятельность кладоискателей²), Корочанском, Дмитриевском, Белгородском и других уездах.

Полноценные раскопки были проведены только один раз, в 1925 году, когда сотрудники музея и члены КГОК во главе с Г.И. Булгаковым организовали раскопки на Шуклинском городище. В ходе проводимых

¹ ГАКО, Ф. Р-3139, оп.1, д.17, л.7

² ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 16. Л. 3, 6.

работ были обнаружены черепки древней посуды, железные ножи и обломки когтей¹.

Период с 1927 по 1928 гг. ознаменовался в курском крае наибольшим подъёмом в развитии краеведения. В это время членами Курского губернского общества краеведения проводились масштабные работы по изучению родного края: сотрудницей Губмузея М.Н. Орловой осуществлены раскопки Белгородского городища и могильника, проведены разведки в бассейне р. Псёл «от устья р. Суджа до устья р. Илёк» и в бассейне р. Оскол².

В 1927 году к обследованию археологических памятников Посеймья вернулся Лев Николаевич Соловьев. «Свои первые археологические изыскания он провёл в 1914 г., пытаясь найти доказательства пребывания первобытного населения по береговым дюнам Сейма. Спустя два года он продолжил свои поиски и обследовал ближайшие окрестности Курска. Дальнейшие исследования были прекращены из-за революционных потрясений и службы в армии. После окончания службы, поработав какое-то время в Крыму, Л.Н. Соловьев вернулся в Курск, при этом успев поучаствовать в экспедиции под руководством П.П. Ефименко в Костенках»³.

С 1928 г. Лев Николаевич работает в краеведческом музее сначала в должности научного сотрудника, затем зав. культурно-историческим отделом. Именно он стал продолжателем начатых разведочных работ. В результате проведенных изысканий удалось обнаружить в окрестностях Курска до 30 поселений разных исторических эпох. Итоги своих разведок

¹ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 2. Л. 35, 36.

² Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX – XX веках: история исследований. С. 61.

³ Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Вып. 3. Советское краеведение в провинции: взлёт и разгром (1920-е – 1950-е гг.). Курск: КГМУ, 2002. С. 11-12.

он публиковал в изданиях курских краеведов¹. С.П. Щавелев в своей работе точно подметил, что «далеко не каждой области СССР «периода строительства социализма повезло иметь столь профессионально подготовленного археолога, каким на рубеже 1920-х – 1930-х годов был в Курске Лев Николаевич Соловьев»². Уже через три года после своего возвращения, Л.Н. Соловьев вновь покидает родной Курск, и дальнейшая его деятельность связана исключительно с археологией Кавказа.

Подводя итог развитию археологии в музеях Центрально-Черноземного региона в 1920-е годы, необходимо подчеркнуть, что работа, проделанная сотрудниками губернских/областных музеев, характеризуется внушительными объемами. За первое десятилетие советской власти удалось наладить фондовую, экспозиционную, издательскую и экспедиционную работу. Последняя стала приобретать регулярный характер как в форме участия в академических работах, так и в форме организации самостоятельных исследований.

По мере складывания тоталитарного режима, сопровождающегося всеохватывающей централизацией, краеведческим, а в их структуре и археологическим, исследованиям все чаще стали придавать утилитарный характер. Уже в конце 1924 г. передача ЦБК в ведение Главнауки Наркомпроса аргументировалась необходимостью «тесной связи краеведения не только с научными учреждениями..., но и с хозяйственным, просветительным и партийным строительством»³. Дальнейшее закрепление избранного курса отражено в циркуляре Наркомпроса 1927 г. исполкомам местных Советов в исполнение резолюции XIII Всероссийского съезда Советов. В нем предлагалось

¹ Соловьев Л.Н. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 4. С. 12-33; Он же. Маршрут экскурсии на Шуклинское городище // Известия Курского губернского общества краеведения. 1928. № 2. С. 7-10.

² Щавелёв С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930 – 1931 годов (Курский «филиал»). С. 18.

³ От редакции // Известия ЦБК. 1924. № 1. С. 2.

«проводить планомерное развитие сети краеведческих организаций путем создания фабричных, заводских и сельских краеведческих обществ, ячеек, музеев, библиотек...» и «...вовлекать их в разработку основных вопросов местного хозяйственного и культурного строительства»¹. В такой ситуации, как уже было подмечено, изучение местной старины, во всем ее многообразии, борьба за сохранение памятников истории и культуры становились сначала ненужными, а затем и вредными; за массовостью неизбежно терялся исследовательский характер краеведения ².

¹ Циркулярное обращение Наркомпроса к председателям Исполкомов о содействии краеведной работе // Известия ЦБК. 1927. № 9. С. 297–298.

² Акиншин А.Н. Воронежское губернское краеведческое общество 1920-х гг. С. 33.

Глава 4.

Место археологии в советской модели краеведческого музея (1930-е – 1980-е гг.). Сотрудничество областных музеев с академическими и вузовскими экспедициями

К 1930 г., знаменующему «начало нового этапа в краеведении», как это было заявлено в передовице указанного ниже центрального издания, при внесении в него политики и идеологии уже была проведена смена руководства движением, ликвидированы «вредные издания», фактически прекращено государственное финансирование местных обществ. В таких условиях успех «...замены старых задач академического краеведения новыми, отвечающими эпохе диктатуры пролетариата», к которой призывала передовая статья первого номера нового журнала «Советское краеведение», был предрешен¹.

Изменение вектора государственной политики, произошедшее за несколько лет, опытные краеведы Центрального Черноземья прекрасно осознавали. Яркой иллюстрацией тому является публикация «в духе времени» уже неоднократно упоминавшегося нами известного историка, краеведа и археолога П.Н. Черменского «Археолог-любитель. Петр Емельянович Кудинов-Федоров», в которой автор предлагает читателям брать пример с 66-летнего сельского жителя, хранящего в своем небольшом домике «на полу второй, «чистой» комнаты» коллекцию древних предметов, «добытых с таким трудом и ценных в научном отношении» как «объект для экскурсий школьников и взрослых обширного района»².

¹ Новый этап в краеведении // Советское краеведение. 1930. № 1-2. С. 1.

² Черменский П. Н. Археолог-любитель. Петр Емельянович Кудинов-Федоров // Бюллетень областного бюро краеведения Центрально-Черноземной области. Воронеж, 1929. С. 19-21.

К сожалению, тенденция выхолащивания исторического, а с ним и археологического, краеведения в Центральном Черноземье приобрела масштабы подлинной трагедии, приведшей к гибели или отказу от продолжения своей деятельности наиболее авторитетных краеведов¹. Воронежский музей в ходе всех этих событий потерял лучшие свои кадры: «Николая Михайловича Беззубцева (1885–1957), Василия Васильевича Литвинова (1873–1941), Бориса Сергеевич Марина (1903 – ?), Тихона Митрофановича Олейникова (1883 – после 1941), Федора Ивановича Поликарпова (1882–1931), Таисию Михайловну Потапову (1894 – после 1931), бывшую работницу музея Софью Николаевну Шестову (1876 – после 1934)»². Ф.И. Поликарпов был расстрелян, остальные сотрудники сосланы на разные сроки в лагеря.

Единственным оставшимся сотрудником Воронежского музея, которому удалось избежать репрессий и продолжить занятия археологией, был Николай Васильевич Валукинский.

В течение 1930-х годов продолжала свою деятельность на воронежской земле Костёнковская экспедиция под руководством П.П. Ефименко, что дало возможность Н.В. Валукинскому постоянно повышать свой профессиональный уровень во взаимодействии со столичными исследователями, а также постоянно консультироваться с ними при организации самостоятельных разведок и раскопок.

Н.В. Валукинским была изучена в ходе разведок обширная территория по берегам р. Дона и его притоков – Воронежа, Ведуги, Тавровки и Усманки. Н.В. Валукинскому удалось обследовать 244 пункта,

¹ Акиншин А.Н. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. Воронеж: ЦЧКИ, 1992. С. 208-235; Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930 – 1931 годов (Курский «филиал»). 272 с.

² Акиншин А.Н. Изучение локальной истории в Краеведческом музее в первый век его существования (1894-1994 гг.) // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 3: материалы международной конференции «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный аспекты» (г. Воронеж, 20-21 сентября 2019 г.). Воронеж, 2019. С. 7.

среди которых были как бытовые, так и погребальные памятники, а также единичные находки¹. Обнаруженные в результате исследований памятники датировались разными эпохами, поэтому Н.В. Валукинский предложил свою классификацию этих объектов: «1) поздний неолит, 2) поздняя бронза, 3) переходный период (условно назван временем поздней бронзы и раннего железа), 4) раннее железо, 5) развитое железо (условно называемый «дославянский период»), 6) ранние славянские поселения, 7) селища XII-XV вв.»². В соответствии с предложенной классификацией, значительное число памятников относились к эпохе бронзы и раннему железному веку(22/24), а 115 памятников датировать по данной классификации не удалось. В ходе проведенных исследований были составлены две археологические карты (к сожалению, одна из них так и не была опубликована). Работа по их составлению явилась логическим продолжением трудов его предшественников.

Следует отметить, что в эти годы на обнаруженных Н.В. Валукинским памятниках велись раскопки: 1933, 1935, 1938 гг. – исследовалось поселение на берегу р. Инютинки рядом с пос. Отрожка (датируется эпохой бронзы)³; 1935 г. – обнаружено поселение эпохи бронзы, а также могильник (не ранее XV века) на левом берегу р. Воронеж недалеко от ВоГРЭСовской дамбы в зоне новостройки (в раскопках участвовал также инструктор ОблОНО Д. Д. Леонов и инспектор по охране памятников В. А. Ельчанинов)⁴. Работы на данном памятнике дали интереснейший археологический материал («литейные формочки, плавильные чаши, частично сохранившаяся ступка из сланца со следами

¹ Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа // Советская археология. X. 1948. С. 291–301.

² Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. С. 300.

³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Д. 140. ЛЛ. 5-10.

⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935 г. Д. 78. ЛЛ. 2-4.

охры, обломки керамики»)¹, который привлек внимание старшего научного сотрудника ГАИМК Г.В. Подгаецкого. Именно с ним Воронежский областной краеведческий музей заключил договор на продолжение раскопок памятника, выделив на это 2000 р.² В результате проведенных работ была получена внушительная серия (считалась самой представительной вплоть до раскопок Мосоловского поселения в 70-80 гг. XX века) свидетельств производственной деятельности населения срубной культуры: большие банкообразные, малые банкообразные и острореберные сосуды; шлаки; плавильные тигли; литейные формы. Вся она до Великой Отечественной войны хранилась в Воронежском краеведческом музее, но в военные годы была утрачена.

В 1936 году Н. В. Валукинский проводил археологические работы на поселении поздней бронзы в пределах ст. Отрожка на левом берегу р. Воронеж у ее притока Инютинки. Итогом раскопок стало частичное исследование полуземляночного жилища, а также обнаружение «мелких обломков костей животных, осколков кремния и обожженного камня, мелких фрагментов баночных сосудов, некоторые из которых были с орнаментом»³. Эта коллекция пережила и военное лихолетье, вплоть до настоящего времени она востребована исследователями. Одним из первых ее детальный анализ провел А.Т. Синюк⁴ при подготовке своего дипломного исследования перед поступлением на работу в Воронежский краеведческий музей.

На протяжении 1930-х гг. основное внимание было сосредоточено на исследовании бытовых памятников, в то время как раскопки курганных

¹ Валукинский Н. В. Разведки в Воронеже (1935 г.) // Советская археология. IV. 1937. С. 311.

² РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1936. Д. 371. Л. 1, 1об.

³ Валукинский Н. В. Реки Усманка, Тавровка и Воронеж // Археологические исследования в РСФСР 1934 – 1936 гг. М. Л., 1941. С. 161.

⁴ Синюк А.Т. Поселение эпохи неолита у станции Отрожка // Труды ВГУ. Т. 64: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966. С. 107–114.

древностей носили охранный характер: в июле-августе 1937 г. были проведены раскопки двух курганов в зоне новостройки по ул. Громова в Воронеже. Раскопки проводил Н.В. Валуйкинский под непосредственным руководством П.П. Ефименко¹.

В сентябре 1940 г. Н. В. Валуйкинский проводит самостоятельные раскопки кургана в урочище «Попова дача» на левом берегу р. Инютинки в северной части пос. Отрожка при участии студентов-историков Воронежского педагогического института (под руководством преп. В.И. Кошелева).

Результаты всех полевых исследований Н.В. Валуйкинского были отражены им в пяти работах, уже упоминавшихся нами выше. Н.В. Валуйкинский считал себя больше этнографом, поэтому упор в своих исследованиях делал на реконструкцию жилищ, однако изучая археологические памятники, им был собран интереснейший материал различных эпох, в первую очередь, эпохи неолита – бронзы. Материалы проанализированных нами археологических исследований этого периода стали источниковой базой для первого диссертационного исследования, написанного по археологии нашего региона. Речь идёт о работе Г.В. Подгаецкого «Предскифский период на Среднем Дону», которая была посвящена местным археологическим памятникам эпохи бронзы. Диссертация была завершена до начала войны и успешно защищена 29 сентября 1941 г. на заседании ученого совета ИИМК АН СССР.

Главный результат предвоенного десятилетия – значительное пополнение археологической коллекции музея за счет проведенных раскопок, как самостоятельных, так и в составе совместных с академическими структурами экспедиций, которым руководство музея по возможности обеспечивало денежное финансирование.

¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937 г. Д. 198. ЛЛ. 1-16.

С началом Великой Отечественной войны фонды музея были частично вывезены в г. Джамбул Казахской ССР (см. приложение № 4). Из коллекции «Археология» в эвакуацию, прежде всего, были отправлены материалы, состоящие из драгоценных металлов (из раскопок в урочище Частые курганы, случайные находки), но большая часть коллекции осталась в Воронеже и была утрачена за годы войны.

В Тамбовском крае в предвоенное десятилетие продолжил свои исследования П.П. Иванов. С 1929 г. по 1936 гг. им проводились раскопки по изучению Крюково-Кужновского могильника (правый берег р. Цны). В ходе полевых работ было вскрыто 586 погребений. Отметим, что в 1930 г. раскопками руководил С.Н. Замятнин ¹, а в 1937 году с материалами имела возможность ознакомиться А.Е. Алихова. В послевоенное время на всех ранее указанных памятниках проводились археологические изыскания столичными исследователями: Т.Б. Поповой, Р.Ф. Ворониной, др. ²

Ситуация в краеведении Курской губернии развивалась практически в том же направлении, что и в других областях Центрального Черноземья; ее основные тенденции выделены и обоснованы С.П. Щавелевым ³.

С 1931 года с Курском связана краеведческая, в том числе и археологическая, деятельность Владимира Ивановича Самсонова (1886–1964), благодаря стараниям которого в музее окончательно сложился отдел истории дореволюционного прошлого, оформилась соответствующая экспозиция, сохранявшаяся долгие годы. «Несколько поколений школьников, студентов, взрослых экскурсантов знакомились с вещественными памятниками местной старины по музейным витринам,

¹ Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919–1956 гг.: Указатель. М.: Наука, 1962. С. 64.

² Воронина Р.Ф. Раскопки Крюково-Кужновского могильника // АО 1969 г. М.: Наука, 1970. С.167–168.

³ Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3: Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920-е – 1950-е гг.). Курск: КГМУ, 2002. 200 с.; Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930 – 1931 годов (Курский «филиал»). С. 11–49..

оформленным В.И., запомнили экскурсии, проводимые им лично и по его методике другими музейщиками»¹.

Как представитель музея, В.И. Самсонов принимал участие в экспедициях столичных археологов (в довоенное время – Б.А. Рыбакова).

В 1936 г. руководство Курского краеведческого музея сделало запрос в ГАИМК о возобновлении раскопок в с. Гочево, начатых ещё Д.Я. Самоквасовым в 1909 г. Музей, стремясь пополнить свою коллекцию предметами, которые относились к периоду раннего феодализма, был готов выделить на проведение раскопок 5000 р. и направить двух своих сотрудников для участия в проводимых работах².

Запрос музея был удовлетворён, и Московский отдел ГАИМК им. Н.Я. Марра отправил в Курск Бориса Александровича Рыбакова (1908–2004), на тот момент только начинавшего свои полевые работы. В организованных им исследованиях приняли участие тогда аспирант ГАИМК И.И. Ляпушкин (позднее видный советский археолог), сотрудники Курского областного краеведческого музея В.И. Самсонов, Е.Т. Гученко, фотограф Л.А. Литошенко и П.С. Ткачевский³.

Раскопки на Гочевском комплексе проходили на протяжении двух полевых сезонов – 1937, 1939 гг. В ходе работ было вскрыто 272 кв.м на городище «Круглый Курган» (в 1937 г. – 160 кв.м), а также проведена разведка на городище «Царский Дворец» и соседнем поселении. В результате выявлены три культурных слоя: скифоидного (V – IV вв. до н.э.), роменского (VIII – X вв. н.э.) и древнерусского (X – XIII вв. н.э.)⁴.

¹ Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. С. 60.

² ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.

³ Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX – XX веках: история исследований. С. 77.

⁴ Рыбаков Б.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1937, 1939 гг. на Гочевском городище (Курская область) // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1937 г. Д. 35.

Полученные в ходе работ предметы поделили между собой КОКМ и ГИМ (предметы с раскопок 1937 г. – поступили в фонды КОКМ; находки 1939 г. из квадратов Ж, З, И. и из разведочных шурфов остались в ГИМе; материалы из квадратов К, Л, М и раскопа на городище «Царский Дворец» переданы в КОКМ, а из квадрата Н частично поступили в КОКМ, а частично остались в ГИМе)¹.

Судя по упоминаемой С.П. Щавелевым «Научной переписке исторического отдела КОКМ по Гочевскому городищу», Б.А. Рыбаков задумывал итоговое издание этого памятника (до 5 печатных листов), но в итоге этот замысел лишь частично удалось реализовать В.И. Самсонову в виде краткой заметки².

В.И. Самсонову принадлежит открытие за несколько дней до начала Великой Отечественной войны знаменитой впоследствии на весь мир Авдеевской стоянки каменного века. Детали этого события подробно изложил С.П. Щавелев³, мы же проследим основные вехи.

В июне 1941 г. во время весеннего половодья прямо напротив д. Авдеево рухнул подмытый водой берег р. Рагозна. В результате местные жители обнаружили кусок бивня мамонта. О находке сообщили в Курский музей, 18 июня 1941 г. в д. Авдеево начались разведочные работы. В них приняли участие музейные сотрудники – В.И. Самсонов, заместитель директора КОКМ Матвеевко, художник П.С. Ткачевский, которым помогали студентки ленинградского пединститута, проходившие практику при музее и местный учитель М.М. Буданов. При обследовании места

¹ Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX – XX веках: история исследований. С. 81.

² Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. С. 63; Самсонов В.И. Раскопки на Гочевском городище // Литературный альманах. Кн. 2. Курск, 1940. С. 277.

³ Щавелёв С.П. Первооткрыватель палеолитического Авдеева: Владимир Иванович Самсонов (1886–1964) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11. Липецк, 2019. С. 514–517.

было выявлено множественное скопление костей мамонта, а также обнаружены кремнёвые орудия, которые были доставлены в музей.

Так было положено начало изучению знаменитой Авдеевской стоянки эпохи верхнего палеолита, однако к исследованию памятника археологи вернулись только через несколько лет – спустя три дня началась Великая Отечественная война.

В связи с анализом музейной археологии отметим, что, понимая весь драматизм ситуации, сотрудники Курского музея обращались с просьбами о профессиональной помощи к столичным исследователям, связанным с Черноземьем. Так, например, С.Н. Замятнин приезжал для обследования очередного места находок костей мамонта и кремнёвых орудий под Рыльском в д. Сучкине (с. Октябрьское)¹. Первые находки были сделаны ещё в 1925 г., когда в Рыльский краеведческий музей была доставлена кость мамонта. Это привело к обследованию места находки инструктором музея А.П. Андреевым, в ходе которого им были выявлены три кремневые орудия. Спустя пять лет Сергей Николаевич приехал в д. Сучкино. Раскопки проходили на протяжении трех дней с 23 по 25 сентября. В результате было обнаружено множество кремневых орудий: нуклеусы, отбойники, ножевидные пластины.

В послевоенные годы ситуация в большинстве музеев страны была очень тяжелой: ощущалась нехватка кадров, финансирования, некоторые музеи лишились своих помещений. В 1946 г. началась всесоюзная проверка музейных фондов, в результате которой была установлена утрата огромного количества ценных предметов². Так, согласно сообщению 1949 г. директора Воронежского музея А.Ф. Гончарука, «помещение с

¹ Замятнин С.Н. Первая находка палеолита в долине Сейма // КСИИМК. Вып. 8. М.-Л., 1940. С. 98.

² Златоустова В.И. Музейное дело в России. С.403-404.

коллекцией древней славянской утвари находилось под грудями развалин...Пришлось извлечь лишь несколько разбитых черепков»¹.

Требовалось масштабное обновление музейной сети и привлечение внимания властей к имеющимся проблемам. В первые послевоенные годы основным документом, на который опирались музейные сотрудники при решении вопросов развития своего учреждения, был закон о пятилетнем плане, утвержденный в марте 1946 г. Согласно этому плану, все музеи в стране выводились из системы Наркомпроса и передавались новому, созданному в 1945 г., органу – Комитету по делам культурно-просветительных учреждений СССР². Новое ведомство практически сразу разделило все музеи по категориям, опираясь на размеры государственного ассигнования: высшая категория – самые крупные столичные и историко-революционные музеи; низшая – большинство региональных краеведческих музеев.

В 1948 г. были приняты постановления, которые касались региональных музеев: «Положение об областном, краевом, республиканском (АССР) краеведческом музее» и «Основные положения о построении экспозиции областных, краевых, республиканских (АССР) и крупных районных краеведческих музеев»³. Музею как научно-исследовательскому центру предписывалось «не только всесторонне изучать родной край, но и отражать все результаты этого изучения в экспозиции»⁴. В соответствии с этим положением определялась и типовая

¹ Объяснительная записка контролёру-ревизору управления министерства финансов СССР по ВО бывшего директора ВМК Гончарук А.Ф., 1949 г. // НА ВОКМ. П. 11. Д. 1. Л. 34-34 об.

² Грицкевич В.П. История музеев мира. С.150.

³ Основные положения о построении экспозиции областных, краевых, республиканских (АССР) и крупных районных краеведческих музеев: Положение об областном, краевом, республиканском (АССР) краеведческом музее / Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете министров РСФСР. Москва, 1949. 24 с.

⁴ Берестнев Р.С. «Коллекция «Археология» Воронежского областного краеведческого музея после ВОВ: формирование, комплектование, перспективы» // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 3: материалы международной

структура провинциального музея. В каждом музее экспозиция и сама структура учреждения должна была отражать природу края, дореволюционное прошлое края, советский период.

Ситуация в музеях на местах радикально не изменилась и после 1953 г., когда музеи перешли в подчинение ко вновь образованному Министерству культуры, а на местах – органам культуры исполкомов Советов. Такая организационная форма позволяла в лучшем случае иметь одного сотрудника, разбирающегося в вопросах местной археологии в отделе, освещающем дореволюционное прошлое. Но и такого специалиста, как правило, не находилось.

В Центральном Черноземье в послевоенные десятилетия по-прежнему не было налажено системы подготовки кадров в области археологии. Местное археологическое сообщество регулярно начнет проявлять себя лишь с середины 1960-х гг. Что же касается первых послевоенных десятилетий, то развитие региональной археологии в целом и музейной в частности было связано, прежде всего, с работами столичных академических экспедиций. Они сыграли важнейшую роль в изучении и сохранении археологического наследия региона.

Необходимо также отметить, что в 1954 году в ходе очередного административно-территориального деления РСФСР в составе Центрально-Чернозёмного региона возникли две новые области: некоторые районы Воронежской и Курской областей были объединены в Белгородскую область¹, а часть территорий Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской и Рязанской образовали Липецкую область².

конференции «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный аспекты» (г. Воронеж, 20-21 сентября 2019 г.). Воронеж, 2019. С. 344.

¹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. Москва, 1956. С. 49.

² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. Москва, 1956. С.50.

Областные и районные музеи региона в эти годы возобновили деятельность в области археологии, прежде всего, за счет развертывания сотрудничества с экспедициями академических учреждений и столичных музеев, финансируя (частично или полностью) проведение раскопок в расчете на пополнение фондов и приобретение репрезентативных древностей для экспонирования. В свою очередь, руководители и члены столичных экспедиций помогали в создании организованной на научных принципах археологической экспозиции, участвовали в публикации совместных научных и научно-популярных изданий.

Сотрудничество областных музеев с экспедициями ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР

Начнем анализ сотрудничества музеев Центрального Черноземья с академическими экспедициями с характеристики взаимодействия Воронежского музея с Палеолитической (позднее Костёнковской палеолитической) экспедицией Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР (далее ЛОИИМК), затем Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (далее ЛОИА) как самой стабильной на территории региона в советское время ¹. В конце 1940-х – 1960-е гг. определяющую роль в ней играли ученики П.П. Ефименко, крупные ученые – Александр Николаевич Рогачев (1912–1984) и Павел Иосифович Борисковский (1911–1991).

Воронежский краеведческий музей сотрудничал с Костёнковской палеолитической экспедицией на протяжении всего времени исследования памятников, а сохранившиеся музейные отчёты позволяют документально подтвердить ежегодное финансовое участие музея в полевых работах в

¹ Векилова Е.А. Летопись работ Костенковской палеолитической экспедиции (1922-1976гг.) / Е.А. Векилова // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977. С.210.

Костенках с 1957 года¹. Уже с 1960 года начинается плодотворное сотрудничество музея с экспедицией ЛОИИМК по вопросу сохранения остатков костно-земляного жилища (в площади раскопа на стоянке Костёнки 11) и строительства здания музея над ним (подробно о процессе создания музея-заповедника «Костёнки» от филиала ВОКМ до самостоятельного музея речь пойдёт в отдельной главе данной работы). Сотрудничество с ЛОИИМК этим не ограничивалось. Музею оказывалась помощь по паспортизации материалов и экспонатов.

Деятельность Костенковской экспедиции выходила за пределы воронежского края. Масштабные разведочные изыскания, которыми руководил П.И. Борисковский, в конце 1950-х гг. были проведены в Белгородской и Курской областях². Целью работ было обнаружение памятников эпохи палеолита, в том числе и в непосредственной близости от сырьевой базы. Непосредственно раскопки на палеолитических памятниках в Курске проводились в 1962-1964 гг.³. В 1963-1964 гг. раскопки проводились в г. Курск на ул. Полевой. В ходе проведенных работ был обнаружен культурный слой, содержащий кремневые орудия, осколки камней, кости мамонта. Сам Павел Иосифович считал, что стоянка Курск I является охотничьим стойбищем. Здесь первобытные люди

¹ Бояркин М.В. Археология в деятельности Воронежского краеведческого музея (о сотрудничестве с академическими экспедициями) // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 3: материалы международной конференции «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный аспекты» (г. Воронеж, 20-21 сентября 2019 г.). Воронеж, 2019. С. 125.

² Борисковский П.И. Отчет о работе Костенковского палеолитического отряда ИИМК АН СССР. 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1660. 27 л., 34 ил.; Он же. Отчет о работе Оскольского палеолитического отряда ИИМК АН СССР в 1958 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1805. 27 л., 16 ил.

³ Борисковский П.И. Отчет о рекогносцировочных раскопках палеолита в г. Курске 2 – 4 ноября 1962 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2526. 12 л., 7 ил.

разделявали куски принесённых мамонтовых туш, а также занимались изготовлением, ремонтом кремневых орудий¹.

В 1958 г. в составе Костёнковской экспедиции был выделен Средне-Донской неолитический отряд, который возглавил В. П. Левенок (1906–1985)². Всеволоду Протасьевичу регион был хорошо знаком: с 1930 по 1934 гг. он являлся лаборантом и художником Воронежского краеведческого музея, участвовал в археологических разведках вместе с Д.Д. Леоновым и Н.В. Валукинским. Ареал работ В.П. Левенка охватывал и воронежский, и курский край. Отметим, что проводимые работы проходили в тесном контакте с местными краеведческими музеями.

Проводя разведки по среднему течению Дона от устья р. Воронеж до с. Архангельское, Средне-Донской неолитический отряд стремился выявить свидетельства мезолитических и неолитических памятников. Не забыл Всеволод Протасьевич и о некогда родном ему Воронежском областном музее: была проведена датировка депаспортизованных материалов и экспонатов, определена их культурная принадлежность; по просьбе музейщиков в ходе проводимых разведочных работ осуществлялась регистрация памятников более поздних эпох³. В результате исследований удалось подтвердить присутствие мезолитических и неолитических стоянок на Среднем Дону.

В это же время в границах Курской области работы проводились в верхнем течении р. Сейм по обоим берегам. В итоге было исследовано 42 разновременных памятника. Помимо совершенных полевых изысканий,

¹ Борисковский П.И. Палеолитические стоянки на территории г. Курска // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку, 1965. С. 32-33.

² Бессуднов А.А. ЛОИИМК-ЛОИА АН СССР и археологическое изучение Верхнего Подонья (по результатам исследований В.П. Левенка) / А.А. Бессуднов, Е.Ю. Захарова // История археологии: дослідники та наукові центри: Археологія і давня історія України. Вип. 9. Київ, 2012. С. 31-32.

³ Левенок В.П. Археологический отчет к разведкам на верхнем Сейме и среднем Дону. Л. 19 - 20, 36.

В.П. Левенок уделил внимание изучению археологических фондов областного музея, хотя и малочисленных, по его замечанию, по количеству предметов¹.

Начиная с 1959 г., Всеволод Протасьевич занимается изучением территории Верхнего Дона (вплоть до 1968 г.). Был организован Верхнедонской отряд, а с 1960 г. создается Верхне-Донская археологическая экспедиция под его руководством. С 1960 по 1964 гг. в её составе действовало четыре отряда, однако впоследствии из-за обособления одного из них в самостоятельную экспедицию и прекращения функционирования другого экспедиция вновь была реорганизована в отряд².

На протяжении десятилетия исследований В.П.Левенка на Верхнем Дону было обнаружено 372 памятника, многие из которых в дальнейшем получили всеобщую известность: городище у с. Перехваль, Ново-Никольский могильник, Долговская стоянка.

Мы уже говорили ранее о способности В.П. Левенка устанавливать дружественные связи с местными музеями. Липецкий областной краеведческий музей (далее ЛОКМ) не стал исключением. В 1965 году между ЛОИА и Новолипецким металлургическим заводом (далее НЛМЗ) велось обсуждение вопроса об организации и финансировании раскопок на р. Матыра. Однако ЛОИА, сославшись на отсутствие специалистов, переложил организацию новостроечных работ на месте строительства Матырского водохранилища на ЛОКМ. Сотрудники музея с 1965 г. взяли на себя все организационные и финансовые проблемы, предоставив решать научные вопросы Всеволоду Протасьевичу.

¹ Левенок В.П. Археологический отчет к разведкам на верхнем Сейме и среднем Дону. Л.17.

² Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н. В.П. Левенок и его роль в выявлении и изучении древностей эпох палеолита и мезолита в Подонье // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 2006. С. 22.

Всеволод Протасьевич на протяжении всех лет своих исследований в регионе помогал Липецкому музею в разных вопросах: он первым выступил с предложением создания археологической экспозиции в ЛОКМ, а затем участвовал в её реализации; провёл колоссальную фондовую работу. На сегодняшний день его коллекция является самой многочисленной в музее по количеству предметов¹.

Взаимодействие музеев Центрального Черноземья с Государственным историческим музеем

В послевоенные годы на территории Центрального Черноземья проводились экспедиции одного из крупнейших музеев страны – Государственного исторического. В конце 1940-х гг. под руководством старшего научного сотрудника ГИМ В.П. Левашевой – археологическая разведка по р. Битюгу (от г. Боброва до устья р. Битюг), а затем раскопки кирпичных золотоордынских построек в окрестностях х. Красное на р. Мечетке².

В начале 1950-х г. памятники Центрального Черноземья вновь привлекли внимание М.Е. Фосс. При подготовке к полевым сезонам Мария Евгеньевна изучала отчёты директора Моршанского музея П.П. Иванова довоенного времени, хранящиеся в Ленинградском архиве ИИМК³, а также коллекции упоминавшегося нами тамбовского краеведа Н.Н. Дёмина 1920-х гг. из фондов ГИМ⁴. По итогам проведенной работы, Мария Евгеньевна определилась с местами в Тамбовской губернии, где

¹ Бессуднов А.Н. Об эффективности сотрудничества археологов и липецких краеведов (из архивного наследия В.П. Левенка) // *Історія археології: дослідники та наукові центри: Археологія і давня історія України*. Вип. 9. Київ, 2012. С. 35-36.

² Левашева В.П. Отчет об археологическом обследовании в Воронежской области по р. Битюгу от г. Боброва до устья Битюга, произведенном в августе 1947 г. // *НА ИА РАН*. Ф – 1. Р – 1. № 142. 30 л., 18 ил.; Она же. Отчет о раскопках, произведенных летом 1949 г. близ с. Красный Хутор на р. Мечетке в Хреновском районе Воронежской области // *НА ИА РАН*. Ф – 1. Р – 1. № 286. 17 л.; № 287. 15 л., 52 ил.; № 288. 13 черт.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 110. Л. 81.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 101. Л. 15-25, 71-79.

имелись свидетельства неолита – бронзы: «в Мичуринском (бывший Козловский уезд) районе (по р. Воронеж) – сборы вблизи сс. Гремущки, Стаево (дер. Красниково), Старое Тарбеево, Устье; в Моршанском (по р. Цна) – у г. Моршанска, Прошинского монастыря, сс. Алкужи, Борки; в Дегтянском и Сосновском (бывший Тамбовский уезд) районах (по р. Челновая) – у сс. Средняя Дегтянка, Челнаво-Дмитриевское; в Шацком и Сасовском (бывший Шацкий уезд Тамбовской губернии) районах Рязанской области (по р. Цна) – у сс. Тюрино, Ново-Берёзово»¹.

Большая предварительная подготовка была проведена М.Е. Фосс и в преддверии полевого сезона в Воронежской области: она изучила находки неолита и эпохи бронзы с бытовых памятников (из фондов ВОКМ)², просмотрела материалы и архивные документы из Музея антропологии и этнографии³ во время командировки в Ленинград в 1952 г.

После тщательной подготовки настало время для проведения археологических изысканий: полевой сезон в Тамбовской области состоялся в 1953 г., в Воронежской в 1954 г.

В ходе работ в Тамбовской области экспедицией под руководством М.Е. Фосс были проведены исследования близ с. Старое Тарбеево (обследовано поселение эпохи неолита-бронзы), в местности Глинище – неолитическая стоянка (кроме этого были обследованы расположенные поблизости два селища XII–XIII вв.)⁴.

Полученные в результате раскопок материалы стали важной частью источниковой базы в вопросах изучения эпохи неолита в последующие десятилетия. В 1956 – 1960 гг. работы на территории Тамбовской области были продолжены под руководством ведущего научного сотрудника ГИМ

¹ Акиншин А.Н. и др. Центральное Черноземье в биографии и исследованиях Марии Евгеньевы Фосс. С. 97.

² ОПИ ГИМ. Ф. 487. Л. 2–4, 6а

³ ОПИ ГИМ. Ф. 487. Л. 6–6об., 9–19, 29–37

⁴ Фосс М. Е. Отчет о работе Лесостепной экспедиции в 1953 г. в Мичуринском районе Тамбовской области // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 828.

Т.Б. Поповой¹. За эти полевые сезоны было открыто более 30 новых памятников от эпохи неолита до раннего железного века.

Нам хотелось бы отметить, что изыскания Марии Евгеньевны Фосс в Мичуринском районе Тамбовской области носили не только научный, но и просветительский характер. Исследовательница писала, что «на месте раскопок побывали с экскурсией учащиеся, которым давались объяснения; в музее положено начало организации археологического отдела, до этого отсутствовавшего»².

Полевые работы, проведённые М. Е. Фосс в Воронежской области в 1954 г., оказались для неё последними: «около железнодорожной станции Отрожка был собран материал эпохи бронзы и раннего железного века; заложен разведочный раскоп на стоянке эпохи поздней бронзы у с. Александровка бывшего Гремяченского района; раскопан деревянный чёлн у с. Щучье Лискинского района»³. Таким образом, были проведены работы в соответствии с намеченным планом, а также мероприятия спасательного характера, связанные с обнаружением древней лодки. Сюжет, посвящённый обретению и характеристике чёлна, ныне выставленного в экспозиции ГИМа⁴, а также всесторонняя характеристика

¹ Попова Т.Б. Отчет о раскопках в Тамбовской обл. 1956 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1295. 27 л., 158 илл.; Она же. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции в 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1491. 17 л., № 1491а. 23 л., 23 илл.; Она же. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции за 1958 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1733. 16 л., № 1733а. 22 л., 22 илл.; Она же. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции 1959 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1908. 19 л., 57 илл.; Она же. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции ГИМ 1960 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2099. 8 л., № 2099а. 27 л., 27 илл.

² ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 96. Л. 34.

³ Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919–1956 гг. С.182, № 475; Акиншин А.Н. и др. Центральное Черноземье в биографии и исследованиях Марии Евгеньевы Фосс. С. 98.

⁴ Афонюшкин В.А. Древний чёлн из села Щучье Воронежской области // Труды Воронежского государственного университета. Т. 52, вып. 1. Воронеж, 1958. С.81-89; Шоков А. Ф. Неолитические находки на Дону // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. XXVI. Воронеж, 1958. С.184; Кашина Е. А. Долблёная лодка с Дона в экспозиции Государственного исторического музея:

других аналогичных находок на территории Центрального Черноземья, включая анализ с музейведческих позиций ¹, уже получил всестороннее освещение в специальной литературе, к которой мы и отсылаем читателя.

Сотрудничество Курского краеведческого музея с Деснинской экспедицией ИИМК АН СССР

В послевоенные годы Михаил Вацлавович Воеводский (1903–1948) приступил к реализации разработанного им еще в 1940 г. плана по комплексному обследованию памятников Курской области. В 1946 г. Михаил Вацлавович возглавил Деснинскую экспедицию, сосредоточив внимание на раскопках Авдеевской палеолитической стоянки и Липинского археологического комплекса.

Уже во время первого своего визита в 1946 г. в Курск М.В. Воеводский посетил КОКМ, где ознакомился с находками В.И. Самсонова 1941 года. По мнению Михаила Вацлавовича, материал представлял большой интерес, и требовалось продолжить исследования, начатые в 1941 году². Исследование верхнепалеолитической стоянки продолжалось с 1946 по 1949 гг. (1949 г. – раскопки проводились А.Н. Рогачёвым), было вскрыто 950 кв.м, обнаружены следы древних очагов, остатки хозяйственных ям и жилых сооружений. В ходе проведенных работ была собрана богатая коллекция орудий, украшений, предметов первобытного искусства, сделанных из камня и кости ³.

история находки и проблема датировки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 1. С. 76-82.

¹ Кашина Е.А., Гак Е.И., Огороков А.В. Ископаемые долблённые лодки Центрального Черноземья: историографический аспект // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 532–540.

² Воеводский М.В. Отчет о работе Деснинской экспедиции. 1946 г. // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 72.Л. 1.

³ Воеводский М.В. Отчет о полевых работах Деснинской экспедиции 1947 г. // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 156. 87 л., 15 ил., 35 черт.; Воеводский М.В., Алихова А.Е., Розенфельдт И.Г., Засурцев П.И., Мельниковская О.Н. Отчет о работе Деснинской

Во всех этих работах активно участвовали и сотрудники Курского музея, прежде всего В.И. Самсонов. Как пишет С.П. Щавелев, «материалы авдеевских раскопок с тех пор стали одним из коньков Самсонова – экскурсовода и экспозиционщика... Старый краевед жалел, что московские археологи увезли с собой почти все находки из Авдеева и в экспозиции Курского музея, кроме одного скопления лучше сохранившихся мамонтовых костей, остались только рисунки и муляжи замечательных скульптурок, каменных и костяных орудий, изготовленных охотниками на мамонтов. Однако интересы большой науки, резоны столичных археологов и антропологов Самсонов понимал и уважал, как никто другой в Курске. Все сообщения о находках ископаемых древностей им и впредь тщательно протоколировались и доводились до сведения столичных исследователей»¹.

Параллельно с раскопками Авдеевской стоянки в 1947 г. ассистент экспедиции Ростислав Леонидович Розенфельд начал изучение Липинского городища, находившееся в нескольких километрах от д. Авдеево. Исследования Липинского археологического комплекса проходили с 1947 по 1951 г. (селище (Р.Л. Розенфельдт, 1948 г.), курганы (П.И. Засурцев, 1948 – 1949 гг.), грунтовый могильник (А.Е. Алихова, 1948 г.; П.И. Засурцев, 1949 г.), городище (Р.Л. Розенфельдт, 1947 г.; П.И. Засурцев, 1951 г.)².

Сотрудниками Деснинской экспедиции проводились и разведочные работы, в результате которых были выявлены ранее неизвестные городища (Кузина Гора, Александровское, Плаксинское) и другие археологические

экспедиции 1948 г. // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 291. 144 л., 20 ил., 145 черт.; № 296, 12 л., 19 ил.

¹ Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей. Вып. 3. С. 68–69.

² Стародубцев Г.Ю. Следопыты прошлого / Г.Ю. Стародубцев // Очерки истории Курского края (от каменного века до Нового времени). Курск. 2008. С. 588.

объекты. В дальнейшем их изучением занимались А.Е. Алихова (Воеводская), П.И. Засурцев, О.Н. Мельниковская, Р.Л. Розенфельдт, др.¹

Сотрудничество музеев Центрального Черноземья с Донской (Скифской лесостепной) экспедицией ИИМК/ИА АН СССР

Еще одной академической экспедицией, с которой сотрудничали музеи Центрального Черноземья в послевоенные десятилетия, стала Донская (Скифская лесостепная) экспедиция Института истории материальной культуры, затем Института археологии АН СССР, руководителем которой с 1954 г. являлся П. Д. Либеров (1904–1983). Биографические сведения о руководителе экспедиции – ведущем исследователе Среднего Подонья второй половины 1950-х – 1960-х гг. можно почерпнуть в ряде научных публикаций, из которых наиболее подробными являются статьи В.И. Гуляева и Е.Ю. Захаровой². Учитывая вышесказанное, напомним здесь лишь наиболее значимые события из жизни П.Д. Либерова, связанные с изучением Подонья. В 1954 г. Пётр Дмитриевич был назначен руководителем внеплановой Воронежской археологической экспедиции; в 1955–1956 гг. он совмещал руководство Донским (Северо-Донецким) и Воронежским отрядами; с 1957 г. возглавлял только Воронежский отряд Лесостепной (Скифской) экспедиции, сосредоточившись на работах в Среднем Подонье. С 1962 г. отряд приобретает статус экспедиции, неизменным руководителем которой П.Д. Либеров остаётся вплоть до 1977 г. В некоторые годы в её

¹ Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII–XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края). С. 32-33; Стародубцев Г.Ю. Следопыты прошлого. С. 593-595.

² Гуляев В.И. Либеров Петр Дмитриевич (1904-1983) / В.И. Гуляев // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий. М., 2000. С.151-153, портр; Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2008. № 2. С. 62-70.

структуре выделяется до трёх отрядов, каждый из которых проводит самостоятельные работы на различных памятниках Центрального Черноземья (руководители П.Д. Либеров, В.И. Гуляев, А.И. Пузикова)¹.

На протяжении 24 лет полевых работ (с небольшими перерывами) в Среднем Подонье экспедициями во главе с П.Д. Либеровым были исследованы 14 курганных могильников (всего раскопано 130 курганов), среди которых наиболее значимыми являются раскопки могильников «Частые курганы», Мастюгино, Русская Тростянка; проведены изыскания на 6 городищах (самые масштабные работы выполнены на Волошинских городищах); исследовано 8 поселений эпохи бронзы и раннего железного века. Помимо проводимых раскопок экспедиции под руководством П.Д. Либерова осуществляли разведочные работы по среднему течению р. Дона и его притокам: Ведуге, Девице, Потудани, Тихой Сосне, Битюгу и Хопру. В результате были исследованы многочисленные памятники эпохи бронзы и раннего железа².

Для нас важно, что проводимые исследования отражали не только научные интересы участников экспедиции, но и заинтересованность местных музеев в получении ярких экспонатов. К примеру, Воронежский областной краеведческий музей выделял средства на проведение раскопок могильников «Частые курганы», у сс. Мастюгино и Левая Россошь; разведочных работ по р. Ведуга.

Сотрудничество ВОКМ с Петром Дмитриевичем начинается с 1954 г., когда были организованы охранные работы на могильнике скифского времени «Частые курганы». До 1954 г. было исследовано 20 насыпей. Материал, найденный в результате довоенных раскопок на «Частых

¹ Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона. С. 64.

² Там же. С. 62-70.

курганах», хранится в фондах Воронежского музея, Государственного исторического музея, Государственного Эрмитажа¹.

В статье С.Н. Замятина, о которой мы уже писали ранее, Сергей Николаевич пишет о перспективности дальнейших исследований «Частых курганов», а также предупреждает о возможной утрате могильника в ходе застройки его площади². Неудивительно, что судьба столь значимого памятника взволновала научное сообщество в 1954 г. О строительных работах на его площади сообщил профессор Воронежского государственного университета, член-корр. АН СССР Борис Михайлович Козо-Полянский в письме к С.Н. Замятину. Сергей Николаевич не остался равнодушным к уничтожению памятника, на котором он когда-то начинал свой путь на поприще археологии. Он написал письмо заместителю директора ИИМК Евгению Игнатьевичу Крупнову, переслав в конверте письмо Б.М. Козо-Полянского³. ИИМК быстро отреагировал на сигнал, и уже в июле для проведения охранных работ в его структуре была организована Донская (Скифская лесостепная) экспедиция, руководителем которой и стал П. Д. Либеров. Он в сопровождении лаборанта и фотографа прибыл в Воронеж в августе 1954 г. и за несколько дней ими был подготовлен глазомерный план курганной группы и проведены раскопки 5 курганов.

Работы профинансировал Воронежский областной краеведческий музей, выделив на оплату работы землекопов 1000 р.⁴. По завершении полевого сезона 1954 г., Пётр Дмитриевич планировал полностью доследовать памятник. Это подтверждает письмо С. Н. Замятина, написанное им П.Д. Либерову 22 ноября 1954 г.: «...Об этом мне и

¹ Замятин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (раскопки ВУАК 1910-1915 гг.). С. 12.

² Там же. С. 50.

³ НА ИА РАН. Ф – 18. №. 183 «З». Л. 9

⁴ Отчёт о раскопках «Частых Курганов» Воронежской экспедицией. Воронежская обл. 1954 г. // НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 1024. Л. 2.

хотелось Вам сказать. От души поздравляю Вас с успешными раскопками и рад был узнать, что Вы правильно решили продолжить исследование «Частых Курганов», довести его по возможности до конца» (см. приложение № 5)¹. На следующий год работы на памятнике возобновились. С 1955 по 1956 гг. было раскопано 17 курганов: в 1955 г. – 7 курганов; 1956 г. – 10 курганов². Таким образом, всего было исследовано 22 насыпи, 17 из которых скифского времени и 5 эпохи бронзы.

На протяжении всего времени раскопок на памятнике, ВОКМ продолжал оказывать финансовую поддержку проводимым исследованиям. В сумме музей ассигновал примерно 10000 р.³ После обработки полученных материалов, ВОКМ получил на хранение обширную и интереснейшую коллекцию эпохи раннего железного века.

Вновь к исследованию «Частых курганов» вернулись в 1981 г., когда воронежским археологом, незадолго до этого оставившего пост зав. Отделом ВОКМ, Ю.П. Матвеевым были исследованы 5 курганов. В ходе работ были обнаружены ряд погребений, сосуд раннего этапа доновожской абашевской культуры, железные топор, наконечники стрел и удила, обломки железного ножа в костяных ножнах⁴. За все время археологических изысканий было раскопано 47 насыпей, получен

¹ НА ИА РАН. Ф – 18. № 183 «3». Л. 9.

² Отчёт о раскопках курганов в группе «Частые Курганы» в 1955 г. Воронежская область. // НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 1202. 18 л.; Отчёт Воронежского отряда Донской экспедиции ИИМК АН СССР (Раскопки курганов в уроч. «Частые курганы» и поселений). 1956 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.10. 32 л.

³ Отчёт о раскопках «Частых Курганов» Воронежской экспедицией. Воронежская обл. 1954 г. 50 л. // Архив ИА РАН. Р.-1. № 1024; Отчёт о раскопках курганов в группе «Частые Курганы» в 1955 г. Воронежская область. 18 л. // Архив ИА РАН. Р.-1. № 1202; Отчёт Воронежского отряда Донской экспедиции ИИМК АН СССР (Раскопки курганов в уроч. «Частые курганы» и поселений). 1956 г. 32 л. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.10; Отчёт о работе Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции в 1957 г. 42 л. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.12; Отчёт Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИИМК АН СССР 1958 г. 76 л. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.15

⁴ Матвеев Ю.П. Исследование Курганов в черте г. Воронежа / Ю.П. Матвеев // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 70.

интереснейший материал. В настоящее время этот курганный могильник уже не существует.

Сегодня в фондах Воронежского музея хранятся три коллекционных описи с курганов №№ 11, 13, 31; отчёты о работе Лесостепной экспедиции, а в экспозиции представлено около 17 предметов, обнаруженных в ходе раскопок могильника «Частые курганы», как в дореволюционные, так и в советские годы.

После завершения раскопок могильника «Частые курганы» экспедиция под руководством П.Д. Либерова продолжила изучение края. С этого времени начинается проведение разведочных работ по выявлению и исследованию памятников скифского времени. В ходе археологических изысканий в 1957 г. была обследована обширная территория вниз по р. Дон от Воронежа до Острогожска, по рекам Девице и Потудани. Результаты разведок этого года Пётр Дмитриевич изложил в своём отчёте¹, а также в статье «Некоторые результаты разведок на Среднем Дону в сезон 1957 года», опубликованной в «Трудах Воронежского областного краеведческого музея»².

В это же время Воронежский областной краеведческий музей стал инициатором проведения раскопок курганной группы у с. Мастюгино. Начало исследований этой курганной группы было положено ещё в начале XX в. В результате грабительских раскопок местными жителями был выявлен богатый погребальный инвентарь. Это стало поводом для начала систематического исследования памятника А.А. Спицыным и Н.Е. Макаренко³. Ими было раскопано 8 курганов (А.А. Спицыным – 3 кургана;

¹ Отчёт о работе Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции в 1957 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.12. 42 л.

² Либеров П.Д. Некоторые результаты разведок на Среднем Дону в сезон 1957 г. // Труды ВОКМ. Вып. 1. 1960. С.74-86

³ Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907 – 1909 годов / Н.Е. Макаренко // Известия ИАК. Вып. 43. СПб.: Типография Гл. Управления Уделов, 1911. С.76,78;

Н.Е. Макаренко – 5 курганов). Богатство полученного инвентаря способствовало увеличению интереса местных жителей к памятнику, в результате чего хищнические раскопки были продолжены.

Стараясь не допустить полного разграбления памятника, музей инициировал проведение раскопок, выделив на работы 3770 р. и прикомандировав к экспедиции своего сотрудника – Анну Степановну Демидову¹. Экспедиция во главе с П.Д. Либеровым приступила к изучению памятника 16-17 мая 1957 г. В результате изысканий были определены курганы, раскопанные А.А. Спицыным и Н.Е. Макаренко, а также занесена на план курганная группа, на тот момент в количестве 36 курганов², при этом в 1957 г. раскопан был только один.

Работы на курганной группе у с. Мастюгино продолжались до 1962 г.: в 1958 раскопано 8 курганов; в 1959 – 3 кургана; в 1960 – 18 курганов; в 1961 – 5 курганов; в 1962 – 5 курганов. На протяжении всех лет археологических исследований Воронежский музей финансировал проводимые исследования. Согласно музейным отчётам, общая сумма, которую ассигновал музей в помощь экспедиции, составила около 18000 рублей³. По завершении археологических работ и после тщательного изучения полученных материалов, полученные результаты нашли своё отражение в отчётах П.Д. Либерова, а также в ряде статей в журнале «Советская археология»⁴, а также в журнале «Краткие сообщения

Исследования А. А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1905 год. СПб., 1908. С. 82-84.

¹ Отчёт о работе Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции в 1957 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.12. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Отчёт о работе Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции в 1957 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.12. Л. 1; Отчёт Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИИМК АН СССР 1958 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.15. Л. 1; Отчёт о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции ИА АН СССР 1959 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.20.Л. 1.

⁴ Либеров П.Д. Мастюгинские курганы и Волошинские городища // СА. 1960. № 3. С.162-170, илл; Либеров П.Д. Мастюгинские курганы (Некоторые материалы из раскопок 1959-1960 гг.) // СА. 1961. № 3. С.152-165, илл.

Института Археологии»¹, в то время как музей пополнил свои фонды множеством предметов эпохи бронзы и раннего железного века с раскопок курганной группы у с. Мастюгино. Ряд предметов сегодня представлен в экспозиции Воронежского областного краеведческого музея: глиняные сосуды, наконечники дротиков, ножи, серебряный ритон, гидрия, поясные крючки, костяная статуэтка собаки.

В 1959 г. одновременно с продолжающимися работами у с. Мастюгино экспедицией было проведено исследование курганов у с. Нижняя Ведуга Семилукского района, известное еще с дореволюционного времени по раскопкам 1912 г. М.П. Юргенсон, в результате которых было раскопано 2 кургана². В ходе исследований 1959 г. удалось изучить один курган: было выявлено 2 погребения эпохи поздней бронзы, которые сопровождались незначительным инвентарём. Полученные материалы были переданы в фонды ВОКМ в 1960 году.

Помимо плановых работ музей финансировал проведение охранных раскопок. Так, в 1963 г. ВОКМ выделил 150 р. нештатной зарплаты на исследование кургана, разрушенного строителями дороги у с. Лево́й Россоши³. В 1962 г. при строительстве дороги бульдозером была снесена насыпь кургана. При её сносе рабочие собрали некоторые вещи и кости животных из впускного погребения и передали в музей (котёл, шесть железных удил, псалии, различные бляшки, костяное кольцо). Все предметы были сложны для датировки. Весной 1963 г. в центре кургана образовался провал. Чтобы предотвратить дальнейшее разграбление, сотрудники ВОКМ приняли решение доследовать курган и довели раскоп до 0,30 м. В результате ими были обнаружены обгорелые человеческие

¹ Либеров П.Д. Статуэтка собаки из кургана у села Мастюгино // КСИА. Вып. 89. 1962. С.60-65, илл.

² Отчёт о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции ИА АН СССР 1959 г. 88 л. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.20.

³ Отчёт о работе Воронежского и Тростянского отрядов Лесостепной скифской экспедиции. 1963 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.28. 44 л.

кости, свыше 20 астрагалов мелкого рогатого скота, бронзовый кинжальчик, а также отдельные обломки лепного сосуда с примесью толчёной ракушки¹. Понимая необходимость дальнейшего изучения кургана, Воронежский областной краеведческий музей принял решение закончить работы силами Лесостепной Скифской экспедиции, сотрудники которой имели опыт охранных работ. Курган стал последним объектом, который был изучен экспедицией в 1963 году. В результате проведённых раскопок в насыпи удалось обнаружить несколько фрагментов керамики (2 обломка венчика лепного сосуда, обломок лепного сосуда баночной формы) и выявить 2 погребения: погребение 1 выполнено по обряду трупосожжения, погребение 2 по обряду трупоположения². На этом изучение кургана в 1963 году завершилось, однако П.Д. Либеров в своём отчёте сделал пометку об интересе к исследованию всего кургана. К сожалению, по имеющимся у нас сведениям, в последующие годы исследование кургана у с.левой Россоши не проводилось.

В 1962 г. некогда единый отряд экспедиции разделился на две группы: руководителем первой группы стал В.И. Гуляев, вторую возглавила А.И. Пузикова. В дальнейшем это привело к организационным изменениям в экспедиции в целом. С 1963 г. (до 1965 г.) П.Д. Либеров является начальником Лесостепной скифской экспедиции и оставляет за собой руководство Воронежским (затем Левобережным) отрядом, а группа под руководством А.И. Пузиковой выделяется в Тростянский (Острогжский) отряд этой экспедиции.

В 1965 г. экспедиция занимается раскопками курганов у с. Старая Тойда, дер. Дуровка и дер. Ильмень, продолжаются работы на городище 1 у Волошино, проводятся разведки по рекам Хопёр, Дон, Тихая Сосна.

¹ Отчёт о работе Воронежского и Тростянского отрядов Лесостепной скифской экспедиции. 1963 г. Л. 42-44.

² Отчёт о работе Воронежского и Тростянского отрядов Лесостепной скифской экспедиции. 1963 г. Л. 44.

Воронежский музей выделил 150 р. на работы, но на какие именно, по имеющимся у нас данным установить не представляется возможным¹.

В 1966 г. экспедиция работает в составе двух отрядов: «Битюгского (нач. Г.И. Корнюшин) и Хоперского (нач. Н.К. Качалова, А.И. Пузикова) и отдельной разведочной группы по р. Хопру (нач. В.И. Гуляев). В 1967 г. начальником экспедиции официально назначена А.И. Пузикова, при этом ареал работ значительно расширился и вышел за пределы Среднего Дона. Из трех сформированных в тот год отрядов только Битюгский (нач. Б.Г. Тихонов) продолжал работы, начатые под рук. Либерова, два других исследовали новые территории в Саратовской (нач. А.И. Шкурко) и Курской (нач. Ю.А. Липкинг) областях»².

1968 г. стала именоваться Воронежской лесостепной скифской экспедицией. П.Д. Либеров оставался ее начальником вплоть до 1974 г. В структуре экспедиции в 1968 г. работали три отряда: Хоперский отряд (рук. В.И. Гуляев); Острогожский отряд (рук. А.И. Пузикова); Битюгский отряд (рук. Б.Г. Тихонов).

В 1969 г. в связи со строительством Воронежского водохранилища экспедиция была преобразована в Новостроечную. Формально руководителем был назначен П. Д. Либеров, хотя в нижнем течении р. Воронеж активно работала экспедиция ВГУ под руководством А. Д. Пряхина³. На следующий год в Подонье работал только один из отрядов Лесостепной экспедиции (Хопёрский). Отметим, что в его составе был сотрудник Воронежского краеведческого музея А. Т. Синюк. Музей не финансировал проводимые в этом году раскопки, но, как мы видим, по-прежнему направлял в экспедицию своих сотрудников.

¹ Отчёт Лесостепной скифской экспедиции. 1965 г. 167 л. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №30.

² Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона. С.64.

³ Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона. С.64.

В 1971 г. музей профинансировал раскопки Воронежской лесостепной скифской экспедиции, выделив 500 р. и направив двух своих сотрудников (А.Т. Синюка, В.В. Попова) для участия в дальнейшем изучении Волошинских городищ¹. Отметим, что ранее ВОКМ не участвовал в раскопках данного памятника, хотя работы велись экспедицией П.Д. Либерова с 1958 г. при частичном финансировании Острогожским районным музеем².

В 1974 г. Воронежский областной краеведческий музей вновь выделил средства на раскопки, проводимые экспедицией, начальником которой оставался П. Д. Либеров. ВОКМ ассигновал 1300 р. на дальнейшее изучение Волошинского городища № 1 и внешнего вала³.

Подводя итог, мы можем сказать, что на протяжении многих лет плодотворное сотрудничество Воронежского музея и экспедиции, бессменным руководителем которой оставался Пётр Дмитриевич, проявилось в разных формах: музей выделял средства на проведение раскопок, таким образом, гарантируя пополнение своих коллекций интереснейшими материалами эпохи бронзы и раннего железного века; научные сотрудники музея участвовали в полевых работах, одновременно представляя интересы ВОКМ и развивая свои профессиональные навыки; сотрудники экспедиции оказывали методическую помощь музею.

В свою очередь, П.Д. Либеров, на основе полученных материалов написал первые для территории Среднего Подонья монографические исследования, посвященные проблематике эпохи бронзы и раннего

¹ Отчёт Воронежского отряда Лесостепной скифской археологической экспедиции. 1971 г. 39 л. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.40.

² Отчёт о работе Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции в 1957 г. – 42 л. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.12; Отчёт Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИИМК АН СССР 1958 г. 76 л. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.15; Отчёт о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции ИА АН СССР 1959 г. 88 л. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.20

³ Отчёт о работах Лесостепной скифской экспедиции в 1974 г. 46 л. // Архив ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.43

железного века. Им была подготовлена и защищена докторская диссертация на тему ««Древняя история населения Подонья»¹. Материалы, накопленные в результате раскопок Воронежской лесостепной скифской экспедиции, не одно поколение учёных использует для своих научных исследований².

Высоко оценивая вклад П.Д. Либерова в изучение Воронежского края на протяжении 24 лет, а также оказанную им методическую помощь, он был включён в учёный совет Воронежского областной краеведческого музея в 1973 году. Об этом сообщила ему Анна Степановна Демидова в личном письме (см. приложение № 6)³.

Важным следствием работы П.Д. Либерова явилось продолжение исследований в регионе участниками его экспедиции, в первую очередь руководителями отрядов.

В 1967 году Курский музей планировал выделить средства на изучение памятников скифского времени, располагающихся на территории курского края. В это время в ЦЧР действовала экспедиция во главе с П.Д. Либеровым. Именно Пётр Дмитриевич и предложил Анне Ивановне Пузиковой заняться изучением этого вопроса. Курский отряд был немногочисленный и состоял из двенадцати человек (А. И. Пузикова, сотрудница КОКМ Л.Я. Беляева, Ю.А. Липкинг, два студента из Москвы и семь студентов Курского государственного педагогического института (далее КГПИ)). Отряд проводил обследование городищ скифского времени и курганных групп, расположенных в пределах Обоянского и Суджанского районов. В ходе проведенных работ были выявлены курганы, относящиеся

¹ Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья. Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. (575) / Ин-т археологии АН СССР. Москва., 1971. 57 с.

² Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН, 2010. 344 с; Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. 160 с.

³ НА ИА РАН. Ф. 18. №. 183. Л. 3-4.

к эпохе бронзы, из них раскопано две насыпи в курганной группе у с. Средние Апочки (Горшеченский район), которые Анна Ивановна отнесла к срубной культуре¹.

В 1973 г. Анна Ивановна Пузикова возглавила самостоятельную Курскую (Курско-Белгородскую) экспедицию, действующую на территории некоторых районов ЦЧР до 1991 г., не считая некоторых перерывов. Особенно следует отметить роль А.И. Пузиковой в исследованиях Курской области: «Анна Ивановна сконцентрировала свои археологические изыскания на изучении памятников раннего железного века: в 1970-х были произведены разведки и раскопки на городищах около с. Жидеевка, д. Нартово, д. Переверзево; в течении нескольких полевых сезонов было полностью обследовано Марицкое городище². В эти же годы проводились археологические изыскания и на территории Белгородской области»³. Акцент делался на изучение скифских и сарматских курганных захоронений.

Плодотворные археологические исследования в 1970-е годы, при опоре на собранный материал, позволили А.И. Пузиковой выдвинуть концепцию исторического процесса в пределах Курского Посеймья в эпоху раннего железного века. Согласно выдвинутой концепции «с VI века до н.э. многие городища были заняты населением, носителями традиций лесостепных культур скифского времени, в середине V в. до н.э., под натиском носителей юхновской культуры, в сравнительно спокойной

¹ Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX – XX веках: история исследований. С. 120-121.

² Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье VI – V вв. до н.э. / А.И. Пузикова. М.: Наука, 1981. С. 100-101.

³ Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области). М., 1995; Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX – XX веках: история исследований. С. 122-124.

обстановке происходит постепенная смена населения. IV – III вв. до н.э. – время господства юхновского населения».¹

**Взаимодействие музеев Центрального Черноземья
с Южно-Русской экспедицией (Черниговской, Нижне-Донской)
ИИМК (ИА) АН СССР**

Некоторые области (Белгородская и Воронежская) рассматриваемого нами региона в 1950-1970 гг. привлекли внимание Северо-Донецкого отряда (в составе Южно-Русской, Черниговской, Нижне-Донской экспедиции), который возглавляла С.А. Плетнева. Отряд организовывал как разведочные работы, так и раскопки памятников салтово-маяцкой культуры с 1957 г. на территории Белгородской области; с 1962 г. в сферу интересов вошла Воронежская область².

На Белгородчине первым местом раскопок отряда под руководством Светланы Александровны стал Дмитриевский (Дмитровский) комплекс³. Исследователи уже начинали изучение этого комплекса – в 1951 г. И.И. Ляпушкин впервые провёл обследование городища, селища 1 и могильника. Отметим, что в отчётах И.И. Ляпушкина памятник фигурирует под другим наименованием – Добринский или Козеевский (по деревням, расположенных неподалеку)⁴. Однако, когда работа И.И. Ляпушкина была опубликована, Светлана Александровна в своих отчётах именовала комплекс Дмитриевским. С.А. Плетнёва проводила исследования комплекса на протяжении 11 полевых

¹ Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье VI – V вв. до н.э. С. 100-101.

² Захарова Е.Ю. Изучение и сохранение археологических древностей Хазарского каганата в Центральном Черноземье: вклад академических экспедиций 50 – 60-х гг. XX в. // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье» / под ред. А.З. Винникова. Вып. 6. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 93–94.

³ Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 285 с.

⁴ Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона / И.И. Ляпушкин // МИА СССР. № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 93, 106, др.

сезонов с 1957 по 1973 гг.: «вскрыта площадь около 1600 кв. м, на селище 1 – 2000 кв.м, на селище 2 – 100 кв.м, на могильнике – более 3000 кв.м»¹.

С 1962 г. начинается проведение разведок памятников салтово-маяцкой культуры на территории Воронежской области. Воронежский областной краеведческий музей проявил заинтересованность в исследованиях отряда, который нацелился на изучение Маяцкого городища, однако к его раскопкам вернулись лишь в середине 1970-х гг. Именно с этого времени на территории Дивногорья начала работу совместная Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция.

По результатам раскопок ученые-археологи выступали с инициативой создания на базе Маяцкого археологического комплекса музея-заповедника. Однако только к концу 1980-х годов данная идея начала реализовываться (об этом будет рассказано в отдельной главе работы).

За время проведения археологических изысканий на территории Воронежской и Белгородской областей отрядом было выявлено 39 памятников салтово-маяцкой культуры, а полученный материал частично пополнил фонды Воронежского и Белгородского музеев.

Совместная деятельность музеев и высших учебных заведений Центрального Черноземья

«Дело краеведов» в конце 1920-1930-х гг., военные годы плачевно сказались не только на развитии археологии в краеведческих музеях. Сложная ситуация были и в вузах. Отсутствие учебного материала, помещений, специалистов создавало тяжелые условия для возрождения археологии. Именно нехватка квалифицированных специалистов объединяла вузы и музеи. Так, в Воронеже и Курске было всего лишь по одному специалисту, которые имели представление об археологии и

¹ Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. С. 11 и сл.

обладали опытом проведения археологических исследований: Д.Д. Леонов в Воронеже; В.И. Самсонов в Курске.

В подобной ситуации значительную роль в возрождении археологии в послевоенные годы в Воронеже и создании археологической экспедиции ВГУ сыграла Анна Николаевна Москаленко, которая приехала из Саратова работать на историко-филологический факультет ВГУ. Биографии Анны Николаевны и ее вкладу в становление воронежской археологии посвящена обширная серия публикаций, к которой мы и отсылаем читателя¹, мы же остановимся непосредственно на взаимодействии Анны Николаевны с ВОКМ в ходе организации и проведении археологических изысканий в регионе. Но прежде скажем пару слов о первых самостоятельных исследованиях А.Н. Москаленко.

С 1949 г. она проводит собственные полевые исследования. Первая разведка была проведена Анной Николаевной по берегам реки Воронеж от Липецка до с. Вертячьего Хлевенского района общей протяженностью около 200 км². В результате экспедиции по левому берегу был обнаружен ряд стоянок эпохи бронзы. При их интерпретации А.Н. Москаленко вслед за Г.В. Подгаецким выделила керамику среднедонского варианта катакомбной культуры, что обусловило ее вывод о возможности расширить территорию этого варианта вверх по р. Воронеж вплоть до Липецка³. В разведочных работах Анны Николаевны в 1949 г. приняли участие и действующий сотрудник ВОКМ – Синайская Г.В., и будущий – В.А. Афонюшкин.

¹ Подборку публикаций см.: Пряхин А.Д. Пряхин А.Д. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). С. 31.

² Москаленко А.Н. Отчет к открытому листу № 11 на археологические разведки без права производства земляных работ по реке Дону и его притоках в пределах Воронежской и Сталинградской областей. 1949 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 326. 66 л. – Л. 2.

³ Москаленко А.Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону (Материалы к археологической карте Воронежской области) / А.Н. Москаленко // КСИИМК. 1952. Вып. XLIII. С.103.

В том же году местными жителями деревни Никольское, расположенной по левому берегу р. Дон в Водопьяновском районе Воронежской области (ныне Задонский район Липецкой области), при разработке глиняного карьера были обнаружены три сосуда эпохи бронзы. Уже в ближайший полевой сезон Анна Николаевна организовала небольшие по масштабам раскопки на месте находки, результатом которых стало пополнение коллекции еще двумя сосудами¹. Исследовательницей был сделан вывод, что в дер. Никольское разрушается грунтовый могильник катакомбной и срубной культур эпохи бронзы.

Подобный вывод вызвал оживленную дискуссию как по вопросу причисления памятника к могильникам, так и по культурной принадлежности и датировке найденных сосудов: «исследователи сошлись во мнении, что большинство сосудов относятся к катакомбной культуре, а некоторые сосуды можно идентифицировать не как срубную, а как абашевскую керамику»². Однако А.Х. Халиков датировал материалы первой половиной II тыс. до н.э.³, в то время как П.Д. Либеров считал, что находки относятся к более позднему времени⁴. А.Д. Пряхин согласился с принадлежностью и датировкой комплексов к катакомбной культуре, но

¹ Москаленко А.Н. Отчет об археологической разведке в дер. Никольское Водопьяновского района и на территории Гремяченского района Воронежской области в 1950 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 527. 27 л.; Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. Анна Николаевна Москаленко и археология Верхнего Дона // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 10: материалы межрегиональной научно-практической конференции «Археология в исследованиях молодых», посвященной 100-летию А.Н. Москаленко, 14 ноября 2018 года. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С.10-17.

² Бояркин М. В. Археологические исследования А.Н. Москаленко в Липецком крае / М.В. Бояркин // Верхнедонской археологический сборник: материалы межрегиональной научно-практической конференции «Археология в исследованиях молодых», 24 ноября 2017 года / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. Выпуск 9. С. 124.

³ Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР / А.Х. Халиков // МИА СССР. № 97: Абашевская культура в Среднем Поволжье. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 225.

⁴ Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы / П.Д. Либеров. М., 1964. С.113-114, 128-129.

считал, что катакомбные и абашевские материалы существовали в разное время¹.

К раскопкам Никольского могильника исследователи вернулись лишь спустя полвека в 2005 году. Работы на памятнике возобновила экспедиция Липецкого государственного педагогического университета во главе с А.Н. Бессудновым и М.В. Ивашовым. В результате раскопок было выявлено четыре детских погребения и 25 практически целых сосуда. Полевые работы не только подтвердили наличие могильника, но и позволили сделать несколько важных гипотез о мировоззренческих представлениях наших предков. В совместной брошюре М.В. Ивашова и А.Н. Бессуднова представлены итоги исследований², в том числе там имеется рисунок из отчета А.Н. Москаленко с пояснением об утрате первых находок³.

В ходе проведенного нами анализа инвентарных книг отдела «Фонды» Воронежского областного краеведческого музея и коллекции «Археология», мы обнаружили, что в фондах ВОКМ имеется четыре из пяти сосудов с Никольского могильника⁴. Было установлено, что приняты на хранение они были только в 1960 году с записью «раскопки проводились краеведческим музеем и Виноградовым». Согласно инвентарной книге один из пяти сосудов был списан.

Но вернёмся вновь к раскопкам 1950 г., проводимым А.Н. Москаленко. Этот год стал первым в исследованиях многослойного Архангельского городища: были обнаружены материалы эпохи бронзы, раннего железного века и боршевского времени (Анна Николаевна уделяла больше внимания анализу свидетельств скифского времени).

¹ Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье / А.Д. Пряхин. Воронеж, 1971. С.35.

² Ивашов М.В. Тайны древних погребений (Никольский могильник эпохи бронзы) / М.В. Ивашов, А.Н. Бессуднов. Липецк, 2007. 12 с.

³ Ивашов М.В. Тайны древних погребений (Никольский могильник эпохи бронзы). С. 3.

⁴ Бояркин М. В. Археологические исследования А.Н. Москаленко в Липецком крае. С. 125.рис 1.

В 1952 году изучение Архангельского городища возобновилось совместно с Воронежским областным музеем краеведения (от музея в раскопках участвовал сотрудник А.В. Музальков). Исследования проводились со 2 июля по 3 августа: было заложено три раскопа, а общая вскрытая площадь составила около 600 кв.м¹. Обнаруженные в ходе раскопок материалы в этом же месяце оказались в экспозиции музея, однако, как пишет в своей статье Берестнев Р.С, «записаны в книгу поступлений музея они были в разное время: 1960 г. – предметы из глины и кости; 2009 – пряслица»².

В этом же году были организованы спасательные работы у с. Платава на правом берегу р. Девицы. Ранее в ВОКМ поступали сведения о разрушении курганов в ходе возведения оросительной системы. Сотрудники музея – Е.В. Кременецкая и В.А. Афонюшкин провели первоначальное обследование, в результате которых было принято решение исследовать один из распаханных курганов. Совместную экспедицию ВГУ и ВОКМ возглавила А.Н. Москаленко. Полевые работы проходили с 3 по 13 августа, в ходе которых было выявлено «11 погребений срубной культуры, содержащих в общей сложности 17 сосудов и бронзовый нож»³. Курган у с. Платава стал первым раскопанным памятником, датируемым эпохой бронзы в бассейне р. Девицы. Предполагалось продолжить исследования, однако из-за отсутствия

¹ Москаленко А.Н. Отчет о раскопках 1952 г. в Воронежской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1952. № 723. Л. 1.

² Берестнев Р.С. «Коллекция «Археология» Воронежского областного краеведческого музея после ВОВ: формирование, комплектование, перспективы». С.345.

³ Москаленко А.Н. Отчет о раскопках 1952 г. в Воронежской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1952. № 723. Л. 12; Москаленко А.Н. Курган эпохи бронзы близ с. Платава Воронежской области // Труды ВОКМ. Вып. 1. Воронеж, 1960. С. 87 – 93.

финансирования, которое должен был предоставить Воронежский краеведческий музей, к раскопкам так и не вернулись¹.

С 1954 по 1962 гг. ВОКМ и ВГУ совместно работали на раскопках городища у хут. Титчиха. В ходе исследований был получен достаточно значительный по объёму материал, однако гораздо важнее была культурная характеристика предметов – восточнославянская культура последних веков I тыс. Было обнаружено 46 полуземляночных построек, 79 хозяйственных ям, изделия из черного металла, коллекция вещей из цветных металлов, множество костяных и каменных изделий. Кроме материалов славянского времени были выявлены свидетельства эпохи бронзы, раннего железного века.

Все находки, полученные в процессе раскопок Титчихинского городища, оказались в музее и стали частью археологической коллекции в 1960, 1978 гг.². Музейные фонды пополнили свои хранилища на более чем 800 единиц хранения, однако так как экспедиция была совместной с университетом, то «практически вся коллекция керамики и шлака была передана на хранение в археологический кабинет ВГУ (совр. Археологический музей ВГУ)³.

Когда А.Н. Москаленко только приехала в Воронеж из Саратова, наблюдалось отсутствие профессиональных археологов. Понимая необходимость решения кадрового вопроса, Анна Николаевна еще в 1948 г. организовала и возглавила археологический кружок. На протяжении многих лет существования кружка он являлся тем объединением, с которого начинали свой профессиональный путь известные краеведы

¹ Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках Архангельского городища, Гремяченского района Воронежской области. 1953 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1953. № 870. Л. 19.

² Берестнев Р.С. «Коллекция «Археология» Воронежского областного краеведческого музея после ВОВ: формирование, комплектование, перспективы». С. 345.

³ Берестнев Р.С. «Коллекция «Археология» Воронежского областного краеведческого музея после ВОВ: формирование, комплектование, перспективы». С. 346.

Центрального Черноземья (Р.Г. Демидов, А.В. Кожемякин и др.) и археологи (Л.М. Тарасов, Н.Д. Праслов, А.Д. Пряхин, А.З. Винников, А.Т. Синюк и другие). Были среди них и те, кто в разные годы работал в областном музее – В.А. Афонюшкин, М.С. Владиславская, а также А.Т. Синюк, о котором дальше и пойдет речь.

Арсен Тигранович Синюк (22.10.1939–12.11.2012) – один из лидеров воронежской археологии. Свою учебу в заочной аспирантуре ВГУ (1966–1970) Арсен Тигранович совмещал с работой в ВОКМ. Об этом периоде в жизни Арсена Тиграновича есть публикация мемуарного характера его друга и коллеги – Анатолия Захаровича Винникова¹.

Безусловно, главные свидетельства становления А.Т. Синюка как исследователя – его первые публикации и научные отчеты о полевых работах. За период студенчества – аспирантуры им было опубликовано 8 работ. Они перечислены в отзыве кафедры истории СССР досоветского периода ВГУ о диссертации, в автореферате кандидатской диссертации, вошли в библиографический указатель трудов². Их историографический анализ выходит за рамки данного исследования, здесь лишь отметим, что тематически они близки и направлены на введение в научный оборот археологических материалов, полученных непосредственно автором (соавторами) и обработанных им в музейных и частных собраниях.

В отчетах о работах экспедиции ВГУ студент, лаборант кабинета археологии, аспирант А.Т. Синюк упоминается ежегодно, начиная с 1962 г. (отчеты А.Н. Москаленко, А.Д. Пряхина). В Археологическом музее ВГУ сохранилась и фотография Арсена Синюка, участвующего в полевых исследованиях 1962 г., которая может быть прокомментирована словами А.З. Винникова из уже упомянутой статьи: «В 1962 г. мы вместе работали

¹ Винников А. З. Первые шаги в большую науку (к 75-летию Арсена Тиграновича Синюка) // Синюк А. Т. Избранные труды. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 709-724.

² Указатель научных трудов А. Т. Синюка // Синюк А. Т. Избранные труды. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 747.

в экспедиции на Титчихинском городище, где уже вполне осознанно постигали азы полевой археологической науки...»¹.

1966 годом датируется первый самостоятельный отчет Арсена Тиграновича Синюка, отражающий итоги проведенной им разведки по открытому листу № 261 (форма 3) от 3 ноября 1966 г. В результате обследования Девицким отрядом экспедиции ВГУ (А.Т. Синюк, В.П. Челяпов (студент 3 курса ВГУ), В. Астрединов (уч-ся Стрелицкой средней школы²)) правого и части левого берега р. Девицы в пределах Семилукского и Хохольского районов Воронежской области было зафиксировано 20 новых пунктов³. В том же 1966 г. А.Т. Синюк поступил в заочную аспирантуру ВГУ.

С августа 1968 г. по октябрь 1971 г. Арсен Тигранович занимал должность старшего научного сотрудника Отдела досоветской истории Воронежского областного краеведческого музея. В эти годы, с 1969 г., начинается сотрудничество А.Т. Синюка с экспедицией ИА АН СССР под руководством П.Д. Либерова⁴. Именно в ее составе в 1972 г. формируется отряд Воронежского государственного педагогического института – отряд № 2 Воронежской скифской лесостепной экспедиции⁵, от которого ведет свою историю экспедиция ВГПУ.

В 1969 г. была сформирована Воронежская новостроечная экспедиция, действующая первоначально под руководством П.Д.

¹ Винников А. З. Первые шаги в большую науку (к 75-летию Арсена Тиграновича Синюка). С. 711.

² А.Т. Синюк работал там учителем

³ Синюк А. Т. Отчет о работе Девицкого отряда археологической экспедиции Воронежского гос. университета. 1966 г. // НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 3318. 39 л.

⁴ Либеров П. Д. Отчет Воронежской археологической экспедиции ИА АН СССР о раскопках в зоне строительства водохранилища на реке Воронеж. 1969 г. // НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 3945. 23 л. № 3945а. 17 л.

⁵ Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежской лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР. 1972 г. // НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 4809. 37 л. № 4809а. – Л.1-2; Синюк А. Т. Отчет о проведении археологических работ в Острогужском и Павловском р-нах Воронежской обл. 1972 г. // НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 4846. 43 л. № 4846 а. – Л. 2.

Либерова. Однако к этому времени в регионе появились свои археологи, которые на протяжении многих лет демонстрировали высокий научный уровень проведения археологических раскопок и разведок. Возможно понимая сложившуюся ситуацию или по своим собственным причинам, Пётр Дмитриевич отказался возглавлять экспедицию. В результате руководство было возложена на Б.Г. Тихонова и А.Д. Пряхина. Новостроечная экспедиция была весьма многочисленной. Участие в раскопках приняли аспиранты ВГУ А.З. Винников и А.Т. Синюк, заместитель директора Липецкого областного краеведческого музея – Н.Н. Федосеева, сотрудник Тамбовского областного краеведческого музея Е.Н. Писарев, научный сотрудник Воронежского областного краеведческого музея В.В. Попов, члены археологического кружка ВГУ В.Сагайдак, И. Скворцов, Ю. Юрьев, А. Дегтярева, Р. Гуляева, Ю. Матвеев, а также практиканты ВГУ и ВГПИ, школьники¹.

Воронежские археологи основное внимание сосредоточили на памятниках ниже дамбы Вогрэсовского моста: Шиловское, Масловское поселения, Стрельбище. Археологические изыскания были проведены и на стоянке Университетская-3, где исследованием руководил А.Т. Синюк. В общей сложности было вскрыто 1552 кв.м. В ходе раскопок были обнаружены фрагменты и развалы более 1000 сосудов, более 260 кремневых и кварцитовых орудий, остатки жилищ². Исследования показали, что памятник является многослойным, обнаружены

¹ Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах по обследованию памятников неолита и поздней бронзы. 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1969. № 4302. Л. 1.

² Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах по обследованию памятников неолита и поздней бронзы. 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1969. № 4302. Л.121.

свидетельства эпохи неолита, энеолита, катакомбного времени, раннего железного века¹.

Материалы с этого памятника пополнили археологическую коллекцию ВОКМ, однако необходимо признать, что долгое время предметы так и оставались не записанными (фиксировать стали только с 2014 г.²).

В этот же год были проведены разведки и раскопки в других местах Воронежской области – Хохольском и Репьевском районах³. Исследования осуществлялись и на территориях Липецкой и Тамбовской областей. В данном случае отметим, что областные краеведческие музеи не просто направили своих сотрудников для участия в полевых работах, но и частично финансировали проводимые изыскания.

В Тамбовской области был исследован левый берег р. Цна от Тамбова до с. Знаменка, левый берег р. Челновая от ст. Селезни до с. Сосновка, левый берег р. Большой Ломовис в пределах с. Знаменка. Экспедиция ставила перед собой задачу не только выявления новых археологических памятников, но и определение степени сохранности уже известных по работам экспедиции ГИМа; были заложены шурфы с целью стратиграфического анализа залегания абашевской и срубной керамики⁴. Параллельно с изысканиями воронежских археологов в Тамбовской

¹ Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах по обследованию памятников неолита и поздней бронзы. 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1969. № 4302. Л. 136.

² Берестнев Р.С. «Коллекция «Археология» Воронежского областного краеведческого музея после ВОВ: формирование, комплектование, перспективы». С.346.

³ Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах по обследованию памятников неолита и поздней бронзы. 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1969. № 4302. Л. 34-54.

⁴ Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах по обследованию памятников неолита и поздней бронзы. 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1969. № 4302. Л. 2-22.

области археологические исследования проводились сотрудницей ИА АН СССР Р.Ф. Ворониной на средства, выделенные Моршанским краеведческим музеем для исследования Крюково-Кужновского могильника¹.

На территории Липецкой области экспедиция принимала участие в раскопках на Сокольском поселении вместе с сотрудниками Верхне-Донской экспедиции ИА АН СССР².

Не менее масштабными по объему выполненным работ стали и последующие два года работ воронежских археологов как в составе совместной новостроечной экспедиции в зоне строительства воронежского водохранилища, так и в рамках реализации собственных исследовательских задач.

В ходе рассмотрения деятельности Воронежской новостроечной экспедиции мы упоминали Юрия Петровича Матвеева, члена археологического кружка ВГУ. В 1971–1973 гг. Юрий Петрович являлся старшим научным сотрудником ВОКМ, а с 1974–1978 гг. занимал должность заведующего отделом досоветской истории³. С его приходом в Воронежский областной краеведческий музей наметился определённый подъём фондовой работы с археологическими коллекциями и произошла активизация полевых исследований. Все обнаруженные материалы в ходе своих раскопок он сразу же заносил в инвентарные книги музея. Также с

¹Воронина Р.Ф. Раскопки Крюково-Кужновского могильника. С.167-168; Она же. О погребальном инвентаре Крюково-Кужновского могильника/ Р.Ф. Воронина // КСИА. Вып. 128. 1971. С. 117-120.

² Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах по обследованию памятников неолита и поздней бронзы. 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1969. № 4302. Л. 23-33.

³ Исторический факультет Воронежского государственного университета: биографический справочник сотрудников 1940-2015. 2-е изд., доп. Воронеж, 2015. С.158.

1978 г. идёт активное занесение в инвентарные книги «коллекций А.Н. Москаленко, полученных при работах на Титчихе»¹.

В Курской области вплоть до середины 1980-х гг. единственным обладателем открытых листов из местных исследователей был преподаватель Юрий Александрович Липкинг (1904 – 1983)².

Сошлемся в этой связи на точку зрения С.П. Щавелева, оценившего роль Ю.А. Липкинга в областную археологию следующим образом. «Под тактичным и компетентным руководством Ю.А. Липкинга десятки первых курсов истфака, многие студенты-добровольцы... прошли археологическую практику...Он четверть века обеспечивал квалифицированной рабочей силой и собственным участием курские экспедиции М.В. Воеводского, А.Е. Алиховой, П.И. Борисковского, Э.А. Сымоновича, М.Д. Гвоздовер, О.Н. Мельниковской, А.И. Пузиковой...Ведущие московские и ленинградские археологи старшего поколения на равных сотрудничали с ним при разведках и раскопках на территории «его» области»³.

С начала 1970-х гг. совместно с ним на поприще археологии работал также преподаватель педагогического института Константин Федорович Сокол (1932 – 1993), а после смерти Ю.А. Липкинга лишь он один «смог поддержать интерес курских студентов к археологии и вырастить целый ряд перспективных молодых исследователей»⁴. Одним из учеников К.Ф. Сокола, начавшим свои самостоятельные исследования в 1980-х гг., стал Николай Алексеевич Тихомиров – первый директор Курского областного музея археологии, о котором речь пойдет в следующей главе.

¹ Берестнев Р.С. «Коллекция «Археология» Воронежского областного краеведческого музея после ВОВ: формирование, комплектование, перспективы». С. 346.

² Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей. Вып. 3. С. 77–98.

³ Щавелев С.П. Последний романтик краеведческой археологии (к 90-летию со дня рождения Ю.А. Липкинга) // РА. 1995. № 3. С. 214–215.

⁴ История изучения курских древностей. Т. 5. С. 165–168.

В Тамбовской области в начале 1970-х гг. по собственным листам в течение ряда полевых сезонов работала доцент педагогического института Лариса Ивановна Чуистова, организовавшая студенческий историко-археологический кружок. Ею был подготовлен первый сводный труд о тамбовских древностях¹, но, к сожалению, коллектив профессиональных исследователей-археологов не сформировался.

1980-е – начало 1990-х гг. стали противоречивыми в развитии музейной археологии центрального Черноземья. Областные музеи хоть и выделяли средства на проведение археологических раскопок, однако делали это уже в минимальных объёмах. В частности, ВОКМ продолжал частично финансировать работы учёных ВГУ. Например, в 1984 г. – раскопки Животинного городища (коллекции переданы в фонды ВОКМ в 1986 г.). В то же время музеи продолжают в ограниченных объёмах проводить и собственные полевые исследования. В 1988–1992 гг. экспедицией Тамбовского областного краеведческого музея произведены раскопки 15 курганов в Первомайском, Тамбовском и Жердевском районах. Воронежский музей в лице Е.В. Якименко в 1989–1992 гг. проводит изыскания на Ольшанском городище. Об этих раскопках имеется её работа в юбилейном музейном сборнике². Полученные в ходе работ материалы поступили в фонды музея, однако «коллекции в ящиках, не обработанные камерально, без полевых шифров, хранятся в музее не записанными»³.

В Курске примерно в эти же годы (1986–1988 гг.) возобновились работы в зоне будущего Курского водохранилища. В составе

¹ Чуистова Л.И. Древнейшее население Тамбовщины. Тамбов: Мичуринская гор. тип. управления изд-ств, полиграфии и книж.торговли, 1982. 114 с.

²Якименко Е.В. Исследования Воронежского областного краеведческого музея на Ольшанском археологическом комплексе салтово-маяцкой культуры в 1988-1992 гг.// Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 51-68.

³ Берестнев Р.С. «Коллекция «Археология» Воронежского областного краеведческого музея после ВОВ: формирование, комплектование, перспективы». С. 346.

новостроечной экспедиции объединили свои усилия, как столичные профессионалы, так и курские археологи¹. В результате складывается следующая ситуация: благодаря широкомасштабным работам, проводящимся уже несколько десятилетий на территории Центрального Черноземья, в фондах областных музеев накоплена громадная коллекция археологических находок, но, как правило, она остается невостребованной ни в экспозиционной, ни в выставочной деятельности, да и подлинно научный ее анализ проводится, как правило, не в стенах краеведческих музеев, а в академических археологических учреждениях, реже в вузах. Главная проблема заключается в том, что в структуре музеев по-прежнему отсутствует как самостоятельный отдел археологии, так и соответствующий масштабам приобретенных фондов коллектив сотрудников, обладающих профессиональными навыками их научной обработки.

Выход из сложившегося противоречия на местах находят либо в организации музеев археологического профиля при высших учебных заведениях (об их истории следует писать отдельно), либо в открытии музеев археологического профиля как самостоятельных учреждений культуры. В противном случае, музейная археология вступает в период стагнации.

В следующей главе мы рассмотрим развитие событий по благоприятному сценарию. Речь пойдет о выделении из состава ВОКМ в самостоятельные музеи археологического профиля музея-заповедника «Костенки» и музея-заповедника «Дивногорье», а также о возникновении в качестве филиала КОКМ «Курского археологического музея».

¹ Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX – XX веках: история исследований. С. 138–139.

Глава 5.

Предпосылки создания и начало деятельности археологических музеев региона

К середине 1980-х годов на территории Воронежской области силами крупных археологических экспедиций были исследованы выдающиеся археологические комплексы, привлёкшие внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Конечно, эти выдающиеся результаты были хорошо известны и в самом Воронеже. Уникальность исследованных памятников побудила руководителей и членов академических экспедиций при активном содействии руководства Воронежского областного музея краеведения и археологов Воронежского государственного университета выступить с идеей создания музейных комплексов непосредственно на месте проведения археологических исследований.

Идея создать музей археологического профиля в Костенках принадлежит руководителю Костенковской экспедиции, известному отечественному археологу Александру Николаевичу Рогачеву. Музеефикацию предполагалось осуществить на базе хорошо сохранившегося жилища из костей мамонта на стоянке Костенки 11. Идея получила одобрение и поддержку со стороны тогдашнего директора Воронежского областного краеведческого музея Андрея Петровича Соловьёва.

В 1967 году Воронежским облисполкомом было принято решение¹ о строительстве здания музея над древним жилищем в селе Костенки. Управление музеев и планово-финансовое управление Министерства культуры РСФСР выделило ВОКМ две ставки для филиала «Костенки» –

¹ Решение Воронежского облисполкома №4 от 4 января 1967 года «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в области» // ГАВО. Ф. 1440. Оп.88 «а». Д.189. Л.58-63.

заведующего филиалом и старшего научного сотрудника. К тому же оживлённый общественный интерес требовал еще одну ставку экскурсовода. Однако так как она не была выделена Управлением, ВОКМ предоставлял из своего состава требующуюся единицу. Кадровый вопрос А.Н. Рогачев считал наиважнейшим. По его мнению, «работа в таком специализированном музее тогда представлялась отражением той научной работы, которую вел Институт археологии, а это, в свою очередь, накладывало отпечаток на подбор кадров в музей»¹. Один из молодых сотрудников костенковской экспедиции, будущий директор музея-заповедника «Костенки» (в 2001–2013 гг.) Виктор Васильевич Попов был предложен А.Н. Рогачевым на должность экскурсовода. Также он ходатайствовал перед А.П. Соловьевым по поводу оформления на должность старшего научного сотрудника филиала Г.Н. Рощина, на должность заведующей филиалом Л.А. Михайловой, выпускницу Пермского университета, сотрудницу археологической экспедиции в Сунгире, характеризуя ее как очень добросовестного и исполнительного работника².

Таким образом, с 1967 г. филиал ВОКМ «Костёнки» начал функционировать (см. приложение № 7). Основными занятиями сотрудников того периода в летнее время было участие в археологических раскопках, а экскурсии – как специфическая музейная деятельность – выходят на первый план работы сотрудников филиала в летнее время лишь в 1980-е годы.

¹ Котлярова И.В. Филиал «Костёнки» в составе Воронежского областного краеведческого музея / И.В. Котлярова // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 3: материалы международной конференции «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный аспекты» (г. Воронеж, 20-21 сентября 2019 г.). Воронеж, 2019. С. 342.

² Котлярова И.В. Филиал «Костёнки» в составе Воронежского областного краеведческого музея. С. 342.

Однако оставалось много нерешенных проблем. Первоначально защитой открытого жилища из костей мамонта стало деревянное сооружение в виде небольшого павильона, сооруженное силами археологической экспедиции и на средства краеведческого музея осенью 1960 года.

В 1964 году директор ВОКМ А.П. Соловьев просит создать проект музейного здания. Вскоре в 1966 году проект был создан архитектором «Воронежгражданпроекта» Германом Владимировичем Здебчинским, где учитывались требования, выдвинутые Рогачевым и Соловьевым: здание, должно было быть светлым, максимально простым и не иметь опор внутри¹. Как пишет И.В. Котлярова, строительство здания музея затянулось на долгие 12 лет. Это подтверждается и данными из архива ВОКМ: в 1979 году (к 100-летию начала раскопок в Костенках) было закончено строительство здания музея, открывшегося для посетителей как филиал Воронежского краеведческого музея².

Острым оставался вопрос хранения археологических коллекций, найденных в разное время на костенковских памятниках. Он стал предметом постоянных дискуссий между основателями музея – А.Н. Рогачевым и А.П. Соловьевым. Основу будущей экспозиции нового музея должны были составить коллекции, которые хранились в ЛОИА АН СССР, и которые предполагалось передать возникшему филиалу «Костенки». Но так как в то время постройка здания музея в Костенках еще не была завершена, А.П. Соловьев отказался оставлять эти коллекции в Костенках, предложив принять их в фонды Воронежского краеведческого музея. С этим был категорически не согласен А.Н. Рогачев. Он отказался передать коллекции в фонды Воронежского музея, поскольку считал, что их

¹ Котлярова И.В. Филиал «Костёнки» в составе Воронежского областного краеведческого музея. С. 339.

² Отчёты отделов Воронежского областного краеведческого музея за 1979 год // НА ВОКМ. б/н.

законное место «в Ленинграде, где эти коллекции могли видеть специалисты из разных регионов страны, приезжающие в отраслевой институт Академии наук, а в фондах областного музея в Воронеже они окажутся «погребенными» или почти недоступными для археологов-палеолитчиков»¹.

Основой первой экспозиции музея в 1980-е годы стала археологическая коллекция только одной стоянки – стоянки Костенки 11, верхний культурный слой которой был музеефицирован. Сам А.Н. Рогачев уделял много времени вопросам построения экспозиции в будущем музее. В будущей музейной экспозиции он видел развитие следующих тем: истории первобытной культуры и древнейшей истории страны, истории первобытной техники и древнейших этапов первобытно-общинного строя, возникновения и начальных шагов искусства и религии.

После завершения строительства здания в музее была создана временная выставка «Палеолит Котенковско-Борщевского района на Дону», в основу которой легли предметы, найденные в различных культурных слоях стоянки Костенки 11.

В 1980-е гг. филиал «Костенки» начал активно принимать посетителей. С этого времени устанавливается режим его работы, сохранившийся до наших дней: апрель-октябрь.

Во второй половине 1980-х годов после ухода с поста заведующего филиалом В.В. Попова к управлению филиалом приходит Д.А. Волков, также один из участников Костенковской экспедиции.

Своей основной целью он ставит достижение независимости в деятельности музея от археологической экспедиции. С его именем связывается создание самостоятельного учреждения – Государственного

¹ Котлярова И.В. Филиал «Костёнки» в составе Воронежского областного краеведческого музея. С. 340.

археологического музея-заповедника «Костенки» – в 1991 году (см. приложение № 9).

Примерно в эти же годы происходит процесс создания археологического музея-заповедника в хут. Дивногорье, в основе которого Маяцкий археологический комплекс салтово-маяцкой культуры раннего средневековья.

Еще в ходе работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции (1975 – 1982 гг.) ученые-археологи ставили вопрос о создании на базе Маяцкого археологического комплекса музея-заповедника. В 1978 г. в своём отчёте С.А. Плетнева писала о заинтересованности Воронежского Областного Комитета КПСС и Областного Совета Депутатов Трудящихся создать «музей под открытым небом». На следующий год планировались реставрационные работы, которые так и не были начаты¹.

В результате понадобилось десять лет целенаправленных усилий С. А. Плетневой и А. З. Винникова, а затем и М. И. Лыловой, чтобы идея о создании музея-заповедника начала воплощаться в жизнь. Подробно этот сюжет уже рассмотрен в монографии Е. Ю. Захаровой и С. К. Кондратьевой².

В мае 1987 г. сотрудники Воронежского областного краеведческого музея под руководством Марины Ивановны Лыловой, ставшей впоследствии первым директором самостоятельного музея, обследовали Маяцкий могильник с целью установить степень его сохранности. В результате было решено начать проведение охранных работ на тех участках памятника, которые особенно интенсивно разрушались оврагом.

¹ НА ИА РАН. Ф.–1. Р–1. № 7207. Л. 2

² Захарова Е.Ю., Кондратьева С.К. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения). С. 183.

В ходе раскопок на могильнике, проведенных в июле-августе 1987 г., было вскрыто 448 кв.м. Это площадь примыкала к раскопам 1 и 3 Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции (1975, 1977–1980 гг.).

Работы проводились под руководством М.И. Лыловой при участии сотрудников Воронежского областного краеведческого музея, в котором она тогда работала научным сотрудником, а также студентов исторического факультета Воронежского государственного университета и студентов 2-го курса исторического факультета Липецкого государственного педагогического института (с этим вузом активно сотрудничал А.З. Винников). На исследованной территории удалось обнаружить 19 погребальных сооружений и 6 тризн.

По итогам этих раскопок был написан отчет ¹; каких-либо научных публикаций не последовало, поэтому резонанса среди исследователей они не имели. Иное дело – в административных кругах области.

Дело в том, что во время проведения работ в Дивногорье приезжал корреспондент газеты «Правда» В. Степнов, и спустя пару месяцев в центральном органе партийной печати появилась его статья «Дивногорье»². В ней автор восхищенно писал о красоте здешних мест и сетовал, что уникальные памятники Дивногорья никак не защищены от разрушения, территория до сих пор не получила статус заповедной зоны, а инициативы энтузиастов не получают поддержки у областных властей.

Статью нельзя было обойти молчанием, и она стала предметом обсуждения на одном из заседаний Воронежского Облисполкома, где начальник областного управления культуры заявил о создании в 1988 г. на территории комплекса памятников «Дивногорье» филиала Воронежского областного краеведческого музея; там же был утвержден и «План

¹Лылова М.И. Отчет к открытому листу № 732 об охранных археологических исследованиях на Маяцком могильнике в Лискинском районе Воронежской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22834. 62 л.

² Степнов В. Дивногорье // Правда. 1987. 14 ноября, № 318.

первоочередных мероприятий по охране, реставрации и музеефикации комплекса «Дивногорье» (решение Воронежского облисполкома № 676 от 17.12.1987 г.).

Согласно утвержденному плану предусматривалось и продолжение охранных археологических раскопок на Маяцком могильнике уже на следующий год – в июле-августе 1988 г. Проведены они не были. Идея же образования музея-заповедника получила дальнейшее развитие, и с 1 августа 1991 г. на базе филиала ВОКМ создается Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье» (решение облисполкома № 346 от 9.07.1991 (см. приложение № 8) г. и приказ областного управления культуры № 247а от 23.07.1991 г. (см. приложение № 9)).

Образованию музея археологии в Курске, по мнению нынешнего его директора Г.Ю. Стародубцева, способствовало несколько факторов, содержание которых он подробно раскрывает на страницах своей монографии¹. Позволим себе лишь вкратце перечислить их.

Созданная в 1988 г. усилиями археологов Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и Курска проблемная группа по программе АН СССР «Ранние общества: взаимодействие со средой, природа и история» для комплексного изучения территории Днепровского Левобережья в I – начале II тыс. н. э., ведения издательской и просветительской деятельности в первые годы развернула активную деятельность. В Курске не только проводились широкомасштабные полевые работы, но и ежегодные конференции (1988, 1989, 1991 гг.), начали издаваться сборники научных статей.

¹ Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX – XX веках: история исследований. С. 155-160.

Это позволило поставить вопрос о создании в Областном краеведческом музее самостоятельного отдела археологии, что и было осуществлено в 1990 г. Его заведующим был назначен Николай Алексеевич Тихомиров. Н.А. Тихомиров в 1979 г. окончил исторический факультет КГПИ, а спустя несколько лет начал самостоятельные полевые исследования: разведки по р. Тускарь; р. Сейм в 1984 г; охранные раскопки около с. Гочево в 1986-1987 гг. и др. В ходе проведенных работ было выявлено несколько раннеславянских поселений II –III вв. (киевская культура)¹.

Кроме Н.А. Тихомирова в отделе археологии было ещё два научных сотрудника – Владимир Васильевич Енуков и Геннадий Юрьевич Стародубцев.

Владимир Васильевич Енуков в 1982 г. окончил кафедру археологии Московского государственного университета. До приезда в Курск в конце 1980-х годов успел поработать в Смоленской археологической экспедиции МГУ (руководитель Д.А. Авдусин), Новгородской археологической экспедиции ИА АН СССР и МГУ (руководитель В.Л. Янин), Северо-Кавказской археологической экспедиции ИА АН СССР (руководители И.С. Каменецкий и А.Н. Гей), Крымской археологической экспедиции МГУ (руководитель И.В. Яценко). После приезда в Курск начал археологические исследования древнерусского Курска².

Осенью 1990 г. отдел археологии был размещён на первом этаже Нижне-Троицкого храма, где спустя некоторое время была построена экспозиция на основе материалов, полученных в ходе исследований 1980-х годов.

¹ Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX – XX веках: история исследований. С. 152.

² Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX – XX веках: история исследований. С. 160.

Между тем, в начале 1990-х гг. полевые работы в Курской области центральных научно-исследовательских учреждений (Институт археологии РАН, Институт истории материальной культуры РАН) значительно сокращаются, а в отдельных случаях и совсем прекращаются. Это было связано, в первую очередь, с практически полным отказом государства от финансирования фундаментальных исследований. На этом фоне курские исследователи не только не отказались от своих начинаний, но и последовательно стали проводить курс на выделение отдела археологии из структуры Областного краеведческого музея.

В июне 1991 г. происходит оформление Курского археологического музея, как филиала КОКМ, а спустя два года, с 29 сентября 1993 г. он был преобразован в самостоятельный музей – Курский государственный областной музей археологии, целью которого является изучение, сохранение и пропаганда археологических памятников Курского региона (см. приложение № 10). Первым директором музея стал Н.А. Тихомиров, а с 1994 г. коллектив возглавил Г.Ю. Стародубцев.

Дальнейшая история развития этих специализированных археологических музеев – это уже предмет самостоятельного исследования.

Заключение

История становления и развития археологии в краеведческих музеях Центрального Черноземья России представляет собой непрерывный процесс, охватывающий период с конца 1870-х гг. вплоть до настоящего времени. В рамках же данного исследования он ограничен началом 1990-х гг., когда появление в регионе первых специализированных археологических музеев, выделившихся из областных краеведческих (Воронежского и Курского), совпало с изменениями государственного масштаба, закономерно вызвавшими резонанс и в музейном деле.

Последние десятилетия XIX – первые десятилетия XX вв. стали временем открытия губернских музеев в регионе и развертыванием их деятельности, в том числе и в области археологии. В это время начинает оформляться организационная система взаимодействия центра и провинций в деле выявления, учета, изучения и охраны памятников старины.

Существенная роль в ее реализации на местах принадлежала объединениям любителей старины сначала в рамках статистических комитетов, а затем учёных архивных комиссий. Необходимо подчеркнуть роль этих учреждений в создании губернских музеев. Для Воронежа и Курска именно активность членов статкомитета способствовала реализации идеи открытия в губернском городе музея. Тамбов в этом плане был городом-первопроходцем для Центрального Черноземья – предполагали, что к открытию ТУАК в 1884 г. уже будет действовать музей, так и произошло. В любом случае, и члены статкомитетов Воронежа и Курска (ставшие в дальнейшем членами ВУАК и КУАК), и члены ТУАК в конце XIX столетия накопили достаточно предметов древностей для создания первых археологических отделов и экспозиций в музеях.

Краеведы собственными силами проводили полевые археологические исследования на территории родных губерний, налаживали коммуникативные связи с коллегами из других регионов, приглашали именитых столичных археологов для помощи в интерпретации полученных материалов, организовывали постоянные археологические экспозиции и выставки.

В качестве основного итога дореволюционного этапа мы можем констатировать наличие в губерниях Центрального Черноземья в первые десятилетия XX века динамично развивающейся в организационном и познавательном аспектах музейной археологии на основе личной инициативы местных краеведов при содействии столичных археологов.

В первые послереволюционные годы работа новой власти по вопросу создания законодательства по охране и сохранению памятников старины вывело существующие музеи Центрального Черноземья на другой уровень – они стали государственными учреждениями с регулярным финансированием. Ликвидация ученых архивных комиссий сделала именно губернские музеи краеведческими центрами, в которых активно развивалось изучение родного края, в том числе и на основе археологических исследований. В это же время появляются и кратковременные возможности для получения исторического образования на местах, что также благотворно сказывалось на развитии музейной археологии.

Превращение музеев в краеведческие центры имело не только положительные последствия. В конце 1920-х годов, когда музеи региона активно проводили полевые работы, как свои собственные, так и в сотрудничестве со столичными деятелями, местное археолого-краеведческое сообщество подверглось разгрому. В ходе этих событий музеи Центрального Черноземья лишились ведущих своих специалистов, а само исследовательское археологическое направление в деятельности

музеев надолго заняло одно из второстепенных мест в советской модели краеведческого музея.

Следующие тридцать лет археологическая деятельность музеев региона была ограничена периодическими самостоятельными раскопками, однако в большей степени музеи были заняты финансированием столичных экспедиций, рассчитывая при этом на пополнение своих фондов, а также обеспечивая получение профессиональных археологических навыков своим единичным научным сотрудникам в ходе работ экспедиций.

Силами столичных археологов происходит введение в научный оборот археологических материалов с территории Центрального Черноземья практически всех эпох от палеолита до позднего средневековья. Они становятся базой для написания первых монографий (П.П. Ефименко, Н.П. Третьяков, П.Д. Либеров и др.), защиты первых диссертационных исследований по археологии региона (Г.В. Подгаецкий, П.Д. Либеров и др.). Подобное сотрудничество музеев и столичных археологов положительно сказалось, прежде всего, на научно-фондовой деятельности музеев.

Формирование научной археологической школы в Воронеже, регионального исследовательского центра в Курске, изучение на территории этих областей археологических памятников мирового значения в конечном итоге привело к созданию в регионе в начале 1990-х годов музеев собственно археологического профиля: музеев-заповедников «Костенки» (Воронежская область) и «Дивногорье» (Воронежская область), а также Курского государственного областного музея археологии. Этот факт стал закономерным итогом развития музейной археологии в предыдущие десятилетия.

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы

Рукописный отдел научного архива

Института истории материальной культуры РАН

(РО НА ИИМК РАН)

Ф. 1 (ИАК)

1899 г. Д. 66: О древностях, найденных при раскопке кургана в с. Мазурки Новохоперского уезда Воронежской губернии. 41 л.

1907 г. Д. 56: О раскопках свящ. Зверева в Острогожском у., Воронежской губ. 31 л.

1909 г. Д. 38: О раскопках ВУАК. 114 л.

Ф. 2 (ГАИМК)

Оп. 1. 1935 г. Д. 78: Отчет Валукинского об обнаруженной стоянке на новостройке на левом берегу р. Воронеж в Сталинском районе гор Воронежа у нового железобетонного моста.

Оп. 1. 1936 г. Д. 371: Материалы Воронежской археологической экспедиции: описи, переписка. 188 л.

Ф. 35 (ИИМК)

Оп. 1. 1937 г. Д. 35: Рыбаков Б.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1937, 1939 гг. на Гочевском городище (Курская область).

Оп. 1. 1938 г. Д. 140: Отчет Валукинского по обследованию стоянки на левом берегу Инютинки близ пос. Отрожка г. Воронежа. 11 л.

Оп. 2д. Д. 146, 147: Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону.

Ф. 5 (А.А. Спицын)

Д. 90: Спицын А. Поездка в Воронежскую губернию в 1905 и 1906 гг. 15 л.

Д. 169: Описание предметов древности, доставленных А. А. Спицыным из раскопок 1906 г. в Воронежской губернии. 1 л.

Д. 191: Описание предметов древности, доставленных А. А. Спицыным из раскопок 1905 г. в Воронежской губернии. 1 л.

Научный архив Института археологии РАН (НА ИА РАН)

Борисковский П.И. Отчет о работе Костенковского палеолитического отряда ИИМК АН СССР. 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1660. 27 л., 34 ил.

Борисковский П.И. Отчет о работе Оскольского палеолитического отряда ИИМК АН СССР в 1958 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1805. 27 л., 16 ил.

Борисковский П.И. Отчет о рекогносцировочных раскопках палеолита в г. Курске 2 – 4 ноября 1962 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2526. 12 л., 7 ил.;

Воеводский М.В. Отчет о работе Деснинской экспедиции. 1946 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 72. 77 л., 33 ил.

Воеводский М.В. Отчет о полевых работах Деснинской экспедиции 1947 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 156. 87 л., 15 ил., 35 черт.

Воеводский М.В., Алихова А.Е., Розенфельдт И.Г., Засурцев П.И., Мельниковская О.Н. Отчет о работе Деснинской экспедиции 1948 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 291. 144 л., 20 ил., 145 черт.; № 296, 12 л., 19 ил.

Левашева В.П. Отчет об археологическом обследовании в Воронежской области по р. Битюгу от г. Боброва до устья Битюга, произведенном в августе 1947 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 142. 30 л., 18 ил.

Левашева В.П. Отчет о раскопках, произведенных летом 1949 г. близ с. Красный Хутор на р. Мечетке в Хреновском районе Воронежской

области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 286. 17 л.; № 287. 15 л., 52 ил.; № 288. 13 черт.

Левенок В.П. Археологический отчет к разведкам на Верхнем Сейме и Среднем Дону (в пределах Курской и Воронежской областей) в 1958 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1709. 39 л.

Лылова М.И. Отчет к открытому листу № 732 об охранных археологических исследованиях на Маяцком могильнике в Лискинском районе Воронежской области в 1987 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 22834. 62 л.

Ляпушкин И.И. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции в 1948 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 263. 98 л.; № 264. 65 л., 67 ил.

Москаленко А.Н. Отчет к открытому листу № 11 на археологические разведки без права производства земляных работ по реке Дону и его притоках в пределах Воронежской и Сталинградской областей. 1949 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 326. 66 л.

Москаленко А.Н. Отчет об археологической разведке в дер. Никольское Водопьяновского района и на территории Гремяченского района Воронежской области в 1950 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 527. 27 л.

Москаленко А.Н. Отчет о раскопках 1952 г. в Воронежской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 723. 53 л.

Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках Архангельского городища, Гремяченского района Воронежской области. 1953 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 870. 51 л.

Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках на Титчихинском и Воргольском городищах. 1961 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2285. 98 л.

Попова Т.Б. Отчет о раскопках в Тамбовской обл. 1956 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1295. 27 л., 158 илл.

Попова Т.Б. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции в 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1491. 17 л., № 1491а. 23 л., 23 илл.

Попова Т.Б. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции за 1958 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1733. 16 л., № 1733а. 22 л., 22 илл.

Попова Т.Б. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции 1959 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1908. 19 л., 57 илл.

Попова Т.Б. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции ГИМ 1960 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2099. 8 л., № 2099а. 27 л., 27 илл.

Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах по обследованию памятников неолита и поздней бронзы. 1969 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 4302. 319 л.

Синюк А.Т. Отчет о работе Девицкого отряда археологической экспедиции Воронежского гос.университета. 1966 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3318. 39 л.

Синюк А. Т. Отчет о проведении археологических работ в Острогожском и Павловском р-нах Воронежской обл. 1972 г. // НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 4846. 43 л. № 4846 а.

Фосс М.Е. Отчет о работе Лесостепной экспедиции в 1953 г. в Мичуринском районе Тамбовской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 828. 17 л., № 829. 19 л., 34 ил.

Отдел письменных источников

Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)

Ф. 431 (Василия Алексеевича Городцова)

Оп. 1. Ед. хр. 78, 201, 292.

Ф. 487 (Марии Евгеньевны Фосс)

Ед. хр. 2, 96, 101, 102, 104, 110, 147, 155

Государственный архив Воронежской области (ГАВО)

Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 592, 822, 955; Ф. 33. Оп. 3. Д. 12624; Ф. Р – 904.
Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 6, 9, 10, 11, 17, 18.

Государственный архив Тамбовской области (ГАТО)

Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 360; Ф. 178. Оп.1. Д. 8; Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 360.

Государственный архив Курской области (ГАКО)

Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 2; Ф. Р-3139. Оп.1. Д. 16, 17, 148.

**Научный архив Воронежского областного краеведческого музея
(НА ВОКМ)**

Замятнин С.Н. Отчёт о раскопках Подгоровского могильника Валуйского уезда Воронежской губернии 1926 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп. 1. № 1 (фрагмент).

Либеров П.Д. Отчёт Воронежского отряда Донской экспедиции ИИМК АН СССР (Раскопки курганов в уроч. «Частые курганы» и поселений). 1956 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.10. 32 л.

Либеров П.Д. Отчёт о работе Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции в 1957 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.12. 42 л.

Либеров П.Д. Отчёт Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИИМК АН СССР 1958 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.15. 76 л.

Либеров П.Д. Отчёт о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции ИА АН СССР 1959 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.20. 88 л.

Либеров П.Д. Отчёт о работе Воронежского и Тростянского отрядов Лесостепной скифской экспедиции. 1963 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.28. 44 л.

Либеров П.Д. Отчёт Лесостепной скифской экспедиции. 1965 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.30. 167 л.

Либеров П.Д. Отчёт Воронежского отряда Лесостепной скифской археологической экспедиции. 1971 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.40. 39 л.

Либеров П.Д. Отчёт о работах Лесостепной скифской экспедиции в 1974 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп.1. №.43. 46 л.

Объяснительная записка контролёру-ревизору управления министерства финансов СССР по ВО бывшего директора ВМК Гончарук А.Ф., 1949 г. // НА сектора учёта ВОКМ. П. 11. Д. 1. Л. 34-34 об.

Отчёты отделов Воронежского областного краеведческого музея за 1979 год // НА ВОКМ. б/н.

Опубликованные источники

Акиньшин А.Н. Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х годов) / А.Н. Акиньшин // Вопросы истории. – 1992. – № 6-7. – С. 173–178.

Акиньшин А.Н. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) / А.Н. Акиньшин // Русская провинция. – Воронеж, 1992. – С. 208–235.

Акиньшин А. Н. Археолога убила революция // Воронежский курьер. – 1997. – 27 декабря.

Акиньшин А.Н. Археолог Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958). Воронежские страницы биографии / А.Н. Акиньшин // Исторические записки. – Вып. 8. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 207–214.

Акиньшин А.Н. Николай Иванович Второв (1818–1865) / А. Н. Акиньшин // Московский журнал. История государства Российского – исторический журнал. – 2018. – № 9 (333). – С. 76–85.

Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919–1956 гг.: Указатель. – М.: Наука, 1962. – 263 с.

Валукинский Н.В. Разведки в Воронеже (1935 г.) / Н.В. Валукинский // Советская археология. – IV. – М.-Л., 1937. – С. 308–312.

Валукинский Н.В. Археологические раскопки около Воронежа / Н.В. Валукинский // Исторический журнал. – 1938. – № 6. – С. 111–112.

Валукинский Н.В. По следам древних предков / Н.В. Валукинский. – Воронеж, 1940. – 55 с.

Валукинский Н.В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа / Н.В. Валукинский // Советская археология. – X. – 1948. – С. 291–301.

Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии / Л.Б. Вейнберг. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1891. – 106 с.

Векилова Е.А. Летопись работ Костенковской палеолитической экспедиции (1922–1976 гг.) / Е.А. Векилова // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л.: Наука, 1977. – С. 208–215.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): Т. 1-6 / С.А. Венгеров. Т. 5. – СПб.: Семен. типо-лит. (И. Ефрона), 1897. – 202–206.

Воронежский телеграф. – 1899 – № 25; 1902. – №№ 8, 117; 1903. – № 36; 1910. – №№ 113, 120; 1911. – №№ 2, 76, 125, 261, 279; 1912. – №№ 47, 88; 1914. – №№ 29, 57, 90, 109, 169, 228.

Воронеж // Известия ЦБК. – № 1. – 1925. – С. 18.

Воронина Р.Ф. Раскопки Крюково-Кужновского могильника / Р.Ф. Воронина // АО 1969 г. – М.: Наука, 1970. – С.167–168.

Воскресенский Н.В. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей»: Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников Т. 1 / Н.В. Воскресенский. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1888. – 623 с.

Городцов В.А. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. / В.А. Городцов // Советская археология. – Т. IX. – 1947. – С. 13–27.

Данилевич В. Е. Отчет о раскопках Курской ученой архивной комиссии в Курском уезде в мае и июне 1907 г. / В.Е. Данилевич // Труды Курской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. I, ч. 1. – Курск, 1911. – С. 127–130.

Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова / Собр. Н. И. Второвым, К. О. Александровым-Дольником. – Воронеж, 1852. – Кн. 2. – Отдел 4. – С. VIII.

Дьяконов П.А. Описание предметов, хранящимся в Тамбовском историческом музее / П.А. Дьяконов. – Тамбов: Тип. Губернского правления, 1889. – 16 с.

Дьяконов П.А. Каталог историко-этнографического музея / П.А. Дьяконов. – Тамбов: Тип. Губернского правления, 1895. – 11 с.

Е. А. Куровский как устроитель музея // Воронежские губернские ведомости. – 1910. – № 21.

Ефименко П.П. Древнерусские поселения на Дону / П.П. Ефименко, П.Н. Третьяков // МИА СССР. – 1948. – № 8. – 128 с.

Журналы заседаний Совета ВЦИАК и Общих собраний комитета // Воронежская старина. – Воронеж, 1903. – Вып. 1. – Отдел II. – С. 1–50.

Замятнин С.Н. По поводу археологической карты Воронежской губернии / С.Н. Замятнин // Воронежский историко-археологический вестник. – 1921. – Вып. 1. – С. 43–47.

Замятнин С. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах (Извлечение из дневников) / С.Н. Замятнин // Воронежский историко-археологический вестник. – 1921. – Вып. 2. – С. 35–39.

Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края: (каменный и бронзовый век в Воронежской губернии) / С.Н. Замятнин. – Воронеж, 1922. – 16 с.

Замятнин С.Н. Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне и июле 1925 г. / С.Н. Замятнин // Известия Воронежского Краеведческого Общества. – № 2. – Воронеж, 1925. – С. 19–21.

Замятнин С.Н. Инструкция для изучения первобытных древностей / С.Н. Замятнин // Воронежский краеведческий сборник. – Вып. 2. – Воронеж, 1925. – С. 41–44.

Замятнин С.Н. Первая находка палеолита в долине Сейма / С.Н. Замятнин // КСИИМК. – Вып. 8. – 1940. – С. 96–101.

Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем: (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) / С.Н. Замятнин // Советская археология. – Т. VIII. – 1946. – С. 9–50.

Зверев С.Е. Материалы по археологии Дона (находки монет и предметов религиозного культа, относящихся к древнейшим временам по XII в. включительно) / С.Е. Зверев // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1894. – С. 194–200.

Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1899 году / С.Е. Зверев. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1900. – 24 с.

Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1900 году / С.Е. Зверев. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1901. – 24 с.

Зверев С.Е. Воронеж на XII Археологическом съезде / С.Е. Зверев // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. – Вып. 2. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1904. – С. 147–157.

Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1901–1903 годах / С.Е. Зверев. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1905. – 26, 16, 12 с.

Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1905 году / С. Е. Зверев. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1908. – 30 с.

Зверев С. Е. Отчёт Воронежской ученой архивной комиссии. 1910 – 1 дек. 1911 / С.Е. Зверев. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1912. – 32 с.

Зверев С. Е. Отчет состоящей под Августейшим Его императорского Величества государя Императора покровительством ВУАК. Четырнадцатый год существования (1913 г. – 1 декабря 1914 г.) / С.Е. Зверев. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1915. – 32 с.

Историки Курского края. Биографический словарь / Сост., отв. ред. С.П. Щавелев. – Курск: КГМУ, 2009. – 468 с.

Исторический факультет Воронежского государственного университета: биографический справочник сотрудников 1940–2015. 2-е изд., доп. – Воронеж: ВГУ, 2015. – 280 с.

Клировая ведомость о службе С.Е. Зверева (Предисловие, публикация и комментарии А.Н. Акиньшина) // Церковь и ее деятели в истории России. Межвуз. сб. науч. трудов. – Вып. 2. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 151–158.

Комитет по постройке Воронежского Губернского Музея // Вестник постройки Воронежского Губернского Музея. 1910. № 1.

Ларин Н.Н. Краткий историко-археологический обзор Борисоглебского уезда / Н.Н. Ларин // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 56. – Ч. 1. – С. 263–268.

Ларин Н.Н. Археологические находки в окрестностях с. Ростоши Борисоглебского уезда / Н.Н. Ларин // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 58. – С. 269–271.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М: Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 38: март-июнь 1919. – 1963. – 579 с.

Либеров П.Д. Некоторые результаты разведок на Среднем Дону в сезон 1957 г. / П.Д. Либеров // Труды ВОКМ. – Вып. 1. – 1960. – С. 74–86.

Либеров П.Д. Мастюгинские курганы и Волошинские городища / П.Д. Либеров // СА. – 1960. – № 3. – С. 162–170.

Либеров П.Д. Мастюгинские курганы (Некоторые материалы из раскопок 1959–1960 гг.) / П.Д. Либеров // СА. – 1961. – № 3. – С. 152–165.

Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы / П.Д. Либеров. – М.: Наука, 1964. – 208 с.

Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья. Автореферат дис. ... д.и.н. – М., 1971. – 57 с.

Манцевич А.П. Мастюгинские курганы по материалам из собраний Государственного Эрмитажа / А.П. Манцевич // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып. 15. – Л., 1973. – С. 12 – 46.

Матвеев Ю.П. Исследование курганов в черте г. Воронежа / Ю.П. Матвеев // АО 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С. 70.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова / Под ред. А.П. Смирнова. – Моршанск: Издание Моршанского краеведческого музея, 1952. – 232 с.

Милютин А.И. Следы древнего поселения близ с. Подклетного Воронежского уезда / А.И. Милютин // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. XIX – XXII.

Москаленко А.Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону (Материалы к археологической карте Воронежской области) / А.Н. Москаленко // КСИИМК. – 1952. – Вып. XLIII. – С. 99–107.

Москаленко А.Н. Курган эпохи бронзы близ с. Платава Воронежской области / А.Н. Москаленко // Труды ВОКМ. – Вып. 1. – Воронеж: Центрально-Черноземное изд-во, 1960. – С. 87–93.

Николаевский М.Ф. Археологические находки и исторические достопримечательности в Шацком уезде / М.Ф. Николаевский // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 56. – Ч. 1. – С. 75 – 76.

Николаевский М.Ф. Историко-археологические наброски о Шацком уезде / М.Ф. Николаевский // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 56. – Ч. 1. – С. 72 – 74.

Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии / А.Н. Норцов // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 50. – Ч. 2. – С. 59 – 100.

Орлов А.А. Стоянка каменного века на р. Осколе / А.А. Орлов // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. 143 – 146.

Основные положения о построении экспозиции областных, краевых, республиканских (АССР) и крупных районных краеведческих музеев [Текст]: Положение об областном, краевом, республиканском (АССР) краеведческом музее / Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете министров РСФСР. – М., 1949. – 24 с.

От редакции // Известия Центрального бюро краеведения. № 1. – Ленинград, 1925. – С.1–4.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1899 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1902. – 183 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1905 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1908. – 129 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1906 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1909. – 151 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1909 и 1910 годы. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1913. – 289 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1911 год. – Петроград: Типография Главного Управления уделов, 1914. – 123 с.

Первая областная конференция по изучению производительных сил Центрально-Черноземной области: г. Воронеж, 10–13 июля 1924 г.: краткий отчет / Под ред.: Б. А. Петерс, С. Н. Введенского. – Воронеж: Изд-во союза обществ и организаций по изучению производительных сил ЦЧО, 1924. – 25 с.

Плетнёва С. А. Подгоровский могильник // Советская археология. – 1962. – № 3. – С. 241–251.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М.: Наука, 1989. – 288 с.

Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1971. – 214 с.

ПСЗРИ. – Собрание второе. – СПб., а–Т. XXXV. – Отд. 2. Ст. – 36453. – С.506.

Покровский Н.А. Об образовательном значении музеев: По поводу открытия музея в городе Тамбове / Н.А. Покровский. – СПб., 1880. – 71 с.

Попытка создания ученой архивной комиссии в Воронеже в 1886 году: Письмо И. Е. Андреевского А. А. Марину // Исторические записки. Вып. 5. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 240–242.

Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье VI – V вв. до н.э. / А.И. Пузикова. – М.: Наука, 1981. – 120 с.

Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области) / А.И. Пузикова. – М.: Индрик, 1995. – 80 с.

Резолюция съезда «Принципы и формы массовой политпросветработы в музее» // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. – М.: Этерна. – С.665–669.

Рождественский Т. Музей церковного историко-археологического комитета / Т. Рождественский // Воронежский телеграф. – 1903. – № 36.

Розанов М.Г. Археологическая карта Тамбовской губернии и объяснительная записка к ней / М.Г. Розанов, В.А. Проскурников // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 26. – Тамбов, 1890. – С. 34–55.

Рыков П.С. Северо-восточные границы радимичей (Раскопки курганного могильника близ с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии) / П.С. Рыков // Ученые записки Саратовского университета. – Т. 1. Вып. 3. – Саратов, 1923. – С. 39–53.

Савелов Л.М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении / Л.М. Савелов // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. – М., 1905. – Т. 1. – С. 157 – 168.

Самоцветов А.И. Каталог предметов, хранящихся в музее состоящей под высочайшим его Имп. Величества Государя Императора покровительством Тамбовской ученой архивной комиссии / А.И. Самоцветов. – Тамбов, 1916. – 12 с.

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М: Госюриздат, 1956. – 500 с.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства за 1917–1920 гг. // Систематический сборник важнейших декретов. – М., 1920. – 268 с.

Соловьев Л.Н. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска / Л.Н. Соловьев // Известия Курского губернского общества краеведения. – 1927. – № 4. – С. 12–33.

Соловьев Л.Н. Маршрут экскурсии на Шуклинское городище / Л.Н. Соловьев // Известия Курского губернского общества краеведения. – 1928. – № 2. – С. 7–10.

Степнов В. Дивногорье / В. Степнов // Правда. – 1987 г. 14 ноября. – № 318 (25305).

Тевяшов В.Н. Отчет о раскопках в Острогожском уезде в 1900–1901 годах / В.Н. Тевяшов // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 1. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1902. – С. 93–114.

Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов / Рос. социал.-демократ. рабочая партия. – Петербург, 1918. – 99 с.

Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Т. I. – Воронеж, 1902. – 150, 229, LXVIII с.

Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Т. II. – Воронеж, 1904. – XVII, 86, 158, 170, LXXVI с.

Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Т. IV. – Воронеж, 1908. – 71, 170 – 416, XLIV, XCVIII с.

Труды Курского губернского статистического комитета. – Вып. I. – Курск: Типография Губернского Правления, 1863. – 584 с.

Труды Курского губернского статистического комитета. – Вып. IV. – Курск: Типография Губернского Правления, 1874.

Труды Курской Губернской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. I. – Курск: Тип. Курск. губерн. земства, 1911. – III, 320, 150 с.

Труды Седьмого Археологического съезда в Ярославле. 1887 / Ред. П.С. Уварова. – М., 1891. – Т. 2. – 356 с.

Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 / Ред. П.С. Уварова. – Т. 1. – М., 1905. – IV, 771 с.

Труды XIV Археологического съезда в Чернигове / Ред. П.С. Уварова. – Т. 3. – М., 1911. – 469, 136 с.

Центрально-Черноземный экономический район // Большая энциклопедия: В 62 томах. Т. 57. – М.: ТЕРРА, 2006. – С. 220–221.

Черменский П.Н. Краеведческая работа в Тамбовской губ. / П.Н. Черменский // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – № 1. – Тамбов, 1925. – С. 8 – 9.

Черменский П.Н. Новая находка костей мамонта // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – № 1. – Тамбов, 1925. – С. 24.

Черменский П. Н. Археолог-любитель. Петр Емельянович Кудинов-Федоров / П.Н. Черменский // Бюллетень областного бюро краеведения Центрально-Черноземной области. – Воронеж: [б. и.], 1929. – 32 с.

Щавелёв С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930 – 1931 годов (Курский «филиал») / С.П. Щавелев. – Курск: КГМУ, 2007. – 272 с.

Эпизоды из культурной и общественной жизни Воронежского края по документальным источникам (1919–1926 гг.). Публ., предисл. и коммент. О. Г. Ласунского; примеч. А. Н. Акиньшина // Из истории Воронежского края: Сб. статей. Вып. 11 / Отв. ред. А. Н. Акиншин. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2003. – С. 201–204.

Юбилей священника С. Е. Зверева // Исторический вестник. – СПб., 1910. – Апрель. Т. СХХ. – С. 385.

Якушкина М.М. Личный архив М.Е. Фосс в Отделе письменных источников Государственного исторического музея // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 770–780.

Литература

Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919 – 2014 гг.). – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. – 416 с.

Акиншин А. Н. «Воронежский дворец» // Подъем. – 1984. – № 1. – С. 117-120.

Акинъшин А.Н. Два века воронежского краеведения: люди, труды, события: Краткий обзор / А.Н. Акинъшин, О.Г. Ласунский. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 59 с.

Акинъшин А.Н. Исторический факультет: вехи истории /А.Н. Акинъшин, М.Д. Карпачёв // Исторический факультет Воронежского государственного университета. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 9–54.

Акинъшин А.Н. Воронежское отделение Московского археологического института (1920–1923 гг.) / А.Н. Акинъшин, В.А. Алленова, И.Е. Сафонов // Исторические записки. Вып. 10. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С.129–161.

Акинъшин А.Н. Воронежское дворянство в лицах и судьбах / А.Н. Акинъшин, О.Г. Ласунский. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 430 с.

Акинъшин А. Н. Воронежское губернское краеведческое общество 1920-х гг./ А.Н. Акинъшин // Шестые всероссийские краеведческие чтения / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. – М.: Издательский центр «Краеведение», 2012. – С. 31–38.

Акинъшин А. Н. Первое студенчество Воронежского университета. Архивная мозаика // Университетская площадь. – 2013. – № 6. – С.13-14.

Акинъшин А.Н. Центральное Черноземье в биографии и исследованиях Марии Евгеньевы Фосс / А.Н. Акинъшин, А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова // Самарский научный вестник: научный журнал. – 2019. – Т. 8. № 2 (27). – С. 93–101.

Акинъшин А.Н. Изучение локальной истории в Краеведческом музее в первый век его существования (1894–1994 гг.) / А.Н. Акинъшин // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 3: материалы международной конференции «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный

аспекты» (г. Воронеж, 20–21 сентября 2019 г.) / под общ. ред. Р.С. Берестнева. – Воронеж: ВОКМ, 2019. – С.7–11.

Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – нач. XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия / В.А. Алленова. – Рязань: Трибунский, 2002. – 380 с.

Алленова В.А. История тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.) / В.А. Алленова, Ю.А. Мизис. – Тамбов: ТГУ, 2002. – 438 с.

Афонюшкин В. А. Древний чёлн из села Щучье Воронежской области / В.А. Афонюшкин // Труды Воронежского государственного университета. – Т. 52. – Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 1958. – С. 81–89.

Беззубова О.В. Некоторые аспекты теоретического осмысления музея как феномена культуры/ О.В. Беззубова // Триумф музея? – СПб.: «Осипов», 2005. – С.6–27.

Берестнев Р.С. Коллекция «Археология» Воронежского областного краеведческого музея после Великой Отечественной войны: формирование, комплектование, перспективы / Р.С. Берестнев // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 3: материалы международной конференции «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный аспекты» (г. Воронеж, 20-21 сентября 2019 г.) / под общ. ред. Р.С. Берестнева. – Воронеж: ВОКМ, 2019. – С. 344–347.

Бессуднов А.А. В.П. Левенок и его роль в выявлении и изучении древностей эпох палеолита и мезолита в Подонье / А.А. Бессуднов, А.Н. Бессуднов // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк: ЛГПУ, 2006. – С. 21–25.

Бессуднов А.А. ЛОИИМК-ЛОИА АН СССР и археологическое изучение Верхнего Подонья (по результатам исследований В.П. Левенка) / А.А. Бессуднов, Е.Ю. Захарова // Історія археології: дослідники та наукові

центри: Археологія і давня історія України. Вип. 9. – Київ, 2012. – С. 31–34.

Бессуднов А.Н. Всеволод Протасович Левенок: штрихи к портрету археолога / А.Н. Бессуднов, А.Д. Пряхин // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк: ЛГПУ, 2006. – С. 5–7.

Бессуднов А.Н. Об эффективности сотрудничества археологов и липецких краеведов (из архивного наследия В.П. Левенка) / А.Н. Бессуднов // Історія археології: дослідники та наукові центри: Археологія і давня історія України. Вип. 9. – Київ: ІА НАН України, 2012. – С. 35–36.

Бессуднов А.Н. Провинциальный археолог М.П. Трунов: до и после Октябрьской революции / А.Н. Бессуднов // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. – М.: ИА РАН, 2017. – С. 9–12.

Бессуднов А.Н. Анна Николаевна Москаленко и археология Верхнего Дона / А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова // Верхнедонской археологический сборник: материалы межрегиональной научно-практической конференции «Археология в исследованиях молодых», посвященной 100-летию А.Н. Москаленко, 14 ноября 2018 года. – Выпуск 10. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018.– С.10 –17.

Бояркин М.В. Археологические исследования А.Н. Москаленко в Липецком крае / М.В. Бояркин // Верхнедонской археологический сборник: материалы межрегиональной научно-практической конференции «Археология в исследованиях молодых», 24 ноября 2017 года / отв. ред. А.Н. Бессуднов. – Выпуск 9. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017.– С. 124–127.

Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX веке / М.В. Бояркин // Известия

Самарского научного центра Российской Академии Наук. – 2018. – № 3. Ч. 2. – С. 544–548.

Бояркин М.В. Коллекция древностей В. Н. Тевяшова в фондах Воронежского областного краеведческого музея / М.В. Бояркин // I Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1–4 февраля 2018 г., Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции / Отв. ред. С.Э. Зубов. – Самара: Самарский университет, 2018. – С. 111–114.

Бояркин М.В. Место археологии в проектах организации губернских музеев Центрального Черноземья России (вторая половина XIX – нач. XX вв.) / М.В. Бояркин // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов международной науч.-практ. конференции, посв. 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко (г. Белгород 14-16 декабря 2017 года) / отв. ред. В.А. Сарапулкин. – Белгород: ИД «Белгород НИУ «БелГУ», 2018. – С. 541–546.

Бояркин М.В. Из истории исследования памятников салтово-маяцкой культуры у с. Подгоровка Валуйского уезда Воронежской губернии: документы и коллекция ВОКМ / М.В. Бояркин // Верхнедонской археологический сборник: материалы межрегиональной научно-практической конференции «Археология в исследованиях молодых», посвященной 100-летию А.Н. Москаленко, 14 ноября 2018 года / отв. ред. А.Н. Бессуднов. – Выпуск 10. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – С. 155–158.

Бояркин М.В. Археология в деятельности Воронежского краеведческого музея (1894–1918 гг.) / М.В. Бояркин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2019. – № 3. – С. 33–36.

Бояркин М.В. Археология в деятельности Воронежского краеведческого музея (о сотрудничестве с академическими экспедициями)

/ М.В. Бояркин // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 3: материалы международной конференции «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный аспекты» (г. Воронеж, 20–21 сентября 2019 г.) / под общ. ред. Р.С. Берестнева. – Воронеж: ВОКМ, 2019. – С. 124–128.

Бояркин М.В. О сотрудничестве Воронежского областного краеведческого музея с П.Д. Либеровым / М.В. Бояркин // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 1.

Бухтоярова И.М. Сергей Николаевич Замятнин и его вклад в изучение палеолита. Автореф. дис... к.и.н. / И.М. Бухтоярова. – СПб., 2013. – 22 с.

Волков В.А. Саратовская ученая архивная комиссия и охрана памятников археологии в Нижнем Поволжье / В.А. Волков // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 7. – Саратов, 2006. – С. 111–121.

Второв Н.И. О заселении Воронежской губернии / Н.И. Второв // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб.: М. Де-Пуле и П. Глотова, 1861. – С. 246–272.

Гарданов В.К. Музейное строительство в РСФСР (1917–1920 гг.) / В.К. Гарданов, Ю.В. Кононов // Вопросы истории. – 1955. – № 4. – С. 117–123.

Генинг В.Ф. Очерки истории советской археологии (У истоков формирования марксистских основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х гг.) / В.Ф. Генинг. – Киев: Наукова думка, 1982. – 226 с.

Генинг В.Ф. Археология древностей – период зарождения науки (конец XVIII – 70-е гг. XIX в.) / В.Ф. Генинг, В.Н. Левченко. – Киев, 1992. – 65 с.

Городцова Ю.Н. Коллекция средневековых древностей из раскопок М.П. Трунова в фондах Воронежского областного краеведческого музея / Ю.Н. Городцова // I Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1–4 февраля 2018 г., Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. – Самара: Самарский университет, 2018. – С. 295–298.

Годунова Л. Н. Органы управления музейным делом в СССР. 1917–1941 гг. / Л. Н. Годунова // Музейное дело в СССР. Вып. 19. – М.: изд-во Центрального музея Революции СССР, 1989. – С. 13–42.

Голубинов В.В. Мой семейный археолог Ольга Викторовна Милорадович (1907–1996) / В.В. Голубинов // Музей и революция 1917 года в России: судьба людей, коллекций, зданий (из цикла Музей и война): сборник докладов всероссийской конференции, 15–17 ноября 2017 г. – Екатеринбург, 2017. – С. 48–52.

Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. – М.: ГИМ, 2014. – 304 с.

Грицкевич В.П. История музеев мира / В.П. Грицкевич, А.А. Гужаловский. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2003. – 282 с.

Грицкевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века / В.П. Грицкевич. 2-е изд., испр. и доп. – СПб: СПбГУКИ, 2004. – 406 с.

Гуляев В.И. С.Н. Замятнин и П.Д. Либеров и их вклад в изучение памятников скифской эпохи на Среднем Дону / В.И. Гуляев // Археология Черноземного Центра России: история исследований, историография. Материалы регион. научн. конф. – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 63–65.

Гуляев В.И. Либеров Петр Дмитриевич (1904-1983) / В.И. Гуляев // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 151–153.

Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). – М.: ИА РАН, 2010. – 344 с.

Енуков В.В. «Городи Посемьские»: древнее Липино / В.В. Енуков, О.Н. Енукова // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999. – С. 179–182.

Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания / С.А. Жебелев. – Пг.: Наука и школа, 1923. – 200 с.

Засурцев П.И. Липинское городище / П.И. Засурцев, Н.К. Лисицына // Славяне и Русь. Сборник в честь 60-летия Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1968. – С. 46–54.

Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2008. – № 2. – С. 62–70.

Захарова Е.Ю. Роль А.А. Спицына в становлении археологии Воронежского края / Е.Ю. Захарова // Российская археология. – 2009. – № 3. – С. 148–152.

Захарова Е.Ю. Археологическая деятельность С.Е. Зверева / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2010. – № 1. – С. 13–22.

Захарова Е.Ю. Археологические занятия Владимира Николаевича Тевяшова / Е.Ю. Захарова // Восточноевропейские древности: сб. науч. трудов. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – С. 4–14.

Захарова Е.Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятина в Воронежском губернском музее / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2014. – № 2. – С. 48–53.

Захарова Е.Ю. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.). Автореф. дисс....д. и. н. / Е.Ю. Захарова. – Воронеж, 2015. – 40 с.

Захарова Е.Ю. Изучение и сохранение археологических древностей Хазарского каганата в Центральном Черноземье: вклад академических экспедиций 50 – 60-х гг. XX в. / Е.Ю. Захарова // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье» / под ред. А.З. Винникова. – Вып. 6. – Воронеж: Научная книга, 2016. – С. 91–94.

Захарова Е.Ю. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) / Е.Ю. Захарова, С.К. Кондратьева // Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Вып. 2. – Воронеж: Кварта, 2011. – 216 с.

Захарова Е.Ю. «Работа велась так интенсивно и была так тяжела...»: о музейной археологии в Воронежской губернии 1920-х годов .../ Е.Ю. Захарова, М.В. Бояркин // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2019. – С. 23–24.

Зверев М.С. С.Е. Зверев, его семья и культурная жизнь Воронежа конца XIX века – первых лет Советской власти // Воронежский краеведческий сборник: Из истории культуры края. – Воронеж, 1985. – С. 124–144.

Златоустова В.И. Музейное дело в России / В.И. Златоустова, С.А. Каспаринская, Г.А. Кузина // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / Рос. институт культурологии МК РФ, РАН. – М.: Прогресс, Рипол Классик, 2001. – 847 с.

Ивашов М.В. Тайны древних погребений (Никольский могильник эпохи бронзы) / М.В. Ивашов, А.Н. Бессуднов. – Липецк, 2007. – 12 с.

Императорская Археологическая Комиссия (1859 - 1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. – Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – 1192 с.

Карпачев М. Д. Воронежский университет: вехи истории. 1918–2013. Изд. 2-е, испр. и доп. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2013. – 560 с.

Кашина Е. А. Долблёная лодка с Дона в экспозиции Государственного исторического музея: история находки и проблема датировки / Е.А. Кашина // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. – Т. 45, № 1. – С. 76–82.

Кашина Е.А. Ископаемые долблёные лодки Центрального Черноземья: историографический аспект / Е.А. Кашина, Е.И. Гак, А.В. О कोरोков // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 11. – Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. – С. 532–540.

Кашкин А.В. О локализации древнерусского города Липовичска / А.В. Кашкин // Липецк: начало истории. – Липецк: Голос, 1996. – С. 52–59.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии / Л.С. Клейн. – СПб., 1993. – 128 с.

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время / Л.С. Клейн. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 704 с.

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 2. Археологи советской эпохи / Л.С. Клейн. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 640 с.

Козлов В. Ф. Центральное бюро краеведения (ЦБК) как руководящий орган краеведческого движения в 1920-е гг. / В.Ф. Козлов // Шестые всероссийские краеведческие чтения / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М.: Издательский центр «Краеведение», 2012. – С.16–30.

Котлярова И.В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX-первая треть XX вв.). / И.В. Котлярова. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. – 163 с.

Котлярова И.В. Филиал «Костёнки» в составе Воронежского областного краеведческого музея / И.В. Котлярова // Труды Воронежского

областного краеведческого музея. Вып. 3: материалы международной конференции «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный аспекты» (г. Воронеж, 20–21 сентября 2019 г.) / под общ. ред. Р.С. Берестнева. – Воронеж: ВОКМ, 2019. – С.339–343.

Краеведческая хроника. 1. Археологические разведки в Воронежской губ. // Воронежский краеведческий сборник / О-во для изучения Воронеж. края. – Вып. 2. – Воронеж: Тип. губсоюза, 1925. – С. 46–47.

Кривошеин Н.В. Петр Николаевич Черменский: жизнь и деятельность выдающегося краеведа / Н.В. Кривошеин, Ю.А. Рыжков. – М.: «Древлехранилище», 2011. – 314 с.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / О.А. Кривцова -Гракова // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 46. – 1955. – 162 с.

Крупенков А.Н. Белгородский музей краеведения (1920–30-е годы) / А.Н. Крупенков // Белгородский краеведческий вестник / Отв. ред. А.И. Папков. – Вып. 4. – Белгород: «Везелица», 2004. – С. 5–13.

Курский край: История изучения курских древностей. В 20 томах. Т. 5 / А.В. Зорин, Г.Ю. Стародубцев, А.Г.Шпилев. – Курск: КГПУ, 2000. – 392 с.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. / Г.С. Лебедев. – СПб.: СПбГУ, 1992. – 464 с.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона / И.И. Ляпушкин // МИА СССР. – № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 85 – 150.

Мартынов А.И. Краеведческий музей как научный центр региона / А.И. Мартынов // Теория и практика музейного дела в России на рубеже

XX-XXI веков: сборник статей / Труды Государственного Исторического музея. – Вып. 127. – М.: ГИМ, 2001. – С. 109–117.

Махрачев С.Ф. История музейного дела в Тамбовской области: учебное пособие / С.Ф. Махрачев. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – 156 с.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. / А.П. Медведев. – М.: Наука, 1999. – 160 с.

Моисеев Н.Б. Археологические исследования в Тамбовском крае / Н.Б. Моисеев. – Тамбов: ТГУ, 1999. – 54 с.

Монгайт А.Л. Археология в СССР / А.Л. Монгайт. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 436 с.

Музееведение. Музеи исторического профиля / под ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. – М.: Высшая школа, 1988. – 431 с.

Музейная экспозиция. Теория и практика: сб. науч. тр. / отв. ред.-сост. М.Т. Майстровская. – М., 1997. – 365 с.

Музейное дело России. Под ред. Каулен М.Е. (ответственный редактор), Коссовой И.М., Сундиевой А.А. – М.: Издательство «ВК», 2003. – 614 с.

Музеефикация памятников истории и культуры Курского края: прошлое, настоящее, будущее: материалы 1-х Гордеевских научно-практических чтений, посвященных 110-летию Курского областного краеведческого музея, г. Курск, 6 мая 2013 г. / Отв. ред. И.М. Плаксин. – Курск: КОКМ, 2013. – 106 с.

Очерки истории музейного дела в СССР. – Вып. I–VII. – М.: НИИ музееведения, 1957–1971.

Первая областная конференция по изучению производительных сил Центрально-Черноземной области: г. Воронеж, 10–13 июля 1924 г.: краткий отчет / Под ред.: Б.А. Петерс, С.Н. Введенского. – Воронеж: Изд-

во союза обществ и организаций по изучению производительных сил ЦЧО, 1924. – 25 с.

Первушкин В.И. Становление и развитие провинциального краеведения в России во второй трети XIX – начале XX века: Автореф. дисс...д.и.н. / В.И. Первушкин. – Пенза, 2008. – 54 с.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века / Н.И. Платонова. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 316 с.

Поликарпов Н. Историческая записка о Воронежском губернском музее / Н. Поликарпов // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 год. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1896. – С. 33–56.

Поташкина Н.А. Деятельность воронежских краеведов по исследованию исторических древностей края (конец XIX – начало XX вв.) / Н.А. Поташкина. Автореф. дисс...к.и.н. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – 23 с.

Природа и история Тамбовской области в памятниках материальной культуры. 1937–2007: сб. ст. Первых обл. музейных краевед. чтений, 12 сент. 2007 г. / отв. за вып. В.П. Кудинов. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2007. – 116 с.

Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг) / А.Д. Пряхин. – Воронеж: ВГУ, 1986. – 286 с.

Пряхин А.Д. Археологи уходящего века / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 168 с.

Пряхин А.Д. Археологическое изучение черноземного центра Российской Федерации: этапы региональной археологии / А.Д. Пряхин // России черноземный край. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – С. 98–114.

Пряхин А.Д. Проблемы эпохи бронзы доно-донецкого региона в научном наследии В.А. Городцова (первые десятилетия XX столетия) /

А.Д. Пряхин, И.Е. Сафонов // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 16: Археология в Российских университетах. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 49–70.

Пряхин А.Д. История отечественной археологии. Ч. 1: Русская дореволюционная археология / А.Д. Пряхин. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 185 с.

Пряхин А.Д. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.) / А.Д. Пряхин. Книга 1. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. – 140 с.

Равикович Д.А. Музеи местного края во II половине XIX – начале XX вв. (1861–1917) / Д.А. Равикович // Очерки истории музейного дела в России. – Вып. II. – М.: «Советская Россия», 1960. – С. 145–223.

Разгон А.М. Изучение и научное описание памятников материальной культуры / А.М. Разгон, Н.П. Финягина. – М.: Советская Россия, 1972. – 271 с.

Размустова Т.О. Музей и историческое краеведение (на материалах краеведческих музеев Центрально-Черноземного региона) / Т.О. Размустова: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 23 с.

Размустова Т.О. Краеведческий музей как один из культурных центров русской провинции (на материалах Тамбовского и Липецкого музеев) / Т.О. Размустова // Наш край Тамбовский: материалы к обл. научно-практической конференции краеведов. – Тамбов, 1989. – С. 95–96.

Самсонов В.И. Раскопки на Гочевском городище / В.И. Самсонов // Литературный альманах. – Кн. 2. – Курск, 1940. – С. 277.

Сапанжа О.С. Теория музея и музейности: историографический обзор и историческая типология / О.С. Сапанжа. – СПб.: Экспресс, 2011. – 97 с.

Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. / Д.В. Серых. – Казань: Отечество, 2014. – 188 с.

Синицын О.В. Исторические музеи России в дореволюционной историографии / О.В. Синицын, К.Р. Синицына // Вестник ТГГПУ. – 2008. – № 3 (14). – С. 4–10.

Синюк А.Т. Поселение эпохи неолита у станции Отрожка / А.Т. Синюк // Труды ВГУ. Т. 64: Из истории Воронежского края. – Воронеж: ВГУ, 1966. – С. 107–114.

Скобелкин О.В. Воронежский церковный историко-археологический комитет и его издание «Воронежская старина» / О.В. Скобелкин // Из истории города Воронежа. – Воронеж: ВГУ, 1984. – С. 115–124.

Смирнов А.П. Вступление / А.П. Смирнов // Материалы по истории мордвы VIII – XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. – Моршанск: Издание Моршанского краеведческого музея, 1952. – С. 7–8.

Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). – М.: Институт археологии РАН, 2011. – 592 с.

Соболев В. С. Академия наук и краеведческое движение / В.С. Соболев // Вестник РАН. – 2000. – Т. 70. № 6. – С. 535–541.

Стародубцев Г.Ю. Исследование археологических памятников Курского края в XIX – XX веках: Автореф. дисс... к.и.н. / Г.Ю. Стародубцев. – Брянск, 2006. – 22 с.

Стародубцев Г.Ю. Следопыты прошлого / Г.Ю. Стародубцев // Очерки истории Курского края (от каменного века до Нового времени). – Курск, 2008. – С. 565–603.

Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX – XX веках: история исследований / Г.Ю. Стародубцев. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. Saarbrücken. Deutschland, 2012. – 230 с.

Сташенков Д.А. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина: история и современность / Д.А. Сташенков // Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина: история и современность. – Самара: СНЦ РАН, 2011. – С. 5–30.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки / И.Л. Тихонов. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 332 с.

Тихонов И.Л. Археология в Музее антропологии и этнографии Академии наук в XIX – начале XX вв. / И.Л. Тихонов // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). – М.: Гриф и К, 2010. – С. 665–677.

Тихонов И.Л. Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г.Е. Кизерицкий / И.Л. Тихонов // Мнемон. – Вып. 11. – СПб.: СПбГУ, 2012. – С. 419–438.

Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.). Автореф. дисс...д.и.н. / И.Л. Тихонов. – СПб., 2013. – 54 с.

Туманова А.С. Общественная жизнь Тамбова в начале XX века / А.С. Туманова, С.В. Туманова // Очерки истории культуры Тамбовского края / Под ред. В.Н. Окатова. – Тамбов, 1993. – С. 105–119.

Турьинская Х. М. Музейное дело в России в 1907-1936 годы / Х. М. Турьинская. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. – 122 с.

Труды Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника: сборник научных статей. – Вып. 1–3. Рязань: РИАМЗ, 2004–2015.

Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России: Первые книги / А.А. Формозов. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии / А.А. Формозов. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки / А.А. Формозов. – М.: Знак, 2006. – 344 с.

Хаберкорн Т. Центральное бюро краеведения и Воронежский государственный историко-культурный музей в 1920-е гг. / Т. Хаберкорн // Из истории воронежского края: Сборник статей. – Вып. 25 / Отв. ред. А. Н. Акинъшин. – Воронеж: ЦЧКИ, 2018. – С. 118–127.

Хабибуллина А.Р. Деятельность земств по развитию статистики в Курской губернии / А.Р. Хабибуллина, С.С. Юрченко // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 325–328.

Цуканова В.Н. Вопросы классификации музейных предметов / В.Н. Цуканова // Музейное дело: сборник научных трудов. – Вып. 25: Проблемы теории, истории и методики музейной работы. – М., 2000. – С. 222–244.

Цупко Т. Липецкий краеведческий музей / Т. Цупко. – М.: Белый город, 2005. – 64 с.

Чесноков В.И. Воронежский статистический комитет и его краеведческая деятельность в дореформенное время / В.И. Чесноков // Воронежский краеведческий сборник: Из истории культуры края. – Воронеж: ВГУ, 1985. – С. 70–100.

Чесноков В.И. Воронежское краеведение на Всероссийских археологических съездах / В.И. Чесноков, И.В. Чесноков // Русская провинция. – Вып. 2. – Воронеж, 1995. – С. 109–135.

Чуистова Л.И. Древнейшее население Тамбовщины / Л.И. Чуистова. – Тамбов: Мичуринская гор. тип. управления изд-ств, полиграфии и книж.торговли, 1982. – 114 с.

Шестова С.Н. Воронежский Государственный Историко-Культурный Музей (Краткий исторический очерк) / С.Н. Шестова // Сборник Воронежского Государственного Историко-Культурного Музея. – Вып. I. – Воронеж: Тип. Губсоюза, 1925. – С. 3–32.

Шоков А.Ф. Неолитические находки на Дону / А.Ф. Шоков // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXVI. – Воронеж: ВГПИ, 1958. – С. 181–187.

Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. – Вып. 2: «Золотой век» губернского краеведения: 1860-е – 1910-е гг. / С.П. Щавелёв. – Курск: КГМУ, 1997. – 140 с.

Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. – Вып. 3: Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920-е – 1950-е гг.) / С.П. Щавелёв. – Курск: КГМУ, 2002. – 200 с.

Щавелёв С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII – XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края) / С.П. Щавелёв. Автореф. дисс...д.и.н. – Курск: КГМУ, 2002. – 42 с.

Щавелёв С.П. Последний романтик краеведческой археологии (к 90-летию со дня рождения Ю.А. Липкинга) / С.П. Щавелёв // РА. – 1995. – № 3. – С. 214–215.

Щавелёв С.П. Первооткрыватель палеолитического Авдеева: Владимир Иванович Самсонов (1886–1964) / С.П. Щавелёв // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 11. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. – С. 509–522.

Якименко Е.В. Исследования Воронежского областного краеведческого музея на Ольшанском археологическом комплексе салтово-маяцкой культуры в 1988–1992 гг. // Труды Воронежского областного краеведческого музея. – Вып. 2. – Воронеж: ВОКМ, 1994. – С. 51–68.

Список сокращений

АН СССР – Академия наук СССР

АО – Археологические открытия. М.

ВГВ – Воронежские губернские ведомости

ВГПИ/У – Воронежский государственный педагогический институт/университет

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВГСК – Воронежский губернский статистический комитет

ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей

ВУАК – Воронежская ученая архивная комиссия

ГАВО – Государственный архив Воронежской области

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГАКО – Государственный архив Курской области

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области

ГИМ – Государственный исторический музей

ГУБОНО – Губернский отдел народного образования

ЖМВД – Журнал министерства внутренних дел

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

ИА – Институт археологии

ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ИМАО – Императорское Московское археологическое общество

ИРАО – Императорское Русское археологическое общество

ИРГО – Императорское Русское географическое общество

КГСК – Курский губернский статистический комитет

КГПИ/У – Курский государственный педагогический институт/университет

КГМУ – Курский государственный медицинский университет

КГУАК – Курская губернская ученая архивная комиссия

КОКМ – Курский областной краеведческий музей

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ

ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РА – Российская археология

РАН – Российская Академия наук

РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

СА – Советская археология

СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ТГГПУ – Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

ТГСК – Тамбовский губернский статистический комитет

ТУАК – Тамбовская ученая архивная комиссия

ЦЧКИ – Центрально-Черноземное книжное издательство. Воронеж

Приложения¹

Приложение № 1

Проект устава Воронежского Губернского Музея, при Статистическом Комитете // НА ВОКМ, Инв. № ВОМ 13630

1. Воронежский Губернский Музей состоит при Воронежском Губернском Статистическом Комитете для изучения Воронежского края в его прошлом и настоящем во всех отношениях (Полож. о Губ. Ст. Ком. Св. Зак. Т. II, гл. 3, ст. 607 (изд. 1892); Дир. М. Вн. Дел, 1861 г. № 21, Б (по изд. Д. Чудовского. СПб. 1873 г., стр. 309), а равно и для распространения познаний об этом крае.

2. В видах достижения указанных целей, Музей собирает и хранит имеющиеся археологические и вообще научное значение предметы, исторические акты, рукописи, печатные труды о Воронежской губернии, местные издания, портреты замечательных деятелей и уроженцев губернии и т. п., – с надлежащего разрешения производит раскопки, наблюдения, устраивает выставки, чтения, издает книги.

3. Для непосредственного заведывания и управления всеми делами Музея Статистический Комитет избирает из своих членов, специально занимающихся предметами, входящими в состав коллекций Музея, особую Комиссию и Хранителя Музея.

Примечание. Член-Секретарь Статистического Комитета и Член-Хранитель Музея, по званию своему, состоят членами этой Комиссии.

4. Лица, оказавшие или могущие оказать Музею услуги, а также известные своими трудами по изучению Воронежской губернии,

¹ Орфография, пунктуация и стиль документов в основном сохранены; внесены незначительные исправления для приведения в соответствие с нормами современного правописания.

избираются Статистическим Комитетом в почетные члены Музея или – в члены сотрудники, с выдачею дипломов на это звание.

5. Средства Музея составляются из:

- 1) ежегодного пособия из сверхштатных сумм Статистического Комитета
- 2) пособий от земств и городов Воронежской губернии
- 3) пожертвований от учреждений и частных лиц.

Кроме того Музей пользуется бесплатно помещением с отоплением от города Воронежа, по постановлениям Воронежской Городской Думы от 26 октября 1892 года и от 9 ноября 1893 года.

Приложение № 2

Отчет об организации и работе музея за 1922–1923 гг. // ГАВО. Ф. Р-904.

Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.–4.

11. Основных отделов Музея четыре.

I. Отдел первобытных древностей с подотделами: а) каменный век, б) бронза, в) железо.

Он занимает одну залу с площадью пола в 17,14 кв.саж. Начало положено было в первые дни жизни Музея, в девяностых годах, путем пожертвований и случайных находок. С 1903 по 1912 год производились специальные разведки, рекогносцировки и раскопки, хотя и не удовлетворяющие высоких специалистов, но давшие Музею значительный материал, в котором можно разобраться и на основании которого можно иметь представление о доисторическом прошлом местного края. Отдел этот наиболее интересен и важен. Хорошо представлен палеолит с его стоянками в Костенках и неолит близ села Шелаева. Достаточно выявлена «салтовская» культура предметами с Маяцкого городища с фигурами и надписями на камнях, предметами домашнего обихода и двумя

деформированными черепами. Скифо-сарматская культура представлена раскопками из урочища «Частые курганы» близ г. Воронежа, откуда извлечен в 1912 году известный серебряный чеканный сосуд с 3-мя парами скифов, находящийся теперь в Эрмитаже, и большое количество бронзовых предметов, украшенных орнаментом звериного стиля. Культура кочевников – одна витрина: с оружием, украшениями, сосудами и каменная баба. Всего 102 планшета и 139 отдельных предметов, из которых 99 сосудов.

Из поступлений отчетного года следует отметить: два бронзовых браслета, один финского и один славянского типа, найденные в истекшем году сотрудниками Музея во время археологической разведки, один бронзовый кельт и один каменный топор, а также группа мелких кремневых скребков и осколков кремня.

Приложение № 3

Дневник Отчёт о раскопках Подгоровкого могильника Валуйского уезда Воронежск[ой] губ[ернии], в 1926 г. // НА ВОКМ. Ф. Археология. Оп. 1. № 1 (фрагмент). [Рукопись С.Н. Замятина]

Раскопки могильника у хут. Подгоровки были вызваны необходимостью предотвращения его от разрушения.

История его открытия такова. Осенью 1925 г. местн[ый] учитель краевед И.М. Кочетов сообщил Воронежскому музею об обнаружении и расхищении крестьянами древних погребений у слоб. Саловки Вейделевск[ого] района Валуйск[ого] уезда. Тогда же Ворон[ежским] Музеем был командирован на место находки н[аучный] сот[рудник] Д.Д. Леонов, которым были собраны на месте 2х (3х ?) разрушенных погребений, а также от крестьян – характерная керамика, украшения и бытов[ые] предметы Салтовской культуры.

Летом 1926 г. от И.М. Кочетова вторично поступило сообщение, что после дождей опять обнаружались погребения, которые разрушаются пастухами.

Ввиду этого Воронежск[ий] музей ~~об-во краеведения~~ срочно изыскав средства решил (о) произвести исследование ~~угрожаемых~~ подвергающихся опасности ~~разрушения~~ гибели погребения и предложил мне эту работу.

Раскопки были произведены в течение 8 дней (16-23 августа) С.Н.Замятниным при непосредственном участии хранителя Ворон[ежского]Музея Т.М. Олейникова.

Могильник расположен на высоком правом берегу р. Ураевой (приток Оскола), напротив слободы Саловка (Федоровки), у крайних дворов хут. Подгоровки.

Высокий правый берег Ураевой сложен из мела и прикрывающих его лессовидных суглинков. Берег этот прорезан целым рядом глубоких и крутых оврагов, выходящих к реке. На участках возвышенности между оврагами, почти повсюду, на поверхность выходит меловая толща, тянущаяся полоской вдоль реки, смытые же суглинки образуют покровы склонов.

Участки, на которых сохранилась толща суглинка резко выделяются издали.

На одном из таких участков, образующем узкий мысок между двумя оврагами и были обнаружены погребения (Местность эта носит у крестьян название «Желтая круча»)

По осыпи юго-западного склона возвышенности «Желтой Кручи» были заложены четыре траншеи**.

** Глубина которых, в участках наиболее удаленных от склонов достигала 3-3,20 м.

В траншеях было обнаружено пять камерных могил*.

*Несколько отступая от склона (к вост[оку] от камер № 4 и 5) были заложены еще 2 траншеи (№ V и VI), в которых обнаружены были еще 2 камеры (обрезы корридоров камер ~~были обнаружены~~ прослежены на глуб[ину] 30 см, общая же глубина их была доведена в среднем до 50-60 см.

Все семь камер, ~~также как и следующие две камеры вырытые в добавочных траншеях~~ оказа, были вырыты в глине и обнаружены засыпанные землей (лишь в одной камере № 4 дно которой было углублено несколько в ея толщу мела, обнаружена была над погребением пустота, хотя все же свод камеры обвалился, образуя на дне ее груды глины, до 1,50 м высоты).

Благодаря обвалу ~~нетожа~~ камер сохранность костей, а также железных предметов – весьма плохая.

Камера № 1 – частично повреждена раскопками пастухов
в Камер[ы] № 2,3 и 6 – потревожены были в древности.

Совершенно сохранными оказались лишь камеры 4,5 и 7.

Камеры №№ 4-7 ориентированы одинаково по длин[ой] оси в напр[авлении] СВ-ЮЗ, с направл[ением] корр[идоров] СЗ-ЮВ.; кам[еры] 2 и 3 предст[авляют] отклонение от этой ориентации. (Отклонение это позволяет предположить, что при ориентации погребений руководились скорее не сторонами света, а направлениями падения склона, с которым совпадают направления корридоров всех камер.

Остальная картина погребений такова: [конец рукописи].

Приложение № 4

*Акт передачи коллекций Воронежского краеведческого музея
Джамбульскому областному музею краеведения (3 ноября 1941 г.)
// НА ВОКМ. Б. н.*

Копия

АКТ

3 ноября 1941 г. составлен настоящий акт с одной стороны директор Обл[астного] Музея Краеведения Воронежской области, пред. МК Воронежского музея и зав. учебной частью Гребенникова и с другой стороны представитель Джамбульского Обл[астного] Музея Краеведения т. Балан по доверенности № 2158 в том, что директором Воронежского музея Ельчаниновым сдано 63 количество ящичков с музейными ценностями музея на хранение.

Директор Воронежского музея

Краеведения	подпись	/Ельчанинов/
-------------	---------	--------------

Пред. МК	подпись	/Крошицкий/
----------	---------	-------------

Зав. учебной частью	подпись	/ Гребенникова/
---------------------	---------	-----------------

Директор Джамбульского

музея	подписи нет	/Балан/
-------	-------------	---------

Шестьдесят три ящика музейных ценностей Обл[астного]

Воронежского Музея Краеведения получил

3/XI – 41 г.

Директор Джамбульского

музея

подписи нет

Приложение № 5

*Письмо С.Н. Замятнина П.Д. Либерову
// НА ИА РАН. Ф–18. № 183 «3». Л. 9, 9об.*

Многоуважаемый Пётр Дмитриевич!

Очень жалею, что, будучи проездом в Москве, не смог повидать Вас и Ваших коллекций из раскопок на «Частых курганах», о которых некоторые подробности знаю только со слов О.В. Милорадович¹.

Т.к. я имел некоторую причастность (совершенно косвенную как передаточная инстанция) к возбуждению вопроса об организации раскопок в порядке охраны в этом году, я хотел бы Вам сообщить некоторые подробности, м.б, Вам неизвестные, на которые следует по-моему обратить внимание.

Сигнал о разрушении скреперами насыпей на Частных курганах при расширении аэропорта был дан профессором Воронежского Университета чл.-корр. АН СССР Борисом Михайловичем Козо-Полянским. (Он написал мне, и я его письмо переслал Евг[ению] Игн[атьевичу] Крупнову²).

Как вы знаете, Ворон[ежский] Музей это дело проморгал. А профессор Б.М. Козо-Полянский, хотя и ботаник, а не историк, оценил значение памятника и происходящего разрушения.

Я думаю, что когда Вы будете печатать отчёт о своих раскопках на Частых курганах, то помянете добрым словом Б.М. Козо-Полянского, которому мы должны быть благодарны за его инициативу, умолчать о которой, на мой взгляд, было бы не совсем удобно.

¹ Ольга Викторовна Милорадович (1907–1996) – археолог, сотрудник Государственного Эрмитажа, лаборант ИА АН СССР. Подробнее см: Голубинов В.В. Мой семейный археолог Ольга Викторовна Милорадович (1907-1996) // Музей и революция 1917 года в России: судьба людей, коллекций, зданий (из цикла Музей и война): сборник докл. Всерос. конф., 15-17 ноября 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 48–52.

² В 1954 г. Е.И. Крупнов являлся заместителем директора по науке Института истории материальной культуры АН СССР. См.: Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 307.

Об этом мне и хотелось бы Вам сказать. От души поздравляю Вас с успешными раскопками. Рад был узнать, что Вы правильно решили продолжить исследование Частных курганов, довести его по возможности до конца.

Желаю Вам всяческих успехов в этом деле

Всего лучшего

С. Замятнин

22.11.1954.

Приложение № 6*

Письмо А.С. Демидовой¹ П.Д. Либерову

// НА ИА РАН. Ф-18. № 183. Л. 3-4.

Глубокоуважаемый

Петр Дмитриевич!

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю здоровья и во вторую очередь успехов в работе!

Рудольф присоединяется к моим поздравлениям и пожеланиям. И добавляет, что рады будем видеть Вас у себя в 1974 году.

Я знаю, что Вы прислали письмо, и довольно длинное, А. Соловьеву², но он мне сказал, что Вы прислали бумагу только по поводу Ю. Матвеева³.

Петр Дмитриевич, я Вас ввела в состав нашего Ученого Совета. Правда, я Вашего согласия не спросила, но думаю, что Вы никогда не откажитесь проконсультировать наш тематико-экспозиционный план по

* Информация личного характера в письме опущена по этическим соображениям.

¹ Анна Степановна Демидова – заведующая отделом истории досоветского общества ВОКМ.

² Андрей Петрович Соловьев – директор ВОКМ.

³ Юрий Петрович Матвеев – научный сотрудник ВОКМ, впоследствии доцент кафедры археологии и истории древнего мира ВГУ.

археологии. Недавно была коллегия Управления культуры – разбирала нашу работу, и не знаю каким образом, но грехи прошлые и грехи настоящие обошли А.П., а пришли ко мне ... Ну, просто хоть плачь. С одной стороны требуют, а с другой, я ведь без Соловьёва не смогу выпустить труды. Вот что хочешь, то и делай. Как хочется уехать в поле!

Петр Дмитриевич, никто не возьмется за Маяцкое городище? Так его хочется копнуть. Ну, руки просто чешутся.

Петр Дмитриевич, спросите у Никитина¹, того, что приезжал копать петровские памятники (я сама бы написала ему, но у меня нет его адреса и И.О. я его не знаю, а ставить в известность А.П. о переговорах преждевременно не хочу) не будет ли он против, если мы пришлем письмо, с просьбой о его приезде к нам для изучения памятников Защитной черты. Пожалуйста, если Вас это не затруднит.

И последнее, Петр Дмитриевич, устройте Владика в таманскую экспедицию или в Крым куда-либо. Он в этом году копал в Недвиговке и им были довольны. Я не возражаю, ибо археология учит мыслить, развивает людей, пусть ездит.

Как Вы видели египетские сокровища? Что скажите?

Я хочу на 1 день приехать и посмотреть. Владика, если удастся, тоже возьму.

Привет Ан. Ив. Сабуровой², Валерию³. Когда мексиканские сокровища, то бишь инков и ацтеков, мы увидим в Москве?

До свидания, Петр Дмитриевич.

с уважением

25.XII – 73 г.

А. Демидова

¹ Речь идет о Никитине Аркадии Васильевиче (1914–1987) – младшем научном сотруднике ИИМК/ИА АН СССР в 1940–1976 гг. См.: Никитин Аркадий Васильевич // Институт археологии: история и современность. Сб. научных биографий / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2001. С. 175.

² Надо полагать, что здесь закралась ошибка, и речь идет об Анне Ивановне Пузиковой.

³ Полагаем, что речь идет о Валерии Ивановиче Гуляеве.

Приложение № 7

Отчет о работе Музея-павильона «Костенки»

за I полугодие 1974 г. // НА ВОКМ. Б. н.

I. Научно-исследовательская работа

1. Закончена работа над составлением тематической структуры музея-павильона «Костенки».

2. Подготовлен буклет по археологическим памятникам в с. Костенки под условным названием «Воронежская жемчужина».

3. Составлен типологический лист по орудиям труда археологических памятников Костенко-Борщевского района.

4. Привезены и описаны предметы с погребения в с. Манино Калачеевского района.

5. Написаны тексты экскурсий по темам: «Археологические памятники на территории нашего края», «Происхождение человека» и обзорная по досоветскому отделу.

6. Разработана экскурсия по музею «Костенки» и Костенко-Борщевскому району.

II. Научно-просветительская работа

1. Прочитано 13 лекций, из которых 7 по истории СССР. На лекциях присутствовали 201 человек. Лекции читали: Попов В.В. – 7, Балашев О.А. – 6.

2. Проведено 103,5 экскурсий (норма 72), которыми обслужено 2 540 человек. Экскурсии проводились по следующим темам: обзорная по музею – 2, обзорная по досоветскому отделу – 12, обзорная по природе – 1, Отечественная война – 15, Гражданская война – 3, Установление советской власти – 6, Основание Воронежа – 31, петровский период – 2, происхождение человека – 9, археологические памятники края – 10, природа края – 1, Что дает наш край стране – 1, Наш край в XIX в. – 2,

прошлое и настоящее Воронежа – 1. Итого: обзорных – 15, тематических – 81.

Экскурсии провели:

Балашев О.А. – 52,5 (норма 24 + 28,5); Попов В.В. – 51 (норма 48 + 3)

3. Проведена одна экскурсия по городу (Балашев О.А.) для учащихся школы № 58.

4. Организовано и проведено заседаний клуба интересных встреч – 7; встречи с ветеранами партии – 3, гражданской войны – 8, Отечественной войны – 67, партизанами – 7, первыми пионерами – 1, ветеранами труда – 1; пионерских сборов и комсомольских собраний – 12.

5. Организованы семинарские занятия по истории Воронежского края для студентов-заочников ВГУ (руков. д.и.н. Загоровский).

6. Дано 13 консультаций (из них 10 по археологии). Консультации проводил Попов В.В. – 9, Балашев О.А. – 4.

III. Хозяйственная работа.

1. Принято участие в организации выставки Государственного исторического музея СССР «Русская резная кость XVI–XX вв.»

2. Проведены законсервация (февраль) и частичная разконсервация (май) музея-павильона.

3. Привезены на перезарядку огнетушители.

Зав. филиалом музея-павильона «Костенки»

/ Балашев /

1.07.74 г

Приложение № 8

Решение о создании природного, архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье» // НА ВОКМ. Б. н.

Воронежский областной совет народных депутатов

Исполнительный комитет

9.07.91

№346

г. Воронеж

Придавая важное значение обеспечению сохранности, более полному использованию в научных и культурно-просветительских целях архитектурно-археологического и природного комплекса памятников «Дивногорье» Лискинского района исполком областного Совета народных депутатов РЕШИЛ:

1. Создать на базе филиала Воронежского областного краеведческого музея «Дивногорье», природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье».
2. Утвердить:
 - 2.1. Положение о природном, архитектурно-археологическом музее-заповедник (приложение №1).
 - 2.2. Базовым хозяйством музея-заповедника «Дивногорье» - колхоз «Дивногорье».
3. В соответствии с законом СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» принять под государственную охрану (местный учёт) наземные постройки Дивногорского Успенского монастыря (приложение № 2).
4. На основании Проекта охранных зон музея-заповедника «Дивногорье» и решения Лискинского райисполкома управлению культуры (т. Соловьеву) до 1. 08. 91 г. Подготовить документацию по отводу земельного участка музею-заповеднику.

5. Отделу здравоохранения облисполкома (т. Моисееву) внести предложения в облисполком о переводе туберкулезного санатория «Дивногорье» из помещений Дивногорского Успенского монастыря.

Председатель исполкома
Управляющий Делами

В. К. Калашников
Н. П. Сидоров

Приложение № 9

Приказ о создании природного, архитектурно-археологического музея – заповедника «Дивногорье» и государственного археологического музея-заповедника «Костенки» // НА ВОКМ. Б. н.

Управление культура воронежского облисполкома
ПРИКАЗ

от 23.07.91

№ 247 а

На основании решения облисполкома № 346 от 9. 07. 91 г.

«О создании природного, архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье» и решения облисполкома № 354 от 9.07.91 г.
«О создании государственного археологического музея-заповедника «Костёнки»

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Создать с 1 августа 1991 г. на базе филиала Воронежского областного краеведческого музея «Дивногорье» природный, архитектурно-археологический музей – заповедник «Дивногорье». Музей-заповедник является юридическим лицом, находится на самостоятельном балансе, имеет расчетный счет в госбанке, обладает собственным нормативом оборотных средств.

1.1. Назначить с 1.08.91 г. директором музея-заповедника «Дивногорье» т. Лылову Марину Ивановну.

1.2. На основании проекта охранных зон музея-заповедника «Дивногорье» и решения Лискинского райисполкома директору заповедника т. Лыловой М.И. до 1.07.91 г. подготовить документацию по отводу земельного участка музею-заповеднику.

2. Создать с 1 июля 1991 г. на базе филиала «Костёнки» Воронежского областного краеведческого музея государственный археологический музей-заповедник «Костёнки».

2.1. Назначить с 1 июля 1991 г. директором музея-заповедника «Костёнки» т. Волкова Дмитрия Анатольевича.

3. Директору музея краеведения т. Звершховскому В.Л. и гл. бухгалтеру т. Максимовой В.В. произвести по акту передачу материальных ценностей, экспонатов и др. оборудования, указанным выше заповедникам по состоянию на 1 августа 1991 г.

4. Централизованной бухгалтерии т. Максимовой В.В. до 1.10. Подготовить документы по передаче на баланс музею-заповеднику «Дивногорье» основных средств, малоценного инвентаря и перечислить на расчетный счет музею-заповеднику в Госбанк остатки средств бюджетных ассигнований.

Начальник управления

Ю. С. Соловьёв

Приложение 10

О создании Курского государственного областного музея археологии
// <https://archeo-kursk.ru/dokumentatsiya/ustavnnye-dokumenty/28-reshenie-o-sozdanii-kurskogo-gosudarstvennogo-oblastnogo-muzeya-arkheologii>

Курский областной совет народных депутатов

Малый совет

Решение

от 12 августа 1993 года

№ 77

В целях осуществления систематической научно-исследовательской работы, повышения эффективности деятельности по сохранению памятников археологии на территории области малый Совет областного Совета народных депутатов решил:

1. Преобразовать филиал Курского областного краеведческого музея – музей археологии в г. Курске – в Курский государственный областной музей археологии.
2. Создание Курского государственного областного музея археологии произвести в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных Курскому областному краеведческому музею на 1993 год.
3. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на постоянную комиссию по науке, культуре и образованию (Муха В.Д.).
4. Решение вступает в законную силу с момента подписания.

Председатель областного Совета

В. ЛИХАЧЕВ